

Социалистический Вестник

Сборник № 2

ОКТАБРЬ 1964 ГОДА

Социалистический Вестник

Сборник № 2

Октябрь 1964 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

С. Ш.: Кризис международного коммунизма	3
Ю. Денике: К социологии «голджутеризма»	15

Литература и жизнь

В. Александрова: На деревенские темы	59
--	----

К национальному вопросу

С. Шварц: Нация и национальность	24
С. Бялер: Украинцы в советской элите	39
Обозреватель: Советская меньшинственная политика и евреи	46

Страницы истории

Анжелика Балабанова: Ленин и создание Коминтерна	72
На заре Коминтерна: Рассказ «товарища Томаса» с примечаниями Б. Николаевского (Окончание)	82
С. Шварц: К истории формирования меньшевизма и большевизма (Статья вторая)	93

С. Ш.

Кризис международного коммунизма

События развиваются быстро и неумолимо. Что международное коммунистическое движение вступило в фазу тяжелого кризиса, что международный коммунизм непосредственно подходит к расколу, не вызывает больше сомнений. Идеологический водораздел проходит между тем, что условно можно назвать коммунистической «левой», сохраняющей традиционную «революционную» фразеологию, и коммунистическим «центром», пытающимся освободиться от традиционного «догматизма» и искать новых путей, на которых возможно с большей надеждой на успех а) собирать под коммунистическим знаменем рабочие массы, борющиеся за свои жизненные интересы, б) расширять влияние коммунистических партий и за рамки рабочего класса и обеспечить компартиям влияние на политическое развитие современных демократических государств и в) завоевывать для СССР и стран советского блока («социалистического лагеря») влияние на развитие молодых государств Азии и Африки и вырывающихся из пут прошлого стран Латинской Америки.

Полюсами, вокруг которых группируются две складывающиеся фракции международного коммунизма, являются коммунистические партии двух великих держав — Советского Союза и Китая. Они имеют друг с другом свои счеты, не связанные с коммунистической доктриной, а отражающие их «государственные интересы», — не в каком-то идейном, социалистическом или коммунистическом, а в самом обыкновенном «великодержавном» смысле. В самое последнее время, до того приглушенный, спор о границе между Китаем и Советским Союзом принял явный и острый характер. Это является приводящим и осложняющим моментом в развитии кризиса коммунизма: спор этот уводит в сторону от существа разногласий и, может быть, отразится на развитии кризиса. Но основа кризиса остается и вне территориального спора, и кризис этот необходимо анализировать, элиминируя спор о границах.

Дать в рамках этой статьи сколько-нибудь полный анализ этого развития и связанных с ним проблем нет возможности. Мне хотелось бы поэтому прибегнуть к **иллюстрации** и показать значение и характер этого спора на примере — своего

рода case study, употребляя язык американской «политической науки». Благодарный материал для такого рода иллюстрации дает предсмертный «меморандум» Пальмиро Тольятти, многолетнего признанного вождя итальянской компартии, внезапно скончавшегося от удара в Ялте 21-го августа с. г.

Прежде всего — страничка «малой истории». Тольятти прилетел из Москвы в Симферополь 11-го августа «для краткого отдыха» в Крыму. 13-го августа он закончил составление «памятной записки» (меморандума) «о проблемах международного рабочего движения и его единства». Записка должна была быть представлена на обсуждение ЦК итальянской компартии и послужить выражением взглядов партийного руководства в дискуссии, широко развернувшейся в печати в связи с намеченным на 15-ое декабря совещанием 26 коммунистических партий, и, повидимому, имела целью прежде всего повлиять на руководство КПСС. В тот же день, 13-го августа, Тольятти выступил с приветственной речью (по-русски!) на открытии всесоюзного слета пионеров-вожатых октябрят в известном пионерском лагере Артек под Ялтой. После его речи, вызвавшей энтузиазм, слет продолжался. Тольятти, видимо, наслаждался, но вдруг потерял сознание. С ним случился удар. К больному были вызваны выдающиеся врачи, прилетел и из Италии знаменитый врач. Но положение больного всё время оставалось тяжелым. 21-го августа в состоянии Тольятти внезапно наступило резкое ухудшение и он скончался.

О записке и ее содержании руководство КПСС несомненно вскоре было осведомлено и 21-го августа в Ялту прилетел Хрущев в сопровождении Косыгина, Подгорного и Пономарева, чтобы «посетить тяжело больного товарища». Но они опоздали. Тольятти скончался за 40 минут до их прибытия. В свете того, что вскоре стало известно, не вызывает сомнений, что Хрущев с такой свитой прилетел с политической целью — добиться у Тольятти согласия на неопубликование записки. Поздно! Тольятти был окружен в последние дни его жизни ближайшими товарищами из руководства ИКП и они ни на что не соглашались. Тело Тольятти было отправлено на аэроплане в Италию и ему были устроены исключительно торжественные похороны. Советскую делегацию на похоронах возглавлял Брежнев, вчерашний президент Советского Союза. Как сообщалось в международной печати, Брежнев настаивал, чтобы записка Тольятти оставалась неопубликованной, но ЦК ИКП на это не пошел. Больше того: ЦК формально полностью солидаризовался с запиской и опубликовал ее, «как точное выражение позиции нашей партии по проблемам международного рабочего и коммунистического движения и его единства». Правда, записка была опубликована — в центральном органе ИКП «Унита» — лишь 4-го сентября, ровно через две недели после

смерти Тольятти; вероятно, это говорит, что решение об опубликовании записки далось ЦК не очень легко.

Уже на следующий день большая мировая печать подробно сообщила о содержании записки (в «Нью Йорк Таймс» полный текст записки был напечатан 5-го сентября). И только советская печать всё не решалась сообщить о ней. 10-го сентября записка была, наконец, напечатана в «Правде». Но и тут не обошлось без легкого укола. Записка была опубликована как «Памятная записка Пальмиро Тольятти», — не «товарища Пальмиро Тольятти», как было бы естественно; и помещенное тут же предисловие к записке, написанное Луиджи Лонго, называется в «Правде» предисловием «генерального секретаря итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго», тоже без «товарища». Сама «Правда» ни одним словом на записку прямо не откликнулась (предо мною номера «Правды» до конца сентября); частичным и косвенным ответом на нее явились «тезисы» Института Маркса-Энгельса-Ленина к столетию 1-го Интернационала, напечатанные в «Правде» 11-го сентября, на следующий день после опубликования записки Тольятти, и доклад Пономарева на торжественном чествовании столетия 1-го Интернационала 28-го сентября («Правда» от 29-го сентября). Об этом еще будет речь ниже.

Но перейдем к памятной записке Тольятти.

Совещание 26 коммунистических партий, состав которого был намечен на совещании 81 коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1960 года, созываемое ЦК КПСС на 15-ое декабря с. г., должно носить подготовительный характер для формальной мировой конференции коммунистических партий, намечающейся на лето 1965 года. Китай и его сателлиты, тоже приглашенные на декабрьское совещание, уже ответили решительным отказом. Компартии, поддерживающие в советско-китайском конфликте Советский Союз, одна за другой, хотя и медленно, присоединяются к московской инициативе, многие настороженно, опасаясь, что декабрьское совещание расчистит путь к формальному расколу международного коммунизма на два непримиримо борющихся друг с другом лагеря. Тольятти выступил, как наиболее авторитетный выразитель последних настроений.

В споре между КПСС и КП Китая он решительно на стороне КПСС и за «эффективную борьбу против ошибочных политических позиций и против раскольнической деятельности китайских коммунистов» и сурово осуждает «разнузданную и бесстыдную кампанию, развернутую Китаем и Албанией против Советского Союза, против КПСС, против ее руководства и в особенности против товарища Хрущева».

На декабрьское совещание итальянцы придут: «Мы примем участие и участие активное в подготовительной встрече

(«*riunione preparatoria*» — так Тольятти осторожно называет декабрьское совещание). Но он тут же оговаривает: «У нас, однако, сохраняются сомнения и оговорки насчет целесообразности созыва международного совещания», т. е. мировой конференции. «Эффективную борьбу против ошибочных позиций китайских коммунистов» следовало бы вести иначе, чем это сейчас «осуществляется на деле». Конечно, нельзя прекращать «полемику против принципиальных и политических позиций китайцев», но вести эту полемику нужно **«без словесных крайностей и без осуждений общего характера, — вести ее по конкретным вопросам, объективным и убедительным способом и всегда проявляя уважение к противнику»**. В интересах успеха этой борьбы и ее конкретизации желательно «организовать по группам партий серию встреч для углубленного изучения и лучшей формулировки задач, которые встают перед различными секторами нашего движения (Западная Европа, страны Латинской Америки, страны третьего мира и их контакты с коммунистическим движением капиталистических стран, страны народной демократии и т. д.)». «Только на основе такой подготовки, которая могла бы потребовать года работы или даже более того, оказалось бы возможным рассмотреть вопрос о созыве международного совещания, которое могло бы стать новым этапом нашего движения... Действуя таким способом, мы смогли бы лучше **изолировать китайских коммунистов...** Кроме того, если бы были определены задачи и политические линии в каждом секторе, то, возможно, удалось бы **отказаться от проведения международного совещания**, если бы такой отказ оказался необходимым для того, чтобы **избежать формального раскола**».

«На деле проводится иная линия». Некоторые партии (Тольятти избегает прямого указания на КПСС) стремятся к созыву международной конференции в самый короткий срок с тем, чтобы «провозгласить на ней в недвусмысленных выражениях торжественное отлучение, которое будет иметь силу для всего движения». Но последствия этого могут быть очень неблагоприятны. За исключением немногих стран, как Франция или Италия, коммунистические партии в капиталистических странах еще не вышли из состояния «относительной изоляции», не смогли «прочно включиться в общественную и политическую жизнь», стать «действенным массовым движением». Если осуществится формальный раскол и, конечно, возникнет новый, руководимый китайской компартией интернационал с его «секциями» почти во всех странах, положение еще больше ухудшится:

«Коммунистические партии капиталистических стран получают толчок в направлении, противоположном тому, которое необходимо. Они могут замкнуться во внутренней полемике чисто идеологического характера, далекой

от действительности... Все партии, и в особенности наиболее слабые из них, были бы вынуждены посвятить значительную часть своей деятельности полемике и борьбе против этих так называемых 'секций' нового 'интернационала', тогда как массы были бы обескуражены и возникли бы серьезные препятствия для развития нашего движения».

Этой перспективе Тольятти противопоставляет политику, ориентирующуюся на сохранение единства международного коммунистического движения. «Вся наша борьба против китайских позиций должна вестись, как борьба за единство». И еще определеннее:

«Единство всех социалистических сил в единых действиях, так, чтобы они стояли даже **выше идеологических разногласий**,... является неотложной необходимостью. **Нельзя считать, что из этого единства могут быть исключены Китай и китайские коммунисты.** Следовательно, уже с сегодняшнего дня нам следует действовать таким образом, чтобы не создавать препятствий на пути к достижению этой цели, а напротив, облегчать эту задачу. Никоним образом не нужно прерывать полемику, но следует всегда исходить в этой полемике, на основе сегодняшних фактов, из показа того, что единство рабочего и коммунистического движения необходимо и может быть достигнуто».

И отсюда практический вывод:

«В связи с заседанием 15 декабря подготовительной комиссии можно было бы уже подумать о какой-нибудь инициативе. Например, можно подумать о посылке делегации, составленной из представителей нескольких партий, которая изложила бы китайским товарищам наше намерение быть едиными и сотрудничать в борьбе против общего врага, поставила бы перед ними вопрос о поисках путей и конкретной формы этого сотрудничества».

Основной смысл этой аргументации — по возможности добиться «изоляции китайских коммунистов», не доводя дела до прямого раскола и не создавая механизма для принятия решений, обязательных для всех партий, а сосредоточить внимание на разработке встающих перед коммунистическим движением вопросов по «секторам».

Мысль эту записка развивает на основных проблемах, встающих перед коммунистическим движением. Записка безоговорочно «исходит из позиций XX съезда. Но и эти позиции нуждаются сегодня в углублении и развитии»:

«Встает вопрос о возможности завоевания трудящимися позиций власти в рамках государства, которое еще

не изменило свою природу буржуазного государства, а отсюда и вопрос о возможности борьбы за постепенное преобразование этой природы изнутри.

В тех странах, где коммунистическое движение уже развилось так сильно, как у нас (и во Франции), это становится основным вопросом, который вытекает сегодня из политической борьбы».

Не отвечало бы интересам движения разрешать его в централизованном порядке:

«Международное совещание может, несомненно, оказать помощь в наилучшем разрешении этих проблем; но в основном задача их углубления и разрешения лежит на отдельных партиях. Поэтому можно опасаться, что принятие каких-либо общих жестких формул может оказаться тут препятствием...

Каждая партия должна научиться действовать самостоятельно. Самостоятельность партий, решительными сторонниками которой мы являемся, — это не только внутренняя потребность нашего движения, но и существенное условие нашего прогресса в нынешних условиях. Поэтому мы высказываемся против любых предложений создать снова какую-либо международную централизованную организацию. Мы являемся решительными сторонниками единства нашего движения и международного рабочего движения, но это единство должно осуществляться в обстановке многообразия конкретных политических позиций, соответствующих положению в различных странах и степени развития последних».

* * *

«Тезисы» к столетию 1-го Интернационала и по вопросу о тактике по отношению к китайской компартии, и по вопросу о границах самостоятельности компартий ответили на концепцию, нашедшую свое выражение в записке Тольятти, решительным «нет». Конечно, авторы тезисов (при окончательном редактировании тезисов они несомненно уже были знакомы с запиской) не за «раскол», а за «единство». Но это игра слов. Тезисы решительно за скорейший созыв международной конференции, которую записка Тольятти пытается оттянуть и, может быть, даже сделать вовсе излишней. Тезисы решают вопрос иначе:

«В настоящее время большую актуальность приобрел вопрос о созыве Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Международное совещание в современных условиях — наиболее целесообразная форма

коллективного обсуждения и решения насущных задач революционной борьбы, наиболее эффективный путь к укреплению сплоченности братских партий, к успешному преодолению возникающих перед ними трудностей».

Для такого рода «коллективных решений» действительны «важнейшие организационные принципы пролетарского интернационализма», выработанные еще 1-ым Интернационалом. К ним относятся «обязательность соблюдения принятых в рамках Интернационала решений при подчинении меньшинства воле большинства» и «недопущение в рядах Интернационала фракционной раскольничьей деятельности». Т. е. от китайских коммунистов, которые, конечно, будут на конференции в меньшинстве, потребуется не только подчинение принятым решениям, но и безусловный отказ от попыток опереться на «фракции» в партиях, согласных с московским руководством. Это и должно означать «линию не на раскол, а на сплочение коммунистического движения». И если китайские коммунисты этой «линии» не примут, в чем нет сомнений, так как они «открыто взяли курс на раскол», — они сами поставят себя вне достигнутого «единства» международного коммунистического движения.

Но этот «твердый» курс явно вызывает тревогу даже в среде верных, с которыми — хочешь, не хочешь — приходится считаться. И в своем докладе на торжественном собрании, посвященном столетию основания 1-го Интернационала, Пономарев попытался многое смягчить. Руководству китайской компартии, правда, дается здесь очень суровая характеристика, но конкретные обвинения против КПК сводятся к «воинствующему национализму», выразившемуся в требовании возвращения Советским Союзом Китаю территорий, отошедших к России по неравноправным договорам прошлого века. В этом вопросе Пономарев непримирим. В остальном всё сводится у китайцев к «клеветническим обвинениям», — но и «несмотря на наскоки китайских руководителей, развязанную ими клеветническую антисоветскую кампанию», — **«наша партия протягивает руку дружбы коммунистической партии Китая во имя совместной борьбы за дело мира, национальной свободы и социализма».**

Но это еще почти рутинка. Гораздо интереснее попытки московского партийного руководства как-то успокоить своих встревоженных единомышленников:

«Стремление толковать самостоятельность партий, как уход от решения общих интернациональных задач... никак нельзя считать ни признаком самостоятельности, ни признаком зрелости. Путь к успеху каждой коммунистической партии один и только один — это правильное сочетание своей самостоятельности с верностью интернационализму».

В этой связи Пономарев напоминает, — это угрожающее напоминание, — как Ленин «проводил конгрессы Коминтерна, видя в обмене опытом с товарищами по борьбе, в выработке общей линии необходимое условие успехов международного рабочего движения». Но тут же добавляет, что «теперь нет почвы для существования централизованной организации типа Интернационала. Но интернациональная солидарность жизненно необходима и она должна развиваться в формах, соответствующих новому этапу коммунистического движения», — «в порядке добровольного стремления каждой партии к координации своих усилий с другими партиями».

Это уже решительное отступление от традиционной концепции и от отстаивавшейся еще и в «тезисах» обязательности общих решений.

* * *

Записка Тольятти далеко вышла из рамок организационных проблем международного коммунистического движения и подняла и несколько вопросов общей политики, не находящихся в практике коммунистических партий удовлетворительных решений. Самое важное это **проблема свободы**:

«Проблемой, привлекающей наибольшее внимание — это относится и к Советскому Союзу и к другим социалистическим странам — является проблема преодоления режима ограничения и подавления демократических и личных свобод, который был введен Сталиным. Не во всех социалистических странах наблюдается в этом смысле одинаковая картина. Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали, как внутри партии, так и вне ее, широкую свободу высказываний и дискуссии по вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить себе эту медлительность и это противодействие, в особенности учитывая современные условия, когда больше не существует капиталистического окружения, а экономическое строительство достигло грандиозных успехов».

В этой связи записка останавливается на том чувстве тревоги, которое до сих пор сильно в коммунистических партиях в связи с разоблачением, вернее, **недостаточным разоблачением «культа личности» Сталина**:

«До сих пор не разрешена проблема происхождения культа личности Сталина, не разъяснено, как он вообще стал возможен. Объяснение всего только личными пороками Сталина находят недостаточным. Пытаются выяснить,

каковы могли быть политические ошибки, которые содействовали зарождению этого культа».

Эта робость в выяснении причин возникновения культа Сталина имеет и еще одно тягостное последствие — **подорвано доверие**:

«Не приходится отрицать, что критика по адресу Сталина оставила довольно глубокие следы. Самое серьезное — это известный скептицизм, с которым даже близкие к нам круги воспринимают сообщения о новых экономических и политических успехах».

По существу записка требует «преодоления режима ограничения и подавления политических и личных свобод», и, конечно, хорошо, что это сказано в документе, который окажет, вероятно, влияние на широкие коммунистические круги. Но когда записка целиком относит происхождение этого режима за счет Сталина и ограничивается требованием «восстановления ленинских норм», которые будто бы обеспечивали широкую свободу высказываний в партии и даже вне ее, — это свидетельствует, что Тольятти, при всем проявленном им при составлении записки идейном мужестве, так и не сумел до конца дней своих освободиться от некоторых заученных предрассудков и доработаться до действительной независимости мысли.

Это проявляется и в другом очень важном вопросе. Положение в западных странах характеризуется в записке в основном в духе традиций Коминтерна, исключающих возможность действительного понимания западного развития: «Самая серьезная опасность исходит сегодня из Соединенных Штатов... Весь американский политический фронт всё более смещается вправо: усиливается тенденция искать на путях еще большей агрессивности в международной области выхода из внутренних противоречий и основу для соглашения с реакционными западноевропейскими группами». В этой обстановке Соединенные Штаты являются главным носителем «неоколониализма», который характеризуется в записке, как политика, стремящаяся «помешать экономическому и политическому прогрессу новых свободных африканских государств». Трудно даже представить себе более фантастическую формулировку задач, которые ставят себе Соединенные Штаты в Африке. Ободренный этой поддержкой Тольятти, Пономарев в своем докладе характеризует американскую политику еще резче, точно действительными разразителями ее являются «бешеные»:

«Поднимает голову реакция в Соединенных Штатах Америки. Американские 'бешеные' разжигают шовинизм в самых крайних его формах. Бешеный расизм, агрессивный шовинизм и истерический антикоммунизм — вот

идеология и политика 'бешеных'. Американский империализм является главным врагом мира и социального прогресса».

Пред этими бредовыми представлениями о действительном положении в США записка Тольятти оставляет своих читателей идейно безоружными. О Западной Европе записка высказывается несколько осторожнее, но и здесь основное это — развитие монополистического капитализма, и «в качестве **общей черты** преобладает процесс дальнейшей концентрации **монополий**, и '**Общий рынок**' является орудием концентрации и полем ее действия». Всё это ведет к укреплению «объективной основы для реакционной политики, направленной на ликвидацию или ограничение демократических свобод, сохранение фашистских режимов, создание авторитарных режимов».

Но, как это ни неожиданно, эта общая оценка положения как будто вовсе не влияет на постановку конкретных, очередных проблем движения. Точно старые формулы просто повторяются по глубоко укоренившейся привычке, а поиски решения новых проблем происходит совершенно независимо от традиционной общей концепции. И записка так прямо и говорит:

«Существуют весьма благоприятные объективные условия для нашего продвижения вперед (*avanzata*) как в среде рабочего класса, так и в среде всех трудящихся масс и в общественной жизни в целом. Однако нужно уметь понять и использовать эти условия. Для этого коммунистам необходимо обладать значительным политическим мужеством, преодолеть все формы догматизма, ставить и решать новые проблемы по-новому, использовать методы работы, приспособленные к той политической и социальной обстановке, в которой происходят непрерывные и быстрые изменения».

В качестве наиболее убедительного **примера** записка приводит проблему централизованного **планирования**,* как она встает в современных государствах Запада:

«В системе государственно-монополитического капитализма возникают совершенно новые проблемы, которые правящим классам уже больше не удастся решать традиционными способами. В частности, сегодня в наиболее крупных странах встает вопрос о централизации руководства экономикой, который пытаются решать с помощью планирования сверху, в интересах крупных монополий и путем вмешательства государства. Этот вопрос стоит на повестке дня на всем Западе, и уже поговаривают о международном планировании, над подготовкой которого работают руководящие органы 'Общего рын-

ка'. Совершенно очевидно, что рабочее и демократическое движение не может оставаться равнодушным к этому вопросу. Нам необходимо бороться также и в этой области».

Это развитие ставит перед рабочим классом новые и сложные проблемы. Для разрешения их —

«...нужны развитие и координация непосредственных требований рабочего класса и предложений о реформе экономической структуры (национализация, аграрная реформа и т. д.), объединение их в общий план экономического развития, который должен быть противопоставлен капиталистическому планированию. Разумеется, оно еще не будет социалистическим планом, потому что для этого нет условий. Однако это — новая форма и новое средство борьбы за движение вперед к социализму. Возможность мирного пути для такого движения сегодня тесно связана с постановкой и решением этой проблемы. Какая-то политическая инициатива в этом направлении может облегчить нам завоевание нового широкого влияния на все слои населения, которые еще не стали на путь социализма, но уже ищут какой-то новый путь.

В этой связи борьба за демократию приобретает содержание, отличающееся от того, которое она имела до сих пор, — содержание более конкретное, более тесно связанное с реальной действительностью экономической и социальной жизни».

Как и в вопросах о «завоевании трудящимися позиций власти» и о постепенном изменении природы «буржуазного государства», — о чем говорилось в первой части этой статьи, — здесь делается попытка в вопросах социальных и экономических отойти от традиционной ленинской-сталинской концепции и приблизиться к позициям демократического социализма, т. е. к позициям коммунизма Маркса в свете его более чем векового развития.

Развитие современного официального коммунизма наталкивается на препятствия, прерывается кризисами, часто с трудом и не до конца осознается участниками движения и даже его руководителями, но путь его прогрессивных элементов уже обозначился твердо — от ленинско-сталинского коммунизма к демократическому социализму. Кризис современного коммунизма становится всё глубже.

* В переводе в «Правде» вместо термина «планирование» приводится «программирование» в соответствии с «programmazione» итальянского текста. Но по-русски термин «программирование» («математи-

НЕКОТОРЫЕ ВЫДЕРЖКИ ИЗ «ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ» ПАЛЬМИРО ТОЛЬЯТТИ. НЕ ВОШЕДШИЕ В НАПЕЧАТАННУЮ ВЫШЕ СТАТЬЮ

«Мы должны стать поборниками свободной интеллектуальной жизни, свободы художественного творчества и научного прогресса. Для этого мы не должны противопоставлять в абстрактной форме нашей концепции тенденциям и течениям иного характера, а открыть диалог со всему этим течениями и посредством этого диалога постараться углубить темы, касающиеся культуры, в том виде, в каком они предстают в настоящее время. Отнюдь не все те, кто в различных областях культуры, в философии, в исторических и социальных науках сегодня далеки от нас, являются нашими врагами или агентами нашего врага. Именно взаимное понимание, достигнутое в результате постоянных дискуссий, дает нам авторитет и престиж и в то же время помогает нам разоблачить подлинных врагов, лжемыслителей, шарлатанов в области художественного творчества и т. д.»

«В католическом мире — как в смысле организованного целого, так и в католических массах — произошел во времена папы Иоанна явный сдвиг влево. Сейчас в центре католицизма наблюдается контрповорот направо. Но в низах всё еще сохраняются условия, благоприятные для сдвига влево, и мы должны понимать это и помогать этому. В этом смысле нам никак не послужит старая антирелигиозная пропаганда. Сама проблема религиозного сознания, его содержания, его корней в массах, проблема его преодоления — всё это должно быть поставлено не так, как в прошлом, а по-иному, если мы хотим получить доступ к католическим массам, если мы хотим, чтобы они нас поняли. В противном случае может получиться так, что наша 'протянутая рука' католикам может показаться какой-то преходящей мерой и даже каким-то проявлением лицемерия».

ческое программирование») отнюдь не обозначает планирования. Так ли это и по-итальянски, не знаю; возможно, хотя и не очень вероятно, что Тольятти здесь просто ошибся. Но что речь у него идет о «планировании», не оставляет никаких сомнений (он несколько раз пишет о «programmazione», но один раз — совершенно в том же смысле — о «planificazione»).

Ю. ДЕНИКЕ

К социологии «голдуотеризма»

Джонсон или Голдуотер? Все опросы общественного мнения дают фактически один и тот же ответ лишь с незначительными отклонениями. Более шестидесяти процентов намерены голосовать за Джонсона, около тридцати процентов или несколько больше за Голдуотера. Эти результаты опросов нельзя заподозрить в тенденции опрашиваемых, враждебно настроенных по отношению к Голдуотеру. Республиканцы, производящие собственные «зондажи», признают, что они получают в общем те же результаты. Можно ли после этого сомневаться, что Джонсон будет избран очень внушительным большинством? Для того, чтобы большинство перешло от Джонсона к Голдуотеру, нужен такой огромный сдвиг, который представляется совершенно невероятным. Даже если двадцать процентов тех, кто сейчас намеревается голосовать за Джонсона перейдут на сторону Голдуотера, то и это еще не даст Голдуотеру большинство, если не допустить, что опять-таки совершенно невероятно, что **все**, кто еще не приняли определенного решения — 8-10 процентов — будут голосовать за республиканского кандидата. Но большинство за Джонсона может однако быть не таким значительным, если до выборов произойдут события, которые неблагоприятно повлияют на отношение многих избирателей к политике Джонсона и его администрации. Так, может повлиять слишком уже неприятный для Америки оборот событий в Вьетнаме или чрезвычайно обостренные расовые конфликты в самой Америке, бурные уличные проявления которых могут быть в той или иной мере отнесены за счет пассивности правительства. Голдуотер и его сторонники на это очень рассчитывают, прямо обвиняя президента Джонсона и его администрацию по меньшей мере в попустительстве, если не в разжигании страстей.

В результате Джонсон может быть избран и не таким уже значительным большинством, как это представляется теперь. Теоретически существует однако и возможность такого поворота, в результате которого победителем на выборах окажется Голдуотер. Я не вижу оснований — скажу осторожно: **пока** не вижу оснований ожидать, что эта теоретическая возможность станет реальностью. Тем не менее на ней стоит остановиться, так как это поможет разобраться в той очень серьез-

ной проблеме, которую представляет собой для Америки движение, возглавляемое Голдуотером. Я уже упомянул об этой теоретической возможности в моей статье в первом сборнике «С. В.», сославшись на огромный успех, который в Германии имели нацисты в сентябре 1930 года. Я уже в то время был одним из очень немногих, которые видели в гитлеризме серьезную опасность и ожидали значительный рост нацистского движения. Тем не менее и для меня результаты сентябрьских выборов были совершенно неожиданными, как и для всех, не исключая, кстати сказать, и самих нацистов. Еще в 1928 году на выборах в рейхстаг партия Гитлера получила всего 810 тысяч голосов, а через три года уже 6 миллионов 410 тысяч, т. е. в 8 раз больше. Вместо маленькой группы в 12 человек в рейхстаг вошла после этих выборов большая фракция в 107 человек, уступавшая по численности только социал-демократической фракции. Как это произошло? Из статистики выборов сразу было видно, что наци приобрели по сравнению с прошлыми выборами больше голосов, чем потеряли все другие партии вместе взятые. Некоторые другие партии, как католическая партия центра, баварская народная партия и в особенности коммунисты, также имели прирост голосов, но далеко не такой огромный, как рост нацистских голосов. Выборная статистика не оставляла сомнений в том, откуда пришло большинство поданных за наци голосов. Эти голоса пришли, так сказать, из политического небытия. В выборах 1928 года приняли участие 74,6 процентов избирателей, а в сентябре 1930 года уже 81,4 процента, что составило разницу более чем в четыре миллиона голосов. Наци достигли огромного успеха благодаря тому, что они сумели активизировать граждан до тех пор пассивных, побуждали пойти к урнам миллионы людей, которые в предыдущих выборах не участвовали. И так пошло дальше. В июле 1932 года в выборах участвовали еще почти на два миллиона больше избирателей, но сверх того наци уже стали пожирать одну за другой другие партии и получили уже 13,7 миллионов голосов. В декабре того же года наци, правда, потеряли почти точно два миллиона голосов, но быстро исправили свое положение. Частичные выборы в январе 1933 года обнаружили новый рост их голосов. Следующие выборы в рейхстаг состоялись в марте 1933 года уже после прихода Гитлера к власти. Это были последние выборы с участием всех других партий. Участие было огромным. Голосовали 88 процентов избирателей, и наци получили 17,3 миллиона голосов, несмотря на то, что социал-демократы, центр и баварская народная партия в общем сохранили свои позиции, а коммунисты, уже ставшие запрещенной партией, всё же могли участвовать в выборах и потеряли всего лишь несколько более миллиона голосов, получив 4.840 тысяч вместо 5.980 тысяч.

Приведенные данные показывают, какое огромное значе-

ние может иметь политическая мобилизация граждан, до того остававшихся политически пассивными и в выборах участия не принимавших. Эти не голосующие граждане представляют собой большие резервы, и в Америке гораздо более обширные, чем в европейских демократиях. Так, я отметил в предыдущей статье, в Америке число голосующих на выборах в Палату Представителей редко достигает половины имеющих права голоса, а иногда опускается ниже 40 процентов. В выборах президента участвуют обычно больше избирателей, чем на выборах в Палату Представителей. Но, когда на президентских выборах 1960 г. участие достигло 64,6 процента избирателей, оно было беспримерно высоким. В выборах в Палату Представителей в тот же день участвовало 59,4 процента, что также было исключительно высоким участием. Таким образом на этот раз уже в известной мере имело место мобилизация тех резервов, каковыми являются неголосующие граждане. Часть из них была активизирована драматическим характером борьбы между Кеннеди и Никсоном, в частности их дуэлью на телевидении. Поэтому приходится считаться с возможностью значительного увеличения числа голосующих и в Америке. Теоретически в этих резервах можно почерпнуть такое количество голосов, которого было бы достаточно для крутого перемещения сил от одного кандидата к другому. Этому нас учит пример успеха нацистов в Германии. Но тот же пример показывает, насколько маловероятен подобный крутой поворот в Америке. Для осторожности еще раз скажу: пока маловероятен.

Нужно ли доказывать, что в Америке совершенно отсутствуют условия, подобные тем, которые сделали в Германии возможным фантастический рост нацизма? Это однако не исключает того, что совсем другие устремления, возникшие в совсем других условиях, могут дать выражающему их движению динамизм, подобный динамизму нацистов. Возглавляемому Голдуотером движению или, как теперь стали уже говорить, «голдуотеризму» нельзя отказать в значительном динамизме. Но это всё еще бесконечно далеко от исступленного фанатизма нацистов, их бешеной ярости против действительных или воображаемых, существующих или не существующих врагов, их безудержной и абсолютно не брезгующей никакими средствами боевой активности, которая в течение нескольких лет держала Германию почти что на пороге гражданской войны. Нет, по сравнению с этими озверелыми героями уличных битв сторонниками Голдуотера — как и он сам — могут показаться чуть ли не джентльменами, или по меньшей мере сытыми, самодовольными обывателями, меньше всего готовыми погрузить страну в море грязи и крови. Сам Голдуотер, конечно, совсем не Гитлер. Не говоря уже о том, что Гитлер был гораздо талантливее и умнее, у Голдуотера нет и малой доли ни неутолимой жажды власти, ни дьявольского, демонического искус-

ства Гитлера. Вопреки комплиентам, которые направляют по его адресу даже многие противники Голдуотера, он сам является демагогом, но — в особенности по сравнению с Гитлером или Гебельсом — очень бледным и к тому же очень робким, то и дело пугаясь своих демагогических нелепостей уже на следующий день после того, как он их пускает в оборот. Если Гитлер был чудовищем, то Голдуотер в сущности довольно-таки жалкая фигура. Тем более важно вскрыть корни его почти для всех неожиданного успеха. Как ни как, но он сумел завоевать республиканскую партию, которую он и его сторонники преобразуют теперь по его образу и подобию.

Ему, очевидно, удалось ударить по струнам, которые находят отзвук у многих американцев. Сам он не произвел ни одной оригинальной идеи и не был способен найти для своих совсем не оригинальных идей такие формулировки, которые могли бы поразить воображение и создать иллюзию новизны. И в этом отношении Голдуотер коренным образом отличается от Гитлера. Конечно, и Гитлер не был чародеем, который каким-то магическим жезлом вызывал к жизни нужные ему настроения и страсти. Он апеллировал к эмоциям, которые и без его воздействия возникли в Германии после военной катастрофы, после инфляции, раззорившей значительную часть населения и, обесценив сбережения, у многих создавшей мучительную неуверенность в будущем. В стране было много злобы и ненависти, раздражения и зависти, на которых могли играть искусные и беззастенчивые демагоги, в каковых в нацистском движении не было недостатка. Но у Гитлера было не только умение направлять гнев широких масс против кого-либо или чего-либо. Людям с жгучей потребностью найти надежду на лучшее будущее он открывал грандиозные перспективы: тысячелетнее «третье царство», жизненное пространство для будущих сотен миллионов немцев, очищение призванной господствовать германской расы от уродующих и ослабляющих ее примесей, истребление паразитов, высасывающих кровь из народного организма. Фанатические, бредовые идеи, но в тогдaшнем смятении умов обнаруживавшие большую притягательную силу. Гитлер куда-то вел и вел куда-то вперед. Он не был ни консерватором, ни реставратором остатков прошлого и был достаточно смел, чтобы рвать со всеми традициями — вплоть до христианской религии. Он не соблазнял мечтательным покоем, а призывал к бурям и грозам, в которых должно родиться новое общество.

У Голдуотера, к счастью, всё наоборот — всё в прошлом. Он также не консерватор, но и не радикальный новатор, каким воображал и изображал себя Гитлер, а реакционер и даже реставратор в самом полном смысле слова. Но обозначение «реакционер» имеет уже слишком плохую репутацию, и признавать

себя реакционером никто не хочет. Так и Голдуотер сам выдает себя за консерватора, этим до некоторой степени прикрывая реакционную сущность своей программы. Но по существу эта программа, как я только что указал, есть программа даже не реакции, а реставрации, программа такого радикального поворота в направлении всей американской политики, которая должна восстановить какое-то прошлое, какое-то «доброе старое время». В этом и секрет успеха Голдуотера, но и границы этого успеха, успех у всех тоскующих о прошлом, о том счастливом времени, когда не нужно было платить таких высоких налогов как теперь, когда государство не тратило миллиардов на различные виды социального обеспечения, предоставляя каждому устраивать свою судьбу по мере своих сил и способностей, когда никакое государственное регулирование не ограничивало «свободного хозяйства», когда профсоюзы не были в состоянии навязывать свои условия предпринимателям и т. д. К этому Голдуотер еще добавляет в духе столь распространенного в Америке пуританского лицемерия жалобы на то, как по вине демократических правительств улицы городов превратились в «джунгли», стали ареной преступности и разврата, сменивших прежние добродетели, чистоту нравов, прежнюю добросовестность и честность.

Действительно, доброе старое время, если только оно когда-либо существовало. А если оно существовало, то когда и как оно кончилось? Консервативные республиканцы обычно отвечают, что деградация американской жизни началась со времени президентства Рузвельта. Но Рузвельт был избран в разгар неслыханного по своей остроте и длительности кризиса, возникшего в период расцвета свободного хозяйства и когда у власти находились не демократы, а республиканцы. Одни американцы предпочитают это забыть, но другие этого забыть не могут и не хотят. И таких, наверное, значительно больше — как родителей, которые жили в жестокой нужде, буквально голодая, так и детей, узнавших от родителей правду о том времени. Чистота нравов? Как будто в то же счастливое время не было запрета алкоголя, когда в стране развернулась оргия коррупции, brutalной преступности и самого грубого вульгарного разврата. Очевидно, доброе старое время нужно отодвинуть куда-то много дальше в прошлое, о котором можно рассказывать всё, что угодно, потому что никто уже того времени не помнит. Тем не менее успехи Голдуотера показывают, что его мифология потерянного рая обладает значительной притягательной силой. О «голдуотеризме» часто говорят, что он выражает «американскую мечту». В статье, которая так и была озаглавлена «Goldwater and an American Dream» Джеймс Рестон писал, что «Голдуотер затрагивает существующее в американской жизни глубокое чувство сожаления: сожаление о потере

религиозной веры; сожаление о потере простоты и верности; сожаление о потере духа боевого индивидуализма; словом, сожаление о потере невинной и идеалистической юности Америки». Я не берусь судить, насколько точно это перечисление «сожалений», и боюсь, что тут враждебный Голдуотеру автор слишком старается быть объективным и идеализирует настроения, в которых преобладают мотивы гораздо более низменного материального порядка, которым не следует придавать слишком мечтательного характера. Идеалисты, без сомнения, имеются в таком движении, как голдуотеризм, но вряд ли можно думать, что ими определяется характер движения. Поскольку однако можно говорить вместе с Рестоном о мотиве сожаления, то из приведенного Рестоном перечня следует выделить сожаление об утраченной **простоте** (конечно, сравнительной) американской жизни, о том, что современная жизнь стала слишком сложной, слишком отягощенной проблемами, от которых и хочется убежать в простоту прошлого, когда жизнь была — как по крайней мере кажется теперь — гораздо спокойнее. И нельзя не признать, что отдохнуть от насыщенной проблемами современности хотелось бы не только сторонникам Голдуотера. Такое чувство, наверное, иногда бывает у президента Джонсона, который однако знает, что это невозможно. Голдуотер утверждает и благодаря своему энциклопедическому невежеству, может быть, в самом деле верит, что это возможно, и этим вызывает энтузиазм у тех, кто хотят этому верить.

Современная жизнь стала, действительно, утомительно сложной. Я, как, вероятно, большинство читателей «Социалистического Вестника», принадлежу к числу людей, с малолетства испорченных изучением вредных наук. Жизни без проблем у нас в сущности никогда не было. И всё-таки иногда становится невольноту от изобилия и сложности проблем и гнета различных «злов дня». Голова просто не вмещает всего, что в принципе должно интересовать каждого гражданина, который должен иметь свое мнение и о расовой проблеме, и о безработице, и о вопиющих недостатках народного образования, и о росте преступности, в особенности юношеской, и о медицинской помощи престарелым, и о способах устранения кричащего социального неравенства, и о множестве внешне-политических проблем, в которые вовлечена Америка, и о Кубе, Латинской Америке вообще, о Корее, Лаосе, Вьетнаме, о конфликте между Индией и Пакистаном, о Кипре, о Конго, о помощи недоразвитым странам, о кредитах Советскому Союзу и другим коммунистическим странам, а также о германской проблеме и в частности о Берлине, о политике де Голля, о положении в Нэйто, о всех вопросах, встающих перед Организацией Объединенных Наций и о таких капитальных проблемах, как разоружение, политика мирного сосуществования и отношение

к советско-китайскому конфликту и кризису в коммунистическом лагере. И это еще далеко не полный перечень (в особенности в области внутренней политики). Никакая голова всего этого вместить не может. Президент США, который должен иметь свои ответы на все эти вопросы, достигает этого только, полагаясь в большинстве случаев на заключения специализированных в отдельных областях органов. Но что делать отдельным гражданам? Я совершенно убежден, что огромное большинство хотело бы избавиться от сложных и тревожных вопросов, о которых изо дня в день напоминают газеты, радио и телевидение. Как не сожалеть о прошлом, когда всё было гораздо проще. И те, кто не понимают, что такой возврат невозможен, готовы идти за политическим шарлатаном, который обещает одним взмахом разрубить любой гордиев узел.

Но доброе старое время, если его отодвинуть далеко назад, имеет ту завидную черту, что тогда не было коммунизма, существование которого, как мировой силы, совершенно исключает возврат к прежней «простоте», выражавшейся, например, в американском изоляционизме. Но как восстановить такое прошлое и освободить Америку от забот, которые причиняет ей коммунизм? Голдуотер говорит так, будто он и это сможет сделать. Но тут его заявления настолько противоречивы и туманны, что вывести из них какую-либо сколько-нибудь связную программу политического действия совершенно невозможно. Голдуотер обвиняет демократическое правительство в том, что оно не добивается победы над коммунизмом, а вместо этого старается улучшить отношения с коммунистическими странами. «Почему же не победа?» — спрашивает Голдуотер. Может быть, до выборов он еще раскроет — или, вернее, придумает — в чем секрет его победоносной политики. Но пока из его противоречивых и наивных заявлений можно извлечь только то, что нужно быть более «твердым» по отношению к коммунизму, тогда как теперешняя американская политика по отношению к коммунизму является слишком «мягкой». Если отвлечься от нелепой фразеологии, эта позиция голдуотеризма сводится в основном к следующему: Америка обладает во всех областях огромным превосходством, которое не было использовано тактикой демократических президентов. Ставшим уже классическим примером нежелания или неспособности использовать для «победы» американское могущество является провал нападения на Кубу. К этому присоединяется теперь пример бесплодных усилий сокрушить коммунизм в Вьетнаме. Гигантская страна благодаря нерешительной политике ее правительства оказывается неспособной справиться с такой маленькой страной, как Куба, или с партизанами в Южном Вьетнаме. Это настроения, очень напоминающие те, которые приписывали Наполеону пушкинские стихи:

«Черногорцы? Что такое?»

Бонапарте возопил.

«Правда ль: это племя злое

Не боится наших сил?»

А так как «злые племена» на Кубе или в Вьетнаме действительно американских сил не боятся, то это, очевидно, вина правительства, которое не умеет распоряжаться американскими силами. Такова в сущности логика Голдуотера, который в данном случае, без сомнения, находит широкий отклик и у многих из тех избирателей, которые по другим соображениям отдадут свои голоса Джонсону. И если в остающиеся до дня выборов недели в Южном Вьетнаме обнаружатся новые разительные неудачи американской политики, это вызовет некоторый сдвиг голосов от Джонсона к Голдуотеру. Но этого не будет достаточно, чтобы побудить идти к урнам миллионы из «резервной» массы американцев, до сих пор никогда не участвовавших в выборах. Вьетнам слишком далек, и отчеты объезжавших страну корреспондентов весьма единодушно свидетельствуют, что события во Вьетнаме большого волнения в населении страны не вызывают.

Действительно крупный поворот могут вызвать однако события внутри самой Америки, а именно развитие расового конфликта, борьбы между «черными» и «белыми», принявшей за последнее время угрожающие и часто совершенно дикие формы. Когда идут уличные драки, в них всегда вмешиваются темные или незрелые элементы. Но это не устраняет того основного факта, который обостряет борьбу негров за их равноправие: негры потеряли терпение и психологически больше ждать не могут. Принятие закона о гражданских правах их не успокоило, потому что они на основании опыта убеждены, что проведение в жизнь этого закона встретит противодействие и саботаж, и не верят, что действительное применение закона может быть обеспечено без усиленного давления со стороны негров. Но нет сомнения и в том, что последние беспорядки вызвали острое раздражение в широких кругах белого населения, у которого вследствие этого находят отклик слова Голдуотера, что улицы городов превратились в джунгли. И это тем более серьезно, что большинство белого населения, включая и многих сторонников равноправия негров, в действительности плохо мирятся с тем, что негры будут такими же равноправными гражданами и полноценными американцами, как они сами. Они за равноправие негров, потому что они считают это необходимым по моральным соображениям, из чувства справедливости, или неизбежным и необходимым для предотвращения кровавой борьбы, но равными себе они негров не чувствуют. И это может сказаться на их решении при тайном голосовании.

А раздражение, вызванное последними буйствами, может расшевелить и часть пассивной массы до сих пор не голосовавших. Мне всё же представляется невозможным, чтобы так могло бы образоваться большинство в пользу Голдуотера. Но существует и другая опасность. Если успех Голдуотера будет значительнее того, что можно было ожидать до сих пор, то не окажется ли это таким же стимулом для дальнейшего роста голдуотеризма, каким был для нацизма его первый большой успех в сентябре 1930 года?

20-го сентября.

К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

С. ШВАРЦ

Нация и национальность

Чтобы лучше ориентироваться в существе национального вопроса в современном многонациональном государстве, нужно прежде всего создать ясность в разграничении понятий **нация** и **национальность**.* **Нация** в основном понятие политическое и правовое. **Национальность** — понятие социологическое и социально-психологическое. Нация это народ, живущий на определенной территории, объединенный в государственное целое. Национальность это исторически сложившееся единство, выходящее за рамки племени, часто в своем большинстве связанное с определенной территорией и стремящееся стать — а то и ставшее — нацией. В последнем случае нация и национальность практически могут совпадать. В качестве примеров такого совпадения можно назвать норвежцев, шведов, голландцев. В других случаях национальность далеко выходит за рамки государства и входит в состав разных наций.

Обычно в составе нации преобладает одна определенная национальность, по имени которой и называется государство. Но бывает, что части различных национальностей сливаются в нацию, причем ни одна из них не оказывает определяющего влияния на характер нации. Наиболее совершенный образец такой нации — Швейцария, нация сложившаяся из частей немецкой, французской и итальянской национальностей, образовавших настолько прочный сплав новой нации, что ее граждане, хотя и говорят соответственно на немецком, французском и итальянском языках, в подавляющем большинстве случаев не чувствуют себя принадлежащими к немецкой, французской и итальянской национальностям, а чувствуют себя лишь швейцарцами с разными родными языками. Менее успешный исторический эксперимент — Бельгия, составившаяся из частей французской и голландской национальностей, переставших, правда, чувствовать себя французами и голландцами и ставших

* Царящая в области национального вопроса терминологическая — а отсюда в какой-то мере и теоретическая — путаница усиливается благодаря тому, что во всех европейских языках прилагательное и от слова «нация» и от слова «национальность» одно и то же — «национальный».

валлонами и фламандцами, но до сих пор не достигших полной консолидации в рамках бельгийской нации.

Понятие нации неразрывно связано с определенной **территорией**, на которой, кроме коренной национальности, по имени которой именуется и нация (или государство), могут жить — и обычно живут — люди, принадлежащие к другим национальностям. Если число их сколько-нибудь значительно и у них складывается сознание своей общности, как-то отличающей их от основной национальности данной страны, они становятся **национальным меньшинством**. Национальный вопрос это вопрос о свободе развития национальности. Исторически он вставал и частью встает и сейчас по преимуществу, как вопрос о превращении национальности в нацию, о национальном освобождении и национальном объединении. Это был вопрос, игравший огромную роль в жизни многих европейских и латиноамериканских государств в течение большей части XIX века и занявший во второй и третьей четверти XX века центральное место в жизни многих народов Азии и Африки. Но разрешение национального вопроса для нации еще далеко не означает разрешения его для живущих на территории данной нации национальных меньшинств.

Национальное меньшинство само иногда живет на какой-то части государственной территории компактной массой и составляет здесь большинство. В этом случае у него нередко пробуждается потребность в государственном оформлении, т. е. в превращении в нацию, то ли путем **отделения** от государства-матери (примем условно этот термин) и образования самостоятельного государства, то ли путем превращения государства-матери в федеративное государство и превращения территории, на которой сосредоточена данная меньшинственная национальность, в **федеральную часть** государства-матери. В этом случае национальность, являющаяся основной в государстве в целом, сама оказывается национальным меньшинством на меньшинственной территории.

Но меньшинственные национальности часто слишком малы или не достигли достаточного уровня развития для превращения их в федеральные части государства-матери. При благоприятных условиях вопрос об обеспечении таким меньшинственным группам национальной свободы разрешается путем **местной автономии**. Наконец, там, где меньшинственная национальность рассеяна на территории государства-матери, обеспечение ей свободы национального развития возможно путем предоставления ей **национально-культурной автономии**, т. е. не территориальной, а охватывающей всех принадлежащих к данной национальности лиц на территории государства-матери. Это пока, правда, в сущности только теоретическая возможность. Практически она почти нигде использована не была.

Это, может быть, покажется парадоксом, но мы живем в эпоху национальной перестройки мира. За истекшие после окончания 2-ой мировой войны неполных два десятилетия возникло большое число новых государств, формально являющихся новыми нациями, но часто еще только напряженно ищущих решения вставшей перед ними задачи национальной консолидации. Межнациональные напряжения возникают и внутри старых наций и между ними и новыми государствами. «Национальный вопрос» встает во многих частях мира, как один из наиболее актуальных вопросов современности.

Попытаемся в свете высказанных выше общих замечаний ориентироваться в некоторых современных конкретных национальных проблемах — и конфликтах.

* * *

Под углом зрения национальной проблемы один из поразительных парадоксов нашего времени — **Кипр**. Это только что (в 1960 году) возникшая нация, которая не хочет быть национальностью и даже колеблется, хотеть ли ей быть нацией.

Средней величины остров (в 12 раз меньше Кубы) — Кипр расположен в северо-восточном углу Средиземного моря, почти в виду берегов Турции (на расстоянии от ее берегов около 40 миль, т. е. около 64 километров), и отдален от берегов Греции всей шириной Эгейского моря и значительной восточной части Средиземного моря. Но в составе населения Кипра — скромного: менее 600 тысяч — почти 78 процентов (450 тысяч.) составляют греки и лишь 18 с небольшим процентов (немного более 100 тысяч) составляют турки. С 1878 года остров находился под управлением Англии (до того в течение трех веков был под властью Османской империи), хотя формально Кипр еще долго оставался частью турецкой территории. В ноябре 1914 года, после того как Турция вступила в войну на стороне Германии, Англия аннексировала Кипр и в следующем году предложила Греции передать ей Кипр при условии, что Греция окажет военную помощь Сербии, подвергшейся нападению со стороны Болгарии. Греция это предложение отвергла и Кипр остался в английском управлении. В начале тридцатых годов среди греческого населения Кипра началось национальное движение в пользу «соединения» («энозис») с Грецией. В годы 2-ой мировой войны оно затихло, после войны началось вновь и вскоре приняло бурные формы. Целью его всё время оставалось не создание независимого Кипра, а именно «энозис». Турецкое население Кипра с тревогой наблюдало это развитие и с начала пятидесятых годов противопоставило ему требование раздела Кипра на греческую и турецкую части и присоединения той и другой соответственно к Греции и Турции. Только осенью 1958 года архи-

епископ Макариос, общепризнанный глава греческих киприотов, выдвинул идею превращения Кипра в независимое государство. На конференции в Цюрихе в феврале 1959 года с участием Греции и Турции (но без Англии) было достигнуто соглашение об образовании самостоятельного **бинационального кипрского государства**, и Англия тотчас приняла эту идею.

В июле 1960 года возникла независимая республика Кипр, конституция которой предусматривала далеко идущие гарантии для турецкого меньшинства: президентом республики должен быть греческий, вице-президентом турецкий киприот; в составе национального собрания 70 процентов всех мест предоставляются греческим, 30 процентов турецким округам; в состав Совета Министров входят 7 греков и 3 турка; в такой же пропорции должны вербоваться государственные служащие. Греция, Турция и Англия гарантировали независимость и безопасность республики. Для обеспечения независимости судебных учреждений решено было во главе Верховного Суда поставить выдающегося иностранного юриста, что и было сделано.

В принципе — это было хорошее начало, независимо от его конкретных форм; они могли быть и иные. Предоставление турецкому меньшинству значительно большей роли во всей структуре государства, чем это соответствует ее численному весу в составе населения страны (три к семи вместо трех к двенадцати), вероятно, было продиктовано стремлением подчеркнуть необходимость устранить всякую тень подавления меньшинства. Возможно, что в конкретных условиях Кипра и на какой-то переходный период это и было целесообразно; нужно ли было закреплять эти соотношения в конституции, спорно. Но самая идея конституировать новое государство, как бинациональное государство, была ценна, и если бы она прочно вошла в сознание кипрского народа, она могла бы обеспечить мирное развитие молодой республики. Но для успешного осуществления этого плана необходимо было пробуждение и развитие кипрского национального сознания, по отношению к которому греческое и турецкое национальные сознания греческих и турецких киприотов должны отступить на второй план. Об этом, кажется, никто не думал.

Результаты опыта конституции 1960 года были минимальны. Не прошло и двух лет и внутренний конфликт возник с новой остротой. Опять усилилось движение за «энтозис». Президент Макариос, правда, вскоре опять выдвинул идею независимого Кипра, но в то же время он высказался за решительный пересмотр — фактически сведение на нет — конституционных гарантий для турецкого меньшинства, которые пока превратились в мертвую букву. Фактически на Кипре тлеет огонек местной войны, которая вот-вот может превратиться в на-

стоящую большую войну между Грецией и Турцией и возможно и другими странами. Положение обостряется, и в печати в качестве возможного выхода из кризиса была даже выдвинута идея обмена турецкого населения Кипра на греческое население Додеканеза (греческих островов у западных берегов Малой Азии с греческим населением, приблизительно достигающим численности турецкого населения Кипра) и соответственно передачи Додеканеза Турции. Эта фантастическая идея не имеет никаких шансов на успех, но самое возникновение ее говорит о глубине кипрского кризиса.

Проблема бинационального государства вообще осваивается с трудом. Дунациональное государство это государство двух национальностей, но единой нации, т. е. и единой сверх-национальности. Здесь опять сказывается, как несовершенство терминологии мешает ясности сознания. Кипрскому греку или кипрскому турку очень трудно осознать себя принадлежащим к кипрской национальности (а без этого нет Кипра, как нации, и нет жизнеспособного кипрского государства), не порывая своей внутренней связи — а он рвать ее не хочет, и он прав — с греческой или, соответственно, турецкой национальностью. Другими словами: бинациональное государство означает не только мирное, формализованное (институционализованное) сосуществование двух национальностей в одной нации, но и сознание гражданами его их принадлежности к двум национальностям (сверх-национальности и их первичной национальности). При этом принадлежность к нации, т. е. и к сверх-национальности, должна в сознании граждан превалировать в иерархии ценностей над принадлежностью к первичной национальности.

В жизни, правда, это оказывается проще, чем это кажется в теоретической конструкции, проще, но не просто и не легко. Удастся ли вообще достичь сейчас мирного разрешения кипрского кризиса, представляется не очень вероятным: положение чрезвычайно обострилось и шансы мира невелики. Но если сейчас и будет достигнуто замирение на Кипре и удастся избежать и раздела Кипра, проблема консолидации Кипра, как демократического бинационального государства, еще будет очень далека от своего разрешения.

* * *

Не так давно проблема бинационального государства встала, как непосредственная актуальная проблема, и в другом месте (кстати, совсем почти по соседству с Кипром): при обсуждении во второй половине сороковых годов вопроса о судьбе Палестины и об образовании в ней еврейского или еврейско-арабского государства. Решение Объединенных Наций о разделе Палестины на два государства — еврейское и арабское — не сняло с порядка дня этой проблемы, так как и в еврейском

государстве должно было оставаться очень значительное арабское население и по существу — по своему национальному составу — еврейское государство должно было оставаться еврейско-арабским, в котором только будущая массовая еврейская иммиграция должна была обеспечить значительное численное преобладание евреев над арабами. Но арабы и дальше должны были оставаться очень значительным меньшинством в Израиле, и некоторые выдающиеся представители еврейской общественности, с организатором и ректором Иерусалимского университета д-ром Магнесом во главе, выдвинули мысль о конституировании Израиля — формально — как бинационального, еврейско-арабского государства. Мысль эта, правда, не встретила сочувствия в наиболее влиятельных еврейских кругах и развитие событий вскоре и вовсе сняло ее с порядка дня.

Решение Объединенных Наций о разделе Палестины и образовании из нее еврейского и арабского государства евреи, как известно, приняли, арабы отклонили. И на следующий же день после ухода английских властей и провозглашения государства Израиль, окружающие его арабские государства открыли против него военные действия и вторглись в его границы, открыто заявив, что не допустят самого существования еврейского государства. В этой войне арабы были разбиты и вместе с их отступающими армиями ушла и большая часть арабского населения Израиля. Арабы стали в Израиле скромным меньшинством. И что, может быть, еще важнее: арабско-еврейская война оставила и у евреев и у арабов столько горьких воспоминаний и непримиримая и демонстративная враждебность всех арабских государств по отношению к Израилю приняла такие формы, что надолго нельзя было ожидать от арабского меньшинства в Израиле пробуждения и укрепления у него израильского национального сознания.

Но израильское национальное сознание начинает складываться у еврейского населения Израиля — параллельно и **над** еврейским национальным сознанием. Это в последние годы нашло свое выражение и в высказываниях Бен-Гуриона, вызвавших некоторое неудовольствие во влиятельных еврейских кругах за границей, но несомненно отвечающих растущим и здоровым настроениям внутри Израиля. И этот факт открывает какие-то перспективы смягчения еврейско-арабских отношений в Израиле: от израильских арабов невозможно ожидать патриотизма по отношению к еврейскому государству, но возможно, — хотя для этого еще много нужно сделать, — возможно пробуждение у них израильского патриотизма, т. е. израильского национального сознания — параллельно и **над** их арабским национальным сознанием. Не приходится при этом думать о возрождении идеи бинационального государства; и не только потому, что после всего, что произошло со времени

возникновения Израиля, превращение его в еврейско-арабское государство уже и психологически невозможно; но и потому, что численное соотношение еврейского и арабского населения в Израиле — и это уже неизменно — лишает эту идею почвы. Но предоставление арабам действительного широкого гражданского равноправия и гарантий прав национального меньшинства, может быть, с образованием арабского автономного национального района (или районов) — всё это в предвидимом будущем возможно. Препятствия для такого развития не столько внутривнутриполитического, сколько внешнеполитического характера, не столько в сложности национального вопроса в Израиле, сколько в обостренности отношений между Израилем и окружающими его арабскими государствами. К сожалению, всё то, что происходит в этой области в новейшее время не располагает к оптимизму.

* * *

Иной характер носят проблемы формирования и развития наций и национальностей в **Африке**, вернее, в **черной Африке**: арабская северная Африка не ставит в этой области значительных **новых** проблем; но негритянская Африка это сплошная и очень трудная проблема.

До недавнего времени негритянская Африка делилась на несколько десятков колоний — английских, французских, бельгийских, португальских, испанских. Это была пестрая картина большого числа почти произвольно выкроенных кусков и кусочков территории, границы которых были установлены в зависимости от множества исторических случайностей, как правило, вне всякой связи с вопросом о возможности превращения их в нации и населения их в национальности. Да нигде на этой огромной территории почти и не существовало зачатков национального сознания. Что существовало это широко распространенные настроения антиколониализма, являвшиеся основой «национальных движений» в разных частях черной Африки, слабые зачатки негритянского расового сознания и развитое племенное сознание, основная форма социальной интеграции в черной Африке.

Если бы границы колоний были проведены по границам территорий, занимаемых племенами, это, может быть, в какой-то мере облегчило бы впоследствии формирование национальностей. Но и этого не было: сплошь и рядом племена оказывались разделенными между двумя колониями (или даже больше). И к тому же на территории многих колоний жило по несколько племен или частей племен, часто жгуче друг друга ненавидевших.

Когда начался процесс спешной ликвидации колониально-

го режима и провозглашения независимости возникших из колоний африканских государств, на месте ~~каждой~~ колонии возникло новое государство.* Создалась обстановка, пред которой бледнеет государственная и административная раздробленность, создавшаяся в свое время на Балканах и породившая полемический и укорительный термин «балканизация». Но если балканизация при всей своей произвольности всё же находила частичное оправдание в национальной пестроте, царившей на Балканах, и в значительной мере совпадала с географическим размещением различных народностей, — в Африке при образовании многих новых государств об этом не могло быть даже и речи. Возникновение государства само являлось здесь **начальным моментом** в развитии национального сознания. При этом и национальное сознание возникало здесь не как сознание принадлежности своей к национальности (т. е. к народу в социологическом, не в политическом смысле), как это бывало повсюду до сих пор, а лишь как сознание своей принадлежности к нации, т. е. к государству, без хотя бы зачатков сознания себя национальностью.

В этих условиях руководители молодых африканских государств не могут не ощущать внутренней слабости этих государств и часто они ищут выхода из трудного положения в усилении в руководимых ими государствах авторитарного характера власти. Но это паллиатив, который только маскирует, но не устраняет внутреннюю слабость новейшей африканской государственности.

Что современная супер-балканизация негритянской Африки не может обеспечить ее здорового развития, сознают многие и ищут преодоления этого хаоса. Правда, самый факт существования новых государств быстро создает всюду группы людей, заинтересованных в сохранении теперешней раздробленности. Но история не останавливается перед такими препятствиями. Самой жизнью поставлена проблема интеграции: то ли путем объединения двух и более государств, то ли путем создания нескольких федераций, то ли путем какого-то объединения всей черной Африки; и здесь опять — то ли путем создания конфедерации африканских государств или федера-

* Первой возникла (в 1957 году) Гана, второй Гвения (в 1958 г.) в 1960 году одно за другим возникло 18 новых государств (первоначально 17, но после семимесячного существования Мали разделилась на Мали и Сенегал); после этого каждый год прибавлялось одно-два три государства; процесс этот еще не закончился, но близок к своему завершению. Значительное большинство бывших английских и французских колоний входят в Британский коммонвелс или Французскую коммюнетэ, но это носит в сущности номинальный характер и пока никак не содействовало преодолению раздробленности.

ций государств, то ли путем создания объединения по типу Соединенных Штатов Америки, то ли — и это наиболее вероятно — в какой-либо иной форме. Всё это еще находится в начальной стадии, всё бродит, и сейчас даже трудно предвидеть, как эти проблемы разрешатся и, вместе с тем, как разовьются и какие формы примут национальные сознания или национальное сознание африканских народов.

* * *

Говоря о проблемах нации и национальности нельзя обойти молчанием **Советский Союз**. Здесь эти проблемы встают совсем иначе, чем в только что описанных случаях. И на Кипре, и в Палестине, и в Африке речь шла о возникновении новых наций и новых национальных сознаний, при этом на Кипре и в Палестине путем преодоления старого национального сознания или, вернее, независимо от существующих старых национальных сознаний, а в черной Африке в сущности на пустом месте, на девственной почве. В Советском Союзе всё иначе: национальности давно здесь существуют, дуализм понятий нация и национальность широко, хотя и смутно, осознан. Больше того: в Советском Союзе дуализм понятий нация и национальность — это как-то часто ускользает от общественного внимания — приобрел особенно отчетливое выражение благодаря принудительному отнесению всех граждан Советского Союза к той или иной национальности. В советском паспорте — а паспорт в Советском Союзе обязателен — наряду с обозначением гражданства (принадлежности к нации)* обязательно обозначение «национальности». Это характерная особенность

* Самое понятие гражданства сложилось в Советском Союзе, как полу-дуалистическое понятие. Советский Союз формально — федеративное государство, состоящее из 15 «союзных» республик, и советские государствоведы характеризуют их как «нации», но без **особого** гражданства: ст. 21 конституции СССР так прямо и постановляет, что «для граждан СССР устанавливается **единое советское гражданство**». И конституции всех союзных республик содержат правила — цитирую по тексту конституции Украинской ССР, но так же дословно или почти дословно это сформулировано в конституциях всех остальных союзных республик, — что «каждый гражданин Украинской ССР является гражданином СССР» и что «граждане всех других союзных республик пользуются на территории Украинской ССР всеми правами граждан Украинской ССР». В годы войны была даже сделана попытка говорить о населении каждой республики, как об особом «народе»: по этой терминологии «русский народ» (в отличие от «советского народа») или «русские» это все граждане РСФСР, украинцы или украинский народ это граждане Украинской ССР без различия принадлежности их к той или иной национальности. Введено было это новше-

советской правовой системы, перешедшая отсюда в другие страны «социалистического лагеря». Западным странам обязательность этого дуализма чужда и принадлежность к какой-либо национальности, помимо принадлежности к нации, не носит обязательного характера.

Принудительный характер принадлежности к той или иной национальности с особенной отчетливостью ставит проблему обеспечения прав национальных меньшинств, составляющих — все вместе — почти половину населения страны: 45,4 процента. Строго говоря, даже больше, так как более 16 миллионов русских — 7,8 процента всего населения страны — живут в 14 меньшинственных «союзных» республиках, где они сами составляют национальное меньшинство (или, если не считать Казахстана, где русские, хотя абсолютно и составляют меньшинство, являются уже **относительным** большинством, число русских, находящихся на меньшинственном положении, достигает 12 с четвертью миллиона, т. е. 5,9 процента всего населения страны). Другими словами, в обеспечении прав меньшинственных национальностей заинтересованы 53,2 процента всего населения страны (а без русских в Казахстане — 51,3 процента).

В советской меньшинственной политике есть своя десница и своя шуйца. Вся структура советского государства формально принаровлена к тому, чтобы обеспечить развитие всех сколько-нибудь значительных — а то и совсем незначительных — национальностей (или народностей), живущих на территории Советского Союза. Отсюда широкое признание в советской национальной политике начал федерализма и автономизма. Это, конечно, положительное явление. Правда, сделано это было не ради, во всяком случае не столько ради меньшинственных национальностей, сколько ради внутренней консолидации советского государства и обеспечения его от внутренних потрясений. И во имя этих последних целей начала федерализма и автономизма в действительности в значительной мере парализуются всепроникающим, универсальным и безапелляционным «контролем» над всей государственной и общественной жизнью со стороны компартии. При этом сама компартия построена

ство в связи с систематическим замалчиванием гитлеровской политики истребления евреев: о массовом истреблении евреев на Украине и в Белоруссии сообщалось, как об истреблении украинцев и белорусов. Но это словоупотребление не привилось и после войны вообще было оставлено. И если бы, придя впервые за получением паспорта, молодые москвичи Аршак Мирзоян, Исак Рабинович и Ной Абашидзе попросили поставить в их паспортах в графе о национальности отметку «русский», мотивируя это тем, что они родились, выросли и постоянно живут в Москве, им в их просьбе отказали и записали их соответственно армянином, евреем и грузином.

строго централистически и не допускает в своей внутренней организации и следов федерализма и автономизма.

Но при всех этих оговорках необходимо отметить, что формальное признание в советской меньшинственной политике принципов федерализма и автономизма имело большое положительное значение: оно обеспечило широкое, не только формальное, но и фактическое признание права меньшинственных национальностей пользоваться родным языком в органах администрации и суда и создание и широкое развитие школы на родном языке, но и значительное развитие национальной культуры вообще. Конечно, со всеми теми ограничениями, которые существуют в Советском Союзе и для культурного развития национального большинства, т. е. русских.

Но поразительная и парадоксальная черта: советская меньшинственная политика в принципе признает права национального меньшинства лишь там, где оно является большинством, т. е. на его национальной территории. Правда, это невозможно проводить с полной последовательностью и во многих случаях определенная меньшинственная национальность трактуется, как если бы она была большинством на определенной территории, и территория даже именуется по названию этой национальности, хотя в действительности данная национальность очень далека от того, чтобы быть здесь большинством. Это требует более внимательного рассмотрения.

Принцип национальной территориальной автономии в широком смысле нашел свое выражение в СССР в четырех формах: в создании союзных республик, национальных автономных республик, национальных автономных областей и автономных национальных округов.* Отличаются они большими или меньшими правами, но этого здесь мы касаться не будем. Важно другое.

Все эти формы национальной автономии применяются, согласно официальному учению, там, где, определенная национальность (или народность) является большинством. Но действительность этому противоречит.

Что меньшинственная национальность составляет большинство на носящей ее имя автономной национальной территории, еще почти верно для так наз. **союзных республик**. Но из 14 меньшинственных союзных республик в одной (по данным переписи 1959 г.) — в Киргизии — коренная национальность составляет уже лишь относительное большинство: 40,5 процента (и 30,2 процента составляют русские). И в другой — в Казахстане — коренное население составляет только 30,0 процентов при 42,7 процента русских и 8,2 процента украин-

* Советские государствоведы отвергают признание союзных республик одной из форм национальной автономии; но это ничем не оправданный педантизм.

цев, т. е. при абсолютном большинстве двух основных славянских национальностей. В остальных 12 союзных республиках коренная национальность достигает от 88,0 (в Армении) до 53,1 процента (в Таджикистане). При этом всюду процессы миграции населения приводят к понижению процента коренного населения (и росту процента русских).

Если в союзных республиках численное преобладание коренных национальностей еще в основном сохраняется, в **автономных республиках** процесс ослабления в них значения коренной национальности зашел уже гораздо дальше, независимо от того, что в некоторых из них уже при их основании коренная национальность не составляла абсолютного большинства. Это можно особенно наглядно показать на автономных республиках в РСФСР.*

Только в 4 из 16 автономных республик в РСФСР коренное население еще сохраняет абсолютное большинство и еще в 3

Население автономных республик в РСФСР (в процентах к итогу)

Коренная национальность		Русские	Коренная национальность		Русские
Чувашская . . .	70,2	24,0	Чечено-Ингушская . .	41,1	49,0
Дагестанская . .	69,3	20,1	Мордовская . .	35,8	59,0
Тувинская . . .	57,0	40,1	Удмуртская . .	35,6	56,8
Кабардино-Балкарская . .	53,4	38,7	Калмыцкая . . .	35,1	55,9
Сев. Осетинская .	47,8	39,6	Коми	30,4	48,4
Татарская . . .	47,2	43,9	Башкирская . .	22,1	42,4
Якутская . . .	46,4	44,2	Бурятская . . .	20,2	74,6
Марийская . . .	43,1	47,8	Карельская . .	17,4*	63,4

* 13,1 процента — карелы и 4,3 процента — финны.

уже только относительное большинство, в остальных 9, т. е. в большинстве, русские уже составляют большинство, в том числе в 5 абсолютное большинство.

В **автономных областях в РСФСР** (из общего числа 8 автономных областей в СССР 5 находятся в РСФСР) их специальный национальный характер уже вовсе является фикцией.

Население автономных областей в РСФСР (в процентах к итогу)

	Коренное население	Русские
Карачаево-Черкесская	33,1	51,0
Горно-Алтайская	24,2	69,8
Адыгейская	23,2	70,4
Хакасская	11,8	76,5
Еврейская	8,8	78,2

* Из 20 автономных республик в СССР 16 находятся в РСФСР.

И так было с самого начала, во всех автономных областях, кроме, может быть, Карачаево-Черкесской.

Та же картина, еще резче выраженная, в **национальных автономных округах** (они имеются только в РСФСР).

Население автономных национальных округов
(в процентах к итогу)

	Коренное население	Русские		Коренное население	Русские
Коми-Пермяцкий	58,0	32,9	Корякский	27,7	60,6
Агинский-			Чукотский	25,9	60,7
Бурятский	47,6	48,6	Ханты-		
Эвенкийский	33,9	57,9	Мансийский	14,5	72,5
Усть-Ордынский			Ненецкий	10,9	68,8
Бурятский	33,7	56,4	Таймырский	9,0	65,3
Амало-Ненецкий	33,6	44,6			

Данные для коренного населения, кроме Коми-Пермяцкого и двух Бурятских округов, даны для «народностей Севера».

Несколько неожиданная практика образования национальных округов, автономных областей и даже автономных республик в условиях, когда объявляемая коренной национальностью (или народностью) не составляет в действительности ни абсолютного, ни даже относительного большинства на территории, объявляемой ее национальной политикой, — это характерная черта советской национальной политики. Какая мысль лежит в ее основе? Ответить на этот вопрос можно только гипотетически.

В отношении национальностей, в которых национальное сознание уже пробудилось и нашло свое выражение в национальных движениях — татары, калмыки, башкиры, буряты, северо-кавказские национальности — мотивы предоставления им национальной автономии (в большинстве случаев в форме автономной республики) не вызывают вопроса: это политика консолидации Советского Союза, примирения с советским режимом беспокойных народов. Труднее объяснить введение национальной автономии там, где национальное движение оставалось в зародыше или его вовсе не было. В этих случаях (при отсутствии национального большинства) объявление национальной автономии (хотя бы только почти номинальной, а в национальных округах и вовсе остающейся на бумаге) должно было содействовать пробуждению и развитию национального сознания и общему культурному подъему непосредственно под эгидой компартии, чем в какой-то мере создавалась для компартии возможность оказывать решающее влияние на развитие национальности (народности) и одновременно ка-

кая-то гарантия против пробуждения в ней духа независимости.

Связано это было с традиционным для большевистского мировоззрения представлением о возможности разрешения национального вопроса только **на территориальной основе**. В этом основная слабость советской меньшинственной политики. И при большой широте, которую — в принципе — проявляли руководители советской национальной политики в попытках создания элементов национальной автономии (на территориальной основе), они проявляли и проявляют чрезвычайную косность, когда встает проблема удовлетворения жизненных интересов национальных меньшинств не на территориальной основе, т. е. не опираясь на существование на данной территории действительного или хотя бы фиктивного национального большинства. Это чрезвычайно резко сказывается в вопросах о создании для национальных меньшинств национальной школы и национальной печати вне их меньшинственных национальных территорий. И если создание национальных автономий — при всех их несовершенствах — можно оценить как **десницу** советской политики национальностей, — то, что происходит в области советской меньшинственной политики вне меньшинственных национальных территорий, несомненно является её **шуйцей**.

Эта тема заслуживала бы специального анализа. В рамках этой статьи ее можно коснуться лишь бегло. Отмечу только, что в Советском Союзе официальная политика в принципе отвергает допустимость меньшинственной печати и меньшинственной школы вне меньшинственной территории. Летом 1956 года в Советский Союз приехала делегация Национального Комитета (т. е. ЦК) канадской Прогрессивной Рабочей Партии (т. е. канадской компартии) для выяснения ряда вопросов, вставших в связи с разоблачением «культа личности» на XX съезде КПСС, в частности вопроса о евреях. ЦК компартии поручил Суслову и Пономареву вести переговоры с канадцами и дать им все необходимые разъяснения. Суслов и Пономарев далеко вышли из рамок поставленного им вопроса о евреях и перешли к общему вопросу о положении граждан, принадлежащих к меньшинственным национальностям, вне меньшинственной территории:

«В Москве есть значительное украинское, грузинское и армянское население. Но ни одна из этих групп не имеет своих газет, школ или театра. Они читают русские газеты, посылают детей в русские школы и т. д. Представьте, что бы случилось, если бы названные группы, как и другие, прибывшие из других республик, начали бы печатать свои собственные газеты в Москве. Если они хотят иметь газеты и книги на своих языках, они могут

получать их из соответственных республик».*

Ответ этот поражает своим реакционным характером. Как это украинцы, армяне, грузины и другие, и тем более евреи, не должны даже и думать в Москве о своих газетах или своих школах (или о дополнительных уроках для украинцев, армян, грузин и др. в общих школах, — это уже вопрос не принципа, а практической целесообразности), а должны довольствоваться русскими школами, русскими газетами и пр.? В отношении прессы до такого фантастического руссификаторства не доходило и царское правительство в последнее десятилетие своего существования (а частью и раньше), и в Москве и Петербурге выходило много периодических изданий, в том числе и газет, на разных языках (в том числе и на идиш и даже на иврит). Да и в Советском Союзе в отношении русской прессы и русской школы вопрос так не ставится и в столицах всех союзных республик, а часто и не только в столицах, имеются русские газеты, почти всюду имеются русские школы, во многих местах и русский театр.

В отношении печати, — вопреки принципиальной установке, — этот принцип даже не всегда удаётся сохранять. С мая 1957 года в Москве начала выходить (три раза в неделю) газета для русских немцев «Нойес Лебен» и во многих союзных республиках, особенно тюркских, имеется немалое число небольших газет на ино-национальных языках: в Узбекистане на таджикском, казахском и др., в Киргизии на узбекском, в Таджикистане на узбекском и других и т. д.; есть и двуязычные газеты, в которых часть материала печатается на одном, а часть на другом языке. Аналогичная практика получила широкое распространение и в трех закавказских республиках и кое где в европейских республиках. И даже в РСФСР на ее периферии имеются две маленькие районные газеты на узбекском языке.

Но все эти исключения (кроме «Нойес Лебен») относятся к местной (не к «большой») печати, всё это небольшие отступления и в целом принцип остается нерушимым и прессы на языках меньшинственных национальностей в Москве и вообще вне меньшинственных территорий нет. И тем более строго эта запретительная политика проводится в отношении школы.

Пытаясь объяснить эту лишенную всякой последовательности политику, советские теоретики постоянно путаются в противоречиях, смешивая понятия нация и национальность. Но для нации территориальная основа действительно необходима, для национальности нет.

* J. B. Salsberg, "Talks with Soviet Leaders on the Jewish Question," "Jewish Life," февраль 1957 г., стр. 33 («Джуиш Лайф» — еврейский коммунистический ежемесячник на английском языке в Нью Йорке).

С. БЯЛЕР

Украинцы в советской элите

На Западе вопрос о том, кто составляет руководящую элиту, т. е. тот круг лиц, в руках которого сосредоточена власть, нуждается каждый раз в специальном анализе. Необходимо принять во внимание не только органы государственной власти в широком смысле, власти исполнительной, законодательной и судебной, но и параллельные и независимые центры влияния и власти и в обществе в целом и на местах.

В Советском Союзе эта задача разрешается гораздо легче: руководящая элита здесь точно определена и институционализирована. Отнюдь не будет преувеличением сказать, что Центральный Комитет коммунистической партии охватывает значительную часть элиты, сосредоточивающий в своих руках власть, т. е. тех, кто выносит окончательные решения или имеют наибольшее влияние на окончательные решения, и тех, кто ответственен за проведение их в жизнь на высшем и среднем уровне. И хотя функции и пределы власти Центрального Комитета на протяжении советской истории изменялись, можно принять как бесспорное, что члены его — по крайней мере в течение последней четверти века — составляют политически и социально наиболее влиятельную группу во всем, что в какой то мере касается вопросов власти и что состав этой высшей части элиты показателен для состава элиты в стране вообще. Поэтому изучение Центрального Комитета с точки зрения его национального состава проливает известный свет на участие различных национальностей в формировании более широких кадров элиты в стране.

Следующая таблица показывает, как изменился национальный состав Центрального Комитета (членов и кандидатов) в течение последней четверти века, согласно данным XVIII, XIX, XX и XXII съездов (на XXI съезде, как экстренном, выборов нового Центрального Комитета произведено не было):
(См. таблицу на следующей странице)

С точки зрения относительного представительства русских и не-русских в составе этой элиты между периодами с 1939 по 1952 г. и послесталинским десятилетием наблюдается отчетливая разница. В период с 1939 по 1952 год вес русских в составе элиты заметно увеличился, в послесталинский период зна-

Национальный состав ЦК КПСС

(в % к итогу)

	XVIII с.	XIX с.	XX с.	XXII с.
	1939	1952	1956	1961
Всего	100	100	100	100
Русские	66,9	71,5	67,1	62,7
Украинцы	7,9	6,8	15,5	18,5
Белоруссы	0,7	1,3	2,8	3,4
Узбеки	1,4	1,3	1,2	2,1
Казахи	—	0,8	0,8	1,0
Азербайджанцы	0,7	0,8	0,8	0,7
Армяне	3,6	2,6	1,6	1,7
Грузины	4,3	3,0	1,2	0,7
Литовцы	—	1,3	1,2	1,0
Молдаване	—	—	0,4	0,7
Латыши	—	0,8	0,8	1,0
Таджики	—	0,4	0,4	0,7
Туркмены	—	0,4	0,4	0,7
Эстонцы	—	0,8	0,8	1,0
Киргизы	—	0,4	0,4	0,7
Прочие	12,9	6,8	4,8	3,9
В т. ч. евреи	10,8	3,0	2,0	0,3
Неизвестно	1,4	0,8	—	—

чительно уменьшился. Увеличение в первый период доли русских в составе ЦК было достигнуто прежде всего путем увеличения численного состава ЦК. Во всех случаях, кроме одного, о котором еще будет речь ниже, представительство не-русских национальностей абсолютно в этот период не уменьшилось: напротив, оно почти во всех случаях возросло и только увеличение числа русских и в составе ЦК (по сравнению с ЦК, избранным XVIII съездом) на 80 человек привело к сокращению процента не-русского представительства.

Понижение относительного веса русских в послесталинский период явилось главным образом результатом украинизации Центрального Комитета. Степень относительного сокращения русского и сопровождавшего его увеличения украинского представительства в ЦК наглядно иллюстрируется тем фактом, что комбинированное русско-украинское представительство за послесталинское десятилетие даже возросло. Это, повидимому, было выражением не столько ослабления роли русского «старшего брата», сколько возвышения украинцев до положения второго «старшего брата», хотя и не настолько «старшего», как русские. В настоящее время оба «брата» вместе господствуют в заметно большей степени, чем в сталинскую эпоху.

Усиление славянского преобладания, характерное для новейшего развития руководящей элиты, сопровождалось почти полным исключением из элиты евреев, резким сокращением доли грузин и очень заметным уменьшением представительства армян. Процесс устранения евреев начался еще при Сталине и с возрастающей интенсивностью продолжался при Хрущеве. Сейчас — после XXI съезда — среди 330 членов и кандидатов Центрального Комитета, остался только один еврей.

Само по себе численное соотношение представительства различных национальностей в составе правящей элиты еще не говорит о соответственном влиянии их в самой элите. Возможно, например, что представители одной национальности решительно преобладают на постах, имеющих наибольшее значение, а представители другой отодвигаются внутри элиты на менее значительные посты. Поэтому необходимо внести дальнейшую дифференциацию в анализ национального состава Центрального Комитета.

Нужно различать между постами общегосударственного значения, т. е. постами в центральном аппарате в Москве, обеспечивающими возможность участия в принятии решений на все-союзном уровне, и постами в аппарате на местах. Важно также выяснить, в какой мере представители различных национальностей играют активную роль, кроме как в своих «союзных» республиках, также и в центре и в других союзных республиках. Другими словами, в какой мере национальности участвуют в меж-национальном обмене элитой.

Если мы суммируем данные о национальностях (используя, как и выше, только данные о «коренных» национальностях пятнадцати «союзных» республик) по степени большего или меньшего участия их в работе вне их союзных республик, мы получаем следующие три группы:

1. Участвуют в работе только своей республики: грузины, азербайджанцы, молдаване, литовцы, латыши, эстонцы, казачи, таджики, туркмены, киргизы, узбеки.
2. Участвуют в работе в своей республике и в Москве: армяне.
3. Участвуют в работе в своей республике, в Москве и в других республиках: русские, украинцы.

Белоруссы не попадают ни в одну из этих групп, хотя активность их не ограничена территорией их республики и они участвуют в работе и в других республиках; но в аппарате в Москве нет ни одного белоруса-члена ЦК. Русские, составляя 62,7 процента цекистской элиты, среди цекистов, занятых в Москве, составляют около 80 процентов, в партийном аппарате около 90 процентов.

Анализируя роль не-русских в центральных учреждениях в Москве, необходимо опять остановиться на украинцах. Украинцы — единственная не-русская национальность, играющая действительно значительную роль в составе центральной части руководящей «элиты»: около 17 процентов всех членов ЦК, занятых в Москве, украинцы. При этом они занимают эти посты не в силу старых заслуг, как Микоян или недавно умерший Куусинен, но в результате быстрого подъема в послесталинские годы. Почти 90 процентов украинских членов руководящей элиты поднялись на этот уровень лишь после Сталина.

Усиление роли украинцев в центральной элите в последнее десятилетие особенно бросается в глаза на фоне сокращения роли элиты, принадлежащей ко всем другим не-русским национальностям. Хотя, как правило, в своих республиках они укрепили в это десятилетие свои позиции, доступ к постам в Москве стал в эти годы для них более трудным.

И не только относительное, но и абсолютное число представителей не-русских национальностей в центральном аппарате, — кроме украинцев, — в эти годы резко понизилось.

Члены (и кандидаты) ЦК, занятые в Москве

(в % к 1939 г.)

	1939	1952	1956	1961
Всего	100	165	168	196
Русские	100	204	208	225
Украинцы	100	200	500	1150
Прочие не-русские . . .	100	65	35	30

Естественно встает вопрос, в какой степени это развитие является — в отношении украинцев — результатом продуманной политики и в какой мере результатом личной политики высшего партийного руководства. В пользу первого несомненно говорит ряд объективных данных: Украина по своему значению вторая республика в Советском Союзе, занимающая исключительное место и по характеру и по размерам своего промышленного и сельскохозяйственного производства. И украинцы не только самая многочисленная после русских национальность в Советском Союзе, но и единственная не русская национальность, выдвинувшая большое количество людей, которые по своему опыту и знаниям могут оспаривать русское господство в руководстве хозяйством в центре и на местах. А общность культурных традиций и языковая и этническая близость с русскими делают это продвижение вверх украинцев менее бросающимся в глаза и менее вызывающим настороженность

русских, чем это происходит в отношении других национальностей.

С другой стороны, украинцы в эпоху Сталина — и по значению, которая придавалась им в целом, и по привлечению их в элиту — были национальностью, особенно подвергшейся дискриминации. Характерно, что в тридцатых годах даже высшие посты на Украине Сталин начал поручать не-украинцам (Постышев, Хрущев, Каганович, Мельников). В большинстве других союзных республик высшие посты обычно занимали представители коренных национальностей и действительное руководство русские осуществляли через своих «*graue Eminenzen*».

В обстановке общих перемен после смерти Сталина — исчезновение массового террора, известная либерализация внутренней политики, ряд попыток устранить наиболее бросающиеся в глаза проявления несправедливости в социальной области и в области политики национальностей — украинцы должны были выиграть больше других. В области подбора кадров это сказалось в том, что русские проявили готовность разделить с украинцами положение «более равных, чем другие».

Но увеличение доли украинцев в руководящей элите вызвано было, кроме этих общих, еще и другими причинами. Известно, что теперешний верховный глава советской системы, Н. С. Хрущев, большую часть своей активной жизни провел на Украине, где, с 1938 по 1949 год, он был первым секретарем ЦК украинской компартии. Возможно поэтому, что увеличение роли украинцев в руководящей советской элите обусловлено не только, может быть, даже не столько соображениями общей политики, сколько личными моментами. Это, конечно, не значит, что соображения общей политики не играли роли в появлении на высоких постах такого большого числа лиц, фамилии которых кончаются на «енко». Но соображения общей политики оказывались, повидимому, особенно убедительными, когда они подкреплялись соображениями другого рода.

Прошлые связи и доказанная личная преданность играли большую роль при подборе Хрущевым сотрудников в его борьбе за мантию Сталина. В период «коллективного руководства» степень поддержки, на которую мог рассчитывать тот или иной претендент на власть, играла решающую роль. Но даже и после заката «коллективного руководства» и установления бесспорного превосходства Хрущева, разница между безграничной и харизматической властью Сталина и относительно ограниченной и прагматической властью Хрущева создает условия, при которых личная преданность и связи играют значительную роль.

Даже суммарный анализ украинской части современной советской руководящей элиты обнаруживает, какое значение в отборе элиты имеет прошлая личная связь с Хрущевым. В приводимой ниже таблице все члены теперешней элиты разделены на четыре группы по степени их близости в прошлой своей деятельности к Хрущеву. К первой группе — бывших в непосредственном подчинении к Хрущеву — относятся в основном бывшие первые секретари обкомов на Украине и первые секретари райкомов в Москве в период, когда Хрущев был — соответственно — 1-м секретарем украинского ЦК и Московского К-та. Ко второй группе — косвенного подчинения — относятся в основном бывшие первые секретари райкомов на Украине. Лица, занимавшие на Украине и в Москве видные посты в экономической администрации отнесены к третьей группе: «личного контакта и знакомства». Наконец, в четвертую группу отнесены все те, кто не попал в первые три группы и не имел, поэтому оснований рассчитывать на продвижение благодаря связи в прошлом с Хрущевым.

Связь членов руководящей элиты с Хрущевым в прошлом

(в % к итогу)

	Непосредственное подчинение	Косвенное подчинение	Вероятные личные контакты и знакомства	Всего	Без прошлой связи с Хрущевым
Украинцы	34,5	13,8	19,0	67,3	32,7
Не-украинцы	10,0	2,3	1,9	14,2	85,8

Бросается в глаза какая-то связь в прошлом с Хрущевым огромного большинства украинской части руководящей элиты. Связь в прошлом с Хрущевым среди украинцев-членов ЦК почти в пять раз больше, чем у не-украинцев. Украинцы, которые составляют 18,5 процентов всех членов и (кандидатов) ЦК, составляют более 50 процентов среди членов и кандидатов ЦК, в прошлой своей деятельности в той или иной степени связанных с Хрущевым.

В свете этих данных, как они ни неполны, кажется вероятным, что возвышение украинской элиты при Хрущеве в значительной степени связано с борьбой Хрущева за власть и с его политикой укрепления своего положения. Если это верно, это в какой-то мере бросает свет на борьбу за преемство, которая неизбежна после его смерти. Правда, как бы ни была зна-

чительна роль украинцев в современной элите и даже, может быть, их спайка, как группы, вероятность того, что кто-нибудь из украинцев сможет занять место Хрущева, минимальна. Их теперешнее влиятельное положение в значительной степени является отражением власти самого Хрущева. Если после смерти Хрущева они удачно ориентируются и поставят ставку на того, кто действительно окажется победителем, они смогут сохранить свои позиции. Но даже и в этом случае их связь с будущим вождем будет носить менее личный характер, его доверие к ним будет менее прочным и соответственно их влияние меньшим. Если же они сделают ошибку и будущий преемник Хрущева придет к власти при их оппозиции, их теперешнее непропорциональное представительство отойдет в прошлое. Больше того: возможно, — хотя этого нельзя доказать, но нельзя и опровергнуть, — что теперешняя хрущевская политика выдвижения украинцев вызывает скрытое недовольство среди не-украинских членов элиты, не исключая и русских, и когда протектор украинцев сойдет со сцены, не исключено, что не-украинцы попытаются свести с ними счеты.

Советская меньшинственная политика и евреи

Советская меньшинственная политика в основном имеет своей целью обеспечить интересы меньшинственных национальностей на их национальных территориях, т. е. там, где сосредоточена основная масса каждой из национальностей и где эта национальность составляет по крайней мере относительное большинство населения. Национальная проблема разрешается в этих случаях введением национальной автономии путем образования союзной или автономной республики, автономной области или национального автономного округа. Но как быть с частями национальных меньшинств, которые живут за пределами того, что можно назвать их национальной территорией, — с грузинами вне Грузии, с украинцами вне Украины и т. д., но и с русскими вне РСФСР, — и тем более как быть с меньшинственными национальностями, которые вообще не имеют своей национальной территории, т. е. нигде на сколько-нибудь значительной территории не составляют даже относительного большинства?

В отношении таких меньшинств или таких частей меньшинств национальная проблема не может быть решена на путях территориальной автономии. Для них вопрос о национальной свободе встает как вопрос об обеспечении свободы развития **национальной культуры** не на территориальной основе, конкретно — прежде всего как вопрос о создании национальной **школы** и о развитии национальной **литературы** и печати вообще.

Наиболее значительной из меньшинственных национальностей в СССР, не имеющих своей национальной территории, являются евреи. Это в СССР меньшинственная национальность *par excellence*. Вопрос об обеспечении свободы национального культурного развития является для евреев в СССР вопросом национальной жизни и смерти.

Трудности и положительные моменты в еврейском национальном развитии в ранний советский период

Первоначальная принципиальная установка руководителей советской политики, в соответствии с большевистской традицией, была вообще враждебна самой идее национальной

культуры. Ленин писал в 1913 году в «Тезисах по национальному вопросу»:

«С точки зрения социалдемократии недопустимо ни прямо, ни косвенно бросать лозунг *национальной* культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества всё более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее» (Ленин, 4-ое издание «Сочинений», т. 19, стр. 216).

В том же году, полемизируя против одного правого члена Государственной Думы, Ленин писал:

«Сознательные рабочие поняли, что лозунг 'национальной культуры' есть клерикальный или буржуазный обман — всё равно, идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или иной любой культуре... О национальной культуре могут вообще говорить только клерикалы и буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной культуре всемирного рабочего движения» (Там же, стр. 342).

И еще решительнее Ленин формулировал свою мысль в «Критических замечках по национальному вопросу», всё в том же 1913 году:

«Борьба против всякого национального гнета — безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие за 'национальную культуру' вообще — безусловно нет... Пролетариат не только не берется отстаивать национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии» (Там же, т. 20, стр. 18-19).

После завоевания власти большевиками им пришлось в этом вопросе очень быстро отступить. Невозможность политической консолидации страны при растущем недовольстве национальных меньшинств заставила компартию решительно изменить свою позицию в вопросе об отношении к культуре национальных меньшинств. На 10 съезде компартии в марте 1921 года была принята резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой подчеркивалось:

«Задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам не-великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) развить и укрепить у себя советскую государствен-

ность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов;

б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке... для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения».

Намеченная здесь политика очень скоро привела к значительному, хотя и сопровождавшемуся внутренними трениями, подъему национальной культуры большинства меньшинственных национальностей, но пережила тяжелый кризис во второй половине тридцатых годов. Здесь нет возможности на этом останавливаться.

Культурно-национальный подъем, хотя и гораздо менее отчетливо выраженный, наблюдался и у евреев. Положение евреев во всем этом развитии было особенно трудно, так как их национально-культурному развитию мешало не только первоначальное отрицательное отношение коммунистической власти ко всякой национальной культуре, но и прямое непризнание евреев национальностью. Это старый спор, к тому же чрезвычайно запутанный благодаря смешению понятий нация и национальность. Большевицкая теория давно уже прочно заняла в этом споре отрицательную позицию — евреи не являются ни нацией, ни национальностью. Тем не менее после образования осенью 1917 года советского правительства и в нем Народного Комиссариата по Делах Национальностей, в рамках этого Народного Комиссариата был образован в начале 1918 года Комиссариат по Еврейским Национальным Делах.

Но задачи, которые стояли перед этим Комиссариатом по Е. Н. Д. скорее можно было бы назвать анациональными или антинациональными. К этому времени компартия чувствовала себя совершенно оторванной от еврейских народных масс и даже от еврейской интеллигенции. Назначенный комиссаром по еврейским национальным делам Семен Диманштейн писал об этом несколькими годами позже:

«Нам, горсточке еврейских коммунистов, пришлось выдерживать тяжелую борьбу за еврейские рабочие массы с партиями, пользовавшимися до сих пор безраздельным на них влиянием, располагавшими целым штабом опытных работников, обширной прессой и, наконец, богатым прошлым, 'святыми' национальными традициями. Между тем наше положение в то время было таково, что мы вынуждены были на пост секретаря Ко-

миссариата по Еврейским Национальным Делах поставить то-варища, совершенно не понимавшего еврейского языка».

Согласно докладу Диманштейна на 1-ой конференции еврейских комиссариатов и еврейских секций в октябре 1918 года, перед Комиссариатом, его местными органами (местными Комиссариатами) и еврейскими секциями¹ при местных комитетах компартии стояли «задачи двух родов: с одной стороны, это **чисто технические задачи** — ведение агитации среди еврейских рабочих; с другой стороны, мы должны **осуществить диктатуру пролетариата на еврейской улице**» (Подчеркнуто мною. — Об.).

В резолюции конференции с полной ясностью было формулировано, что это означает осуществить «диктатуру пролетариата на еврейской улице»:

«1-ая конференция еврейских комиссариатов и еврейских секций заявляет, что существовавшие до сих пор на еврейской улице различные учреждения и избранная на основе пресловутой ‘четыреххвостки’ (т. е. на основе всеобщего, прямого равного и тайного избирательного права. — С. Ш.) еврейская община не должны иметь больше места в нашей жизни.

В момент отчаянной борьбы никакие соглашения с буржуазией невозможны, а все такие учреждения вредны для интересов широких еврейских рабочих масс тем, что ублачивают их сладкими песенками о своем мнимом демократизме.

Опираясь на победу пролетариата в Октябрьской революции, еврейский рабочий берет в свои руки власть, провозглашает диктатуру пролетариата на еврейской улице и призывает всех еврейских рабочих объединиться вокруг Еврейского Комиссариата для закрепления этой диктатуры.

1-ая всероссийская конференция еврейских комиссариатов и еврейских секций уполномочивает коллегию Центрального Еврейского Комиссариата принять необходимые меры для планомерной ликвидации еврейских буржуазных учреждений».

Это был прежде всего удар по еврейским общинам (кехилес), преобразованным летом 1917 года в самоуправляющиеся организации на современной демократической основе с широкими культурными и социальными задачами. Но, уничтожая еврейские общины, советские власти не могли просто закрыть множество находившихся в их ведении школ, больниц, детских учреждений, домов для стариков, столовых и пр.,

¹ Первоначально была сделана попытка создать «еврейские секции» при местных советах (отсюда и этот термин), но она не имела никакого успеха и уже во второй половине 1918 года евсекции стали органами компартии.

а вынуждены были перенять их, что эмпирически вовлекало евсекции и еврейские комиссариаты в еврейскую общественную — и в каком-то смысле часто и в национальную — работу.

Постепенно все социальные учреждения еврейских общин полностью растворились в общей системе учреждений социального обеспечения и здравоохранения, но **школы** требовали особого внимания. Для громадного большинства еврейского населения вне больших городов единственным языком, который оно знало, был в это время еврейский язык,² и проблема еврейской школы стояла очень остро. Вопрос о школе на родном языке для меньшинственных национальностей имеет в России долгую историю и еще в старой России он нашел для некоторых народов частичное разрешение. Но это было лишь скромное начало и в целом вопрос до революции 1917 года оставался неразрешенным. С самого начала революции все сколько-нибудь значительные группы признали право меньшинственных национальностей на школу на родном языке. Признали его и большевики. Но национальный язык, как язык преподавания, это только важнейший элемент национальной школы; без изучения национальной истории, национальной литературы, национальной культуры не может быть и полноценной национальной школы. Всё это — кроме ограниченного преподавания еврейской литературы (только литературы на идиш, но не на иврит) — из советской еврейской школы было изгнано. Белорусско-еврейский коммунистический автор с гордостью писал о **«наших достижениях»** в области народного образования к 15-летию советской власти:

«Применение всех средств, входивших в распоряжение советской власти, содействовало тому, что школа одерживала одну победу за другой. Во-первых, отказались от субботнего отдыха. Во-вторых, из школы изъяли все книги, в которых был привкус национализма. И этим школе дана была возможность подняться на более высокую ступень, внести в школьную программу антирелигиозные и интернационалистические моменты... *Школа не знает самого понятия 'еврейской истории'...*» (И. Дардак, «Унзере дергрейхунген ин 15 иор Октябрь афн гебит фун фолкбилдунг» в сборнике «Цум 15 иортог фун дер Октябрь-революции. Социалэкономишер замелбух». Минск, изд. Белорусской Академии Наук, 1932 г., стр. 172-173).

Эта официальная установка и эти ограничения тормозили развитие еврейской школы. Тем поразительнее проявленная ею жизненная сила. В течение десятилетия от ранних двадцатых до ранних тридцатых годов школа с преподаванием на еврей-

² По переписи 1926 года, 72,6 процента евреев показали в качестве своего родного языка еврейский.

ском языке или смешанная школа с преподаванием на двух или трех языках (русско-еврейская, украинско-еврейская, русско-украинско-еврейская и пр.) получила быстрое развитие, и в Белоруссии число еврейских детей, обучавшихся в школе на родном языке, перевалило в начале тридцатых годов за две трети общего числа еврейских детей школьного возраста, на Украине превысило 50 процентов. С этого времени — в Белоруссии, повидимому, с 1933 года, на Украине с 1932 — начался быстрый упадок еврейской школы, гораздо более быстрый, чем это отвечало бы естественной культурной ассимиляции евреев в результате переселения их из областей их традиционного сосредоточения в области с незначительным еврейским населением.

Сейчас, в исторической ретроспективе, нельзя не видеть, что при всех его отрицательных чертах развитие еврейской школы было положительным моментом в еврейском национальном развитии в этот ранний советский период. То же можно сказать о развитии еврейской печати, еврейской литературы, еврейского театра, даже — как это ни звучит парадоксально — еврейской общественной жизни вообще. В качестве наиболее интересных моментов тогдашнего развития нужно еще отметить создание нескольких небольших еврейских административных районов, еврейских советов, еврейских судов. Пусть всё это было чрезвычайно скромно по своим масштабам, принципиальное значение этих фактов не может вызывать сомнений. В свете позднейшего опыта, по сравнению с тем, что пережило советское еврейство позже — и не только пережило, но и сейчас переживает, — этот период в жизни советского еврейства кажется почти периодом какого-то национального подъема.

Два десятилетия советской антиеврейской политики

Первая половина тридцатых годов была началом нового, уже открыто регрессивного развития в истории советского еврейства. Руководство компартии утратило теперь всякий интерес к вопросам еврейской политики, даже и в ее коммунистическом варианте. В 1930 году Евсекция (со всеми местными евсекциями) была просто распущена и ее задачи никакому другому органу переданы не были. От Комиссариата по Еврейским Национальным Делаам давно уже ничего не оставалось. Еще в 1920 году он был переименован в Еврейский Отдел Наркомата по Делаам Национальностей; в 1924 году Еврейский Отдел Наркомата был передан в Отдел Национальностей при Президиуме ВЦИК'а; ходатайство конференции евсекций в том же году об образовании в рамках Отдела Национальностей Отделения по еврейским делам удовлетворено не было, и Евсекция на годы оставалась единственным органом, посвящен-

ным общим вопросам еврейской политики. Теперь и от нее ничего не осталось.

Яков Лещинский, патриарх изучения судеб советского еврейства, посвятивший свою жизнь его летописи и борьбе за его права, писал в 1956 году:

«Евсекция, как ни велики и тяжелы ее прегрешения против подлинного исторического еврейства, в известной степени была отражением еврейских национальных интересов, по крайней мере в их коммунистической интерпретации... Ибо, какой вред ни принесла Евсекция, как ни была она враждебна самой сущности еврейства, одно нужно признать: она была органом, который требовал и действительно умел добиваться того, чтобы гарантированные права меньшинства соблюдались и ограждались. Надо признать, что в своей деятельности в области колонизации, индустриализации, прав языка, еврейских школ, еврейских высших учебных заведений, научных исследований и пр. и пр. Евсекция была органом, выполнявшим и положительную работу, хотя она и не была выборным органом большинства советского еврейства и не отвечала его желаниям. Всё же это было глаз, который мог видеть, и ухо, которое могло слышать» (“Current Events in Jewish Life. A Quarterly Survey”, Institute of Jewish Affairs, World Jewish Congress, September-December 1956, p. 16).

Ликвидация Евсекции была началом больших перемен. Тогда, кажется, никто еще не отдавал себе в полной мере отчета в этом. Но вскоре во всех областях еврейской жизни начала чувствоваться перемена «климата».² Начала подыматься новая волна антисемитизма и на этот раз, — в отличие от того, что было в двадцатых годах, — при безучастном, а то и при полу-поощрительном отношении власти. Началось систематическое вытеснение евреев из аппарата управления и аппарата власти, ограничение доступа евреев к высшему образованию. «Большая чистка», везде проводившаяся чрезвычайно жестоко, в еврейской среде имела особый акцент: тенденцию к почти полному уничтожению еврейской элиты и культурных учреждений, в которых она работала, и одновременно к полному уничтожению еврейской печати.

Советско-германский пакт 23-го августа 1939 года чрезвычайно ухудшил положение. Теперь антисемитизм уже часто выступал с открытым забралом. Нападение Гитлера на СССР, казалось, оборвало это развитие. Образование в 1942 году Еврейского Антифашистского Комитета, возобновление газеты

² Невозможно установить точную дату начала этого развития. Ликвидация Евсекции во всяком случае была не причиной и не началом, а лишь симптомом назревающих перемен.

«Айникайт» и издательства «Эмес» свидетельствовали, казалось, о принципиальном повороте. Но это было иллюзией. Уже во время войны было немало проявлений глубоко враждебного отношения к евреям на верхах компартии, а после войны антиеврейская тенденция начала сказываться всё отчетливее. Ожесточенная, открыто антисемитская кампания против «космополитов», разгром Еврейского Антифашистского Комитета, повторный разгром еврейской печати, повторная «чистка» еврейской элиты, даже более жестокая, чем в тридцатых годах, наконец, постановка «дела врачей», доведению которого до рокового конца помешала только внезапная смерть Сталина, — всё это еще живет в памяти советского еврейства.

Вдумчивый и наблюдательный автор, ряд статей которого, присланных из Советского Союза и напечатанных в тель-авивском «Давар» (под псевдонимом Алмони), привлек к себе общественное внимание, так охарактеризовал обстановку зимы 1952/53 года, как она вставала в сознании советских евреев:

«Конец близок. Они отправят нас в ссылку, будут мучить нас, подвергнут погромам.

На улице чувствуешь ненависть и презрение со стороны народа.

Женщины в общих кухнях делают жизнь своих еврейских соседей ужасной. Дети участвуют в этих проявлениях ненависти.

Яд антисемитизма проникает всё глубже. Газеты напоминают антисемитские газеты царского времени» («Давар» от 26-го марта 1956 г.).

В этих горьких словах, вероятно, есть доля — может быть, немалая доля — преувеличения, но искренность их не вызывает сомнений и они свидетельствуют о тяжелом душевном состоянии, до которого было доведено советское еврейство. Советская печать широко эксплуатировала «дело врачей» для целей грубой антисемитской пропаганды. Иностранные корреспонденты сообщали о потрясающих, ходивших в Москве, слухах о предстоящих антиеврейских мероприятиях. Известие о внезапной смерти Сталина прозвучало для советского еврейства, как благовест. Теперь можно было надеяться, что самое страшное окончательно отошло в прошлое. Но что же будет дальше?

После Сталина — топтание на месте

Не прошло и месяца со дня смерти Сталина и правительство в чрезвычайно драматической форме сообщило, что «тщательная проверка» всех данных предварительного следствия по делу выяснила, что дело это «возникло без всяких законных оснований», что «показания арестованных, якобы подтверждающие выдвинутые против них обвинения, получены работниками следственной части Министерства Госбезопасности

путем применения недопустимых и строго запрещенных советскими законами приемов следствия», что «лица, виновные в неправильном ведении следствия арестованы и привлечены к уголовной ответственности». Сообщение это произвело впечатление не только решающего разрыва с антиеврейской политикой последних лет, но и мероприятия большого общего значения для преодоления царящей в стране системы произвола, а в еврейской среде породило множество надежд. В действительности, как это скоро выяснилось, прекращение «дела врачей» было в основном лишь маневром во внутренней борьбе на вершине диктатуры и порожденное им представление о принципиальном разрыве с прошлым оказалось иллюзорным.

И в правительственном сообщении о ликвидации «дела врачей», и в посвященных ему статьях советских газет невольно бросалось в глаза полное отсутствие указаний на антиеврейский характер этого дела. В лучшем случае упоминалось, что «авантюристы», сфабриковавшие это «дело», «пытались разжечь в советском обществе глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды» (эта формула передовой статьи «Правды» от 6-го апреля постоянно повторялась в печати); но о ненависти к какой национальности шла здесь речь, тщательно обходилось молчанием. Это не располагало к оптимизму.

Но еще гораздо более тревожный характер имел тот факт, что в советских сателлитах продолжалась пропаганда антисемитской концепции, положенная в основу «дела врачей». В Чехословакии, как известно, в октябре 1952 года было проведено дело Рудольфа Сланского, поставленное несомненно по московской указке и политически подготавливавшее «дело врачей». Ликвидация «дела врачей» не помешала дальнейшей политической эксплуатации дела Сланского, а в мае 1953 года — уже после демонстративной ликвидации «дела врачей» в Советском Союзе — в Праге был проведен, правда, с меньшей публичностью, процесс Рихарда Сланского, брата Рудольфа, и в течение 1953 и 1954 годов четыре аналогичных процесса были проведены в Румынии. (См. об этом подробно в "American Jewish Yearbook," American Jewish Committee, за 1954 и 1955 годы).

В течение трех лет после смерти Сталина в области меньшинственной политики — еврейской и не-еврейской — почти всё оставалось без перемен. Даже ограниченная амнистия, объявленная вскоре после смерти диктатора, почти не коснулась репрессированных по национальной линии. Даже тот факт, что деятелям Еврейского Антифашистского Комитета был устроен процесс и в августе 1952 года они были расстреляны, тщательно скрывался. Даже разоблачение «культа личности» на закрытом заседании 20-го съезда компартии в феврале 1956 года не коснулось ни разгрома меньшинственной элиты вооб-

ше, ни тем более разгрома еврейской элиты. И когда варшавская коммунистическая еврейская газета «Фолкштиме» уже после 20-го съезда КПСС, 4-го апреля 1956 года, рассказала о расстрелах еврейских писателей и деятелей Еврейского Антифашистского Комитета, Леонид Ильичев, тогда заведующий Бюро Печати Министерства Иностранных Дел, сейчас председатель Идеологической Комиссии при Президиуме ЦК компартии, в беседе с корреспондентом нью-йоркского полу-коммунистического еженедельника «Нэшонал Гардиан», назвал статью «Фолкштиме» «клеветнической и антисоветской». («Нэшонал Гардиан», 3-го сентября 1956 г.).

О возвращении советского правительства, хотя бы к самой скромной положительной еврейской меньшинственной политике, даже и речи не возникало. Вопрос, наконец, был поставлен перед советским правительством иностранными еврейскими коммунистами. Статья в варшавской «Фолкштиме» как бы придала им решимости. В июле 1956 года вернувшийся из поездки в Советский Союз редактор нью-йоркской коммунистической газеты «Морген Фрайхайд», Хаим Суллер, сообщил, со слов первого секретаря Союза советских писателей Алексея Суркова, о плане мероприятий по возрождению еврейской культуры в Советском Союзе. Согласно сообщению Суллера, план этот предусматривал:

- 1) создание еврейского издательства,
- 2) открытие еврейского театра,
- 3) выпуск еврейской газеты, сначала три раза в неделю,
- 4) выпуск еврейского литературного трехмесячника,
- 5) созыв всесоюзного совещания еврейских писателей и культурных работников. (О еврейской школе в этом сообщении даже не упоминалось).

Через два месяца представители ЦК компартии Суслов и Пономарев, в беседе с делегацией канадской компартии (об этой беседе уже упоминалось выше), высказались уже осторожнее о намечающихся мероприятиях по восстановлению еврейской культурной жизни, и о еврейской газете, еврейском театре и о всесоюзном совещании еврейских писателей и культурных работников уже не было и речи. Такого рода заявления время от времени повторялись. Но и сейчас, через 8 слишком лет после первого сообщения Суркова-Суллера, в Советском Союзе нет не только ни одной еврейской школы, но и не создано еврейского издательства, нет ни одного профессионального еврейского театра, нет ни одной еврейской газеты (кроме убогого и, выходящего три раза в неделю, двухстраничного местного листка с тиражем в 1.000 экземпляров в Биробиджане); не было до сих пор созвано и совещание еврейских писателей и культурных работников и только выход в свет нескольких считанных еврейских книг (за все годы менее десятка) и из-

дание литературного двухмесячника под неусыпным контролем чрезвычайно усердного апологета советской еврейской политики Аарона Вергелиса — таков после страшного периода разрушения итог восьми лет осуществления намеченной в 1956 году скромной программы «восстановления еврейской культуры».

На издании книг на еврейском языке стоит еще немного задержаться. Прошло три года после беседы Суллера с Сурковым, пока в Советском Союзе вновь вышла в свет, впервые после более чем десятилетнего перерыва, книга на еврейском языке. Это был выпущенный весной 1959 года, к столетию со дня рождения Шолом Алейхема, томик его избранных произведений. После этого в 1960 году вышли еще три книги на еврейском языке: по томику избранных произведений Менделе Мойхер Сфорим и Переца и — в Биробиджане, в издании Харбинского книгоиздательства — небольшой сборник «Еврейская автономная область». За этим последовало издание двух книг в 1961 году — покойных Бергельсона («Избранное») и Шварцмана («Стихи и письма»), — и в 1962 году уже ничего по еврейски выпущено не было. Все эти данные заимствованы из монументального «Ежегодника книги СССР» за 1959-1962 годы. Ежегодник за 1963 год до Нью Йорка еще не дошел. По непроверенным сведениям, в 1963-1964 годах в Советском Союзе вышло еще 2-3 книги на еврейском языке, всего за 8 лет после намечавшегося было «поворота» в 1956 году менее десятка.

Как всё это ничтожно мало можно лучше всего осознать при сравнении с положением в соседней и тоже коммунистической Польше. Еврейское население Польши по крайней мере в десять раз меньше числа лиц, заявивших при переписи 1959 года в Советском Союзе, что их родным языком является еврейский, и по крайней мере в пятьдесят раз меньше, чем всё еврейское население Советского Союза. Но «Еврейская Книга» («Дос Идише Бух»), государственное издательство, выпустила в Польше с 1947 по 1958 год 215 книг на еврейском языке общим тиражом более миллиона, в том числе 21 книгу еврейской классической литературы и 27 книг (не переводных) научного характера. И на 1959 год было намечено издание 18 книг общим тиражом около 60.000 («Фолкштиме» от 22-го июля 1959 г.; к сожалению, у меня нет под руками более поздних данных). Как далеко до этого Советскому Союзу!

Чтобы показать наглядно это культурное сиротство советских евреев, сопоставим еще число книг, выпущенных в Советском Союзе за 1959-1962 года на еврейском языке, с числом книг выпущенных за то же время на языках национальностей, численность которых (по переписи 1959 г.) приблизительно достигает лишь одной десятой — или и того меньше — численности евреев:

	Общее число (в тысячах)	Считают родным язык своей национальности (в тысячах)	Выпущено книг на языке национальности
Евреи	2.268	488	6
Буряты	253	240	255
Якуты	237	231	530
Кабардинцы	204	199	256

Общее число выпущенных на родном языке книг оказывается даже **абсолютно** у бурят и у кабардинцев в 42,5 раза больше, чем у евреев, у якут даже в 88 раз больше. Но **относительно** — по числу книг, приходящихся на общее число лиц, считающих родным язык своей национальности (не говоря уже об общей численности национальности), — разница оказывается еще разительнее: у бурят число выпущенных книг относительно в 86 раз больше, чем у евреев, у якут в 187 раз, у кабардинцев в 105 раз. Эти сухие цифры красноречиво говорят об **особом месте**, которое отводится евреям в системе советской меньшинственной политики.

На фоне этой вынужденной культурной нищеты как-то особенно выделились, устраиваемые начиная с лета 1955 года, еврейские концерты и литературные чтения и редкие спектакли любительских и полу-любительских театральных групп. Они привлекают широкую еврейскую аудиторию и являются для советских евреев — или, по крайней мере, в течение нескольких лет являлись — каким-то суррогатом национально культурной жизни. Но то, что эти концерты и литературные чтения в такой мере привлекли к себе в еврейской среде общественное внимание, является лишним свидетельством переживаемого советским еврейством культурного голода.

* * *

В последние годы большая печать Запада часто возвращается к вопросу о положении евреев в Советском Союзе. Но то, что больше всего привлекает ее внимание, когда речь идет о советских евреях, это не практика советской меньшинственной политики — она уже почти забыта, — а две группы фактов, для меньшинственной политики в собственном смысле имеющих периферийное значение, но очень болезненно сказывающихся на жизни советского еврейства. Останавливаться на них в этой статье уже нет возможности, но необходимо по крайней мере их отметить. Это, во-первых, практика жестокого уголовного преследования за экономические преступления с широким применением смертной казни и такое освещение ее в печати, которое явно имеет целью создать в широких кругах населения впечатление, будто главными виновниками во всех этих актах хищений, коррупции, мошенничества являются ев-

реи, и даже среди значительного числа предаваемых по этим преступлениям к смертной казни в большинстве оказываются евреи. И второе: резко усилившаяся в последние годы борьба с еврейской религией, тоже окрашиваемая — и это новая черта — в тона борьбы с хищениями и прочими уголовными преступлениями. В особенности последняя группа вопросов заслуживала бы специального освещения.

И та и другая группа фактов носят на себе явственно выраженные черты антисемитизма.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

В. АЛЕКСАНДРОВА

На деревенские темы

Разные общественные группы по разному отступали в борьбе с победившими в октябре 1917 года большевиками. Первой стала терять себя, как самостоятельная общественная сила, интеллигенция. Дольше держался рабочий класс, значительная часть которого хотя и поддержала большевиков, но который в массе своей долго сохранял облик какой-то независимости; однако к началу тридцатых годов и он стал терять свое общественное лицо. Упорнее всех оказалось крестьянство. Несмотря на то, что и оно в трагические для него годы насильственной коллективизации не смогло отстоять себя, оно не склоняло головы.

Два произведения первой половины тридцатых годов — «Поднятая целина» М. Шолохова (1932 г.) и «Твердой поступью» — третий том эпопеи «Бруски» Ф. Панферова (1934 г.) — ярко воплощают наиболее трагический период в жизни крестьянства первых лет коллективизации. Действие «Поднятой целины» происходит на хуторе Гремучий Лог в Донской области. В неугомившейся и не создавшей еще новых прочных форм быта жизни намечаются две группы — сторонников и противников коллективизации. Сторонники — это по большей части представители местной власти — председатель местного совета Андрей Разметнов, секретарь партячейки Макар Нагульнов и присланный из города в помощь местным властям «двадцатипяти тысячник» Семен Давыдов. Рядовые казаки даже малоимущие — в лучшем случае настроены выжидательно: «Я хочу поглядеть, какая в колхозе жизнь разыграет...» — рассуждает бедняк Люшня.

Драматичен эпизод с раскулачиванием и арестом бывшего друга Макара Нагульнова по гражданской войне Титка Бородин. Уже сидя со связанными руками в телеге перед отправкой в тюрьму, Бородин истступленно кричит Нагульному: «Макар! Помни!.. Наши пути схлестнутся. Ты меня топтал, а уж тогда я буду. Всё одно — убью! Могила на нашу дружбу!» Вся эта сцена происходит в обстановке полного безмолвия

присутствующих казаков. Но это безмолвие только подчеркивает сочувствие к Титку с их стороны. Ведь многие из присутствующих, как и Титок, были участниками гражданской войны на стороне красных, борясь за лучшую долю казаков-хлеборобов.

Еще трагичнее разворот борьбы показан в упомянутом третьем томе «Брусков» Ф. Панферова. Здесь в этой борьбе большую активность проявляет середняк Никита Гурьянов. В конце концов, он покидает родное село и пускается в странствия по стране в поисках легендарной страны «Муравии», где нет коллективизации. В дороге он встречает немало таких же невольных «путешественников». Дойдя почти до Нового Афона и убедившись, что нигде такой страны «Муравии» нет, он возвращается домой и позже вступает в колхоз.

Аналогичной складывается судьба и крестьянина Никиты Моргунка из поэмы Александра Твардовского (поэт не скрывает, что тема его поэмы была навеяна Панферовской «страной Муравией»). В дороге Моргунок обдумал письмо к Сталину:

«Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?»

Моргунок, желая задобрить Сталина, уверяет, что он не сомневается в том, что в колхозии-коммунии «будет жизнь отличная», но у него к Сталину имеется «просьба личная»:

«Прошу, товарищ Сталин,
Чтоб и меня и хуторок
Покамест что оставить.
И объявить: мол, так и так, —
Чтоб зря не обижали, —
Оставлен, мол, такой чудак
Один во всей державе...»

Одной из очень характерных особенностей третьего тома «Брусков» является то, что главные действующие лица в нем — не столько отдельные персонажи, а сама **земля**:

«Это она — земля, незримо присутствующая в Народном доме, кричащая со стен плакатами, лозунгами, заставила стоять по ночам, скрепя сердце подыматься и идти во двор, осматривать хозяйство. Это она — земля — нашептывает Никите Гурьянову: 'Вцепиться бы в глотку зубами тому, кто смуту поднимает, кто хочет мужичье сердце пропороть, кровь высосать'. Эх, прокричать бы от всей души и, если надо плакать,

брякнуться на колени перед чудачками с 'Брусков' и просить: не тревожьте, дайте покою, дайте вздохнуть, снова живем, не ломайте то, что годами скапливалось, что полито потом-кровью дедами, прадедами. Потревожите — обезрадите...»

С большим и неподдельным волнением переданы страдания Никиты: «Какую вы мне радость дадите, — допытывается он у председателя колхоза Кирилла Ждаркина, — коль жеребенок не мой, корова не моя, земля не моя?» Умом Никита понимает, что не совладать крестьянству с государством, что нету ему больше ходу, как идти в колхоз, но не может он в колхозе «сердцу найти замену»: «отняли вы у меня мою радость».

Всё это очень характерные высказывания. Они не раз прорывались в литературе тех лет. В повести В. Зазубрина «Горы» (1933 г.) рассказывается о том, как по характеру своей работы коммунист Безуглый очутился на Алтае и встретил здесь крестьянина Агапова, сбежавшего от коллективизации и занявшегося пчеловодством. С Агаповым Безуглый знаком еще со времени гражданской войны, однажды он спас Безуглому жизнь. Сидя за чаем с собственным медом, Агапов решил поговорить с Безуглым по душам: «Ваня, чего вы России ноги путаете?.. 160 миллионов ведь со сложенными руками сидят». Агапову хотелось бы, чтобы Безуглый вышел на трибуну какого-нибудь Всероссийского съезда и сказал во всеуслышание: «Довольно, мол, нам, товарищи, с крестьянином в кошки-мышки играть, пора позволить ему запустить в землю корни».

Несмотря на свои художественные достоинства, — кстати, резко отличающие этот роман от произведений Панферова послевоенных лет, — «Твердой поступью» и в отдаленной степени не удостоился тех похвал, какие выпали на долю «Поднятой целины». И не только потому, что талант Панферова, даже в пору его расцвета, оказался ниже Шолоховского. Секрет сдержанного отношения критиков к роману Панферова угадать нетрудно. Роман Шолохова эмоционально и политически оптимистичен. Автор его словно говорит читателю: крестьяне наши действительно мелкие собственники, они действительно отчаянно сопротивлялись коллективизации, но это сопротивление было сломлено, сегодня это уже наше прошлое. А Панферовское произведение эмоционально и политически пессимистично. В нем писатель раскрывает душу крестьянина, вошедшего в колхоз, и обнаруживает, что душа эта осталась собственнической и **борьба продолжается**, ею будет занят целый исторический период. Больше того: сложной системой образов Шолохов внушает читателю, что крестьянство оттого потерпело поражение, что великой идее социалистической перестройки, пусть и осуществленной в жестоких формах, оно могло противопоставить только свою маленькую, мизерную мечту о зажиточ-

ности. А Панферов показывает, как эта мизерная мечта, живущая в отдельном крестьянине, вырастает в «мечту заветную» и заветную мысль многомиллионного, выбивающегося из нищеты крестьянства. Когда на митинге, где решается вопрос о вхождении в колхоз, Илья Гурьянов, бывший коммунист, а потом один из организаторов отпора коллективизаторам, доказывает, что у нас в деревне «нет экономических кулаков», а есть только «идеологические кулаки» и что в этом нет никакого греха, так как **каждый крестьянин** хочет стать зажиточным, — на лицах присутствующих крестьян впервые рождается **«улыбка, какая бывает у подсудимого, когда он начинает понимать, что его оправдают»**. Маленькая, жалкая страстишка, выросшая до пределов «заветной мечты» крестьянства, заставила Панферова искать **компромисса с крестьянством**, убеждать «сферы» в необходимости уступок этим собственническим стремлениям крестьянства.

Эту миссию Панферов поручает в романе своему любимому герою Кириллу Ждаркину (в начале эпопеи «Бруски» Ждаркин был таким же неистовым собственником, как Никита или «кулак» Плакушев, потом бросил деревню и ушел в город на завод и вернулся в деревню «сознательным» коммунистом). В конце третьего тома Ждаркин пишет докладную записку секретарю Центрального комитета компартии. В ней он обосновывает необходимость уступок крестьянам. О судьбе этой «докладной записки» читатель узнает в последнем томе «Брусков» — в романе «Творчество».

Роман «Твердой поступью» вызвал в советской общественности знаменательную дискуссию, обнаружив внутри ее две разные струи в отношении к крестьянству. Писатель Серафимович похвалил Панферова, заметив, что «сидит в нем (т. е. в Панферове) мужицкая сила, и ее не вырвешь из сознания». Этот отзыв как-то встревожил Горького, в ком всегда чувствовалось настороженное отношение к «мужицкой силе»: он никогда не ждал от нее «добра», и симпатии «пролетарского писателя» к этой «силе» его огорчили; не понравилось Горькому и различие в романе между умом и чувством писателя; враждебное отношение «мужицкой силы» к социалистической культуре, — писал Горький, — показано нагляднее и ярче, чем освободительное значение революционной работы пролетариата. Горького в этом споре поддержал Алексей Толстой. В статье «Нужна ли нам мужицкая сила?» он решительно взял быка за рога — «Случилось: Горький швырнул головню в старый чулан, где хранился реквизит 'почвенников', заплесневелые консервы мужицкой силы, и неожиданно и странно нашлись оберегатели этого литературного имущества» — высокомерно удивлялся Толстой. По его мнению, нужно было уже давно «сжечь весь этот хлам», так как «корявая, лешачья сила после **второго му-**

жизнью октября учится в университетах» и страна шагнула далеко вперед... «Мы больше не хотим быть страной сырья и 'мужицкой силы'». Многие советские писатели в свое время сделали «полезное дело», — надо произвести, наконец, решительную переоценку. Статья Толстого только подлила масла в огонь дискуссии.

Под покровом этой дискуссии вокруг романа Панферова отчетливо обозначились два враждебные настроения: **антикрестьянское**, возглавлявшееся сначала Горьким и Ал. Толстым, и **«мужиковствующее»**, в нем робко выразилась крестьянофильская ориентация. Яркой фигурой среди «мужиковствующих» являлся молодой писатель Николай Вирта с его романом «Одиночество» (1935 г.), в котором описано восстание крестьян на Тамбовщине, известное под именем «антоновщины». Среди «мужиковствующих» были еще Ив. Шухов (роман «Ненависть»), Иван Макаров («Остров», «Миша Курбатов»), Андрей Платонов («Впрок») и др.

В произведениях, посвященных теме «мужицкой метели», вызванной насильственной коллективизацией, зажиточные крестьяне обычно являются главными действующими лицами, оказывающими наибольшее сопротивление коллективизации, «середняки» — после попыток уйти от коллективизации, в конце концов, становятся членами колхоза, но и там продолжают втихомолку вести борьбу против колхозов.

В романе Панферова характерна карьера любимца писателя Ждаркина. В последнем томе эпопеи Ждаркин уже всемогущий секретарь горкома, и даже член ЦИК'а; он обласкан самим Сталиным, успешно раскрывает «дело о контр-революционной группе». Однако, восхождение его протекает далеко не гладко. Под влиянием враждебных настроений крестьянства сам Ждаркин в критический момент «сорвался»: «пей-гуляй, одна́ живем!» Для характеристики его как собирательного образа очень важно установить, что поворотным пунктом в его карьере послужила его докладная записка в ЦК. Основной идеей записки была мысль — извечную тягу крестьянства к собственности преодолеть «посредством того же чувства»: с помощью защиты «индивидуального домашнего хозяйства на базе колхоза». В обоснование этой мысли Ждаркин писал: «Мы раньше думали, что сельское хозяйство будет развиваться по такому пути — товарищество-артель-коммуна. Практика показала, что тех коммун, о которых мы мечтали (Ждаркин сам об этом никогда не «мечтал»), у нас не будет: тракторные станции уже взяли на себя руководящую роль, они являются органами диктатуры пролетариата, а коммуны, построенные Огневом (Огнев — герой первых двух томов «Брусков» — бедняк, осуществивший в родном селе добровольную коммуны из

таких же как он бедняков; он лишился поддержки власти после того, как выступил в защиту коммунаров, спрятавших хлеб от государства), превратились в гнилые грибы под разветвленными деревьями — могучими дубами — тракторными станциями».

Послав свою докладную записку в ЦК, Ждаркин стал нервничать: ведь записка могла быть воспринята, как продиктованная «мужиковствующими» настроениями, и тогда прости-прощей ответственная работа, почет, личный комфорт. Кирилла снимут с работы, бросят в мусорный ящик, ибо история безжалостна: она спускает под откос всякого, «кто ее не понимает»; тогда поднимутся те, кого он, Ждаркин, «умело отстранил, поднимутся и обрушатся на него». Но оказалось, что Ждаркин «понимает историю»: записка совпала с поворотом в аграрной политике и Ждаркин пошел в гору.

Дальнейшему упрочению карьеры Ждаркина содействовало успешное раскрытие «заговоров». «Врагами народа» в «Творчестве» оказываются «старые большевики» типа Лемма. Прежде они хорохорились: мол, «не бывать тому, чтобы старых большевиков в подпол загнали» такие люди, как Ждаркин. Но жизнь оказалась еще неумолимее: Ждаркины не только загнали «старых большевиков» «в подпол», но, оплевав, расстреляли их. Вместе с ними жестокой расправе подверглись и «железные коллективизаторы» в роде Жаркова, который когда-то выдвигал на высокие посты Кирилла Ждаркина; «левой» жестокостью этих Жарковых и была в сущности осуществлена насильственная коллективизация. Но и в отношении Жаркова Ждаркин имел преферанс: ведь именно он, когда «железные коллективизаторы» ломали хребет старой деревне, задурил, так как в тот критический момент в нем проснулось его крестьянское нутро. Бессознательно Ждаркин даже гордится своей ненавистью к «левакам», она для него доказательство, что сам он не изменял крестьянству, своим землякам он может с чистой совестью сказать: разве я вас коллективизировал?! — это «они». А я тогда вместе с вами пьянствовал, вместе с вами «кровью блевал и слезами обливался»! И Панферов открыто любит своего Ждаркина, сравнивая его то с Ангеем, то с Христом Микельанджело («могучий мужик»).

* * *

До начала 2-ой мировой войны в водовороте революции погибло или сошло со сцены три поколения писателей из крестьян. Старшее поколение — Неверов, Тверяк, Коробов, Вольнов и др. По своим настроениям они были эпигонами народников; в них сильны были антикапиталистические настроения, как они сложились у народников задолго до революции в обстановке бессилия перед надвигающейся капиталистической стихией;

они тем более любили бедное, угнетаемое, незадачливое чадушко — героя знаменитого рассказа Д. В. Григоровича — Антона Горемыку.

Второе поколение крестьянских писателей выдвинулось в ходе самой революции (часть из них, как И. Макаров, Н. Вирта упомянуты выше, к ним надо прибавить П. Замойского, Н. Богданова, М. Карпова). Они исподволь ревизовали эту горемычную идеологию, они были захвачены настроениями социального и экономического подъема деревни, которой «Нэп» открывал возможности хозяйственной активности. Первая пятилетка, ознаменовавшаяся экспроприацией хозяйственно более крепких элементов деревни, нанесла сокрушительный удар по этим мечтам и одновременно и по писателям, симпатизировавшим нэповскому курсу; все они попали в список «подкулачников» и один за другим исчезли из литературы, а многие, как Иван Макаров, и из жизни.

Характерной чертой третьего поколения с его наиболее яркой фигурой в лице Ф. Панферова является ненависть к нищете и отсталости деревни, ненависть к сохе, этому «скелету крестьянской мечты» о зажиточности. Для представителей этого поколения характерна привязанность к активным элементам деревни, даже если эти элементы в недавнем прошлом были, как Плакушев в «Брусках» или Сторожев в романе Вирты «Одиночество», «кулаками». Но особенную привязанность внушали им люди типа Кирилла Ждаркина. Благодаря своему положению Ждаркин имеет возможность оснастить деревню технически и дать ей этим возможность быстрее подняться экономически. Панферова оставляли равнодушным неизбежность в таком ракурсе ставки на аграрную бюрократию и на административный и партийный аппарат, который станет фактическим хозяином в колхозной деревне.

Курс на укрепление аграрной бюрократии (даже частично и вышедшей из крестьянства, но выдвинувшейся благодаря своим антикрестьянским настроениям) продержался до самого начала советско-германской войны. Очень скоро обнаружившаяся неподготовленность страны к войне сказалась в деревне прежде всего ослаблением этого курса. Усилилось влияние тех элементов в среде колхозных руководителей, которые симпатизировали колхозникам и пользовались у них известным доверием. Это хорошо показано в первых послевоенных произведениях из колхозной жизни — в романе «Горячие ключи» Ел. Мальцева (1945 г.), в «Марье» Гр. Медынского (1946 г.), в романе С. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» (1947 г.). В этом последнем романе выведена галерея председателей колхозов с тетей Дашей во главе, которые сумели вместе с крестьянами преодолеть лихие военные годы.

Остро почувствовал и передал настроения народа к концу войны Валентин Овечкин в повести «С фронтовым приветом» (1945 г.). Ее герой — капитан Спивак, незадолго до окончания войны побывал в родном селе на Полтавщине. Возвратясь на фронт, он делится впечатлениями с товарищем, командиром батальона Петренко, тоже полтавчанином. На вопрос последнего, каковы настроения в народе, Спивак раздумчиво отвечает: «Смотришь на иного довоенного знакомого — Федот, да не тот». «Легко было агитировать за колхозы в тридцатые годы. Всё еще впереди было, а сейчас та стахановка и мужа, и сына потеряла, дочка у нее в Германии, а сама за войну постарела на десять лет». У Спивака сложилось впечатление, что ждет народ после окончания войны больших перемен. А партийцы на местах «продолжают жить старой памятью о довоенной обстановке». Спивак с Петренко пишут письмо партийцам Полтавщины. Петренко диктует:

«Пиши, что в новой жизни на освобожденной земле хотим мы видеть, после всех ужасов войны, много красоты и радости. Если не сразу создашь ее, красоту, на месте вырубленных садов и выжженных сел, пусть она будет в отношениях между людьми и в их трудовых подвигах. Хотим мы, чтобы ничто не мешало передовым труженикам развернуться во всю силу. Хотим, чтобы во все закоулки дошла радость победы и восстановления советской жизни и чтобы не было у нас опять через несколько лет этой старой болячки — отстающих колхозов. Хотим в партийных организациях видеть только вожаков и строителей — и ни одного шкурника. Многого хотим. Много крови пролили на этой земле, но и многого хотим от будущей жизни...»

Первая послевоенная чистка литературы, начавшаяся в августе 1946 года, оборвала разговоры о том, чего ждут люди за все свои страдания лихих лет. Произведения, появившиеся за годы этой чистки (1946-1949) и в ближайшее время после них, представляют малый интерес для выяснения старого и нового в облике деревни. Так продолжалось до смерти Сталина. Но и тут надо выделить Овечкина и его очерк «Районные будни», опубликованный еще в сентябре 1952 г. Очерк этот в какой-то мере предугадал знаменитый сентябрьский 1953 года Пленум ЦК компартии, на котором была раскрыта картина тяжелого кризиса советского сельского хозяйства в результате роковой многолетней антикрестьянской сталинской аграрной политики и сделана была попытка искать путей действительного выхода из этого кризиса.

Очерк Овечкина посвящен жизни среднего района в центральной полосе Советского Союза. Время действия горячее: идет уборка урожая, идет она медленно — третьи сутки льют дожди. Главные действующие лица очерка — два секретаря

райкома, Борзов и Мартынов, и председатель колхоза «Власть Советов» Демьян Опенкин, прозванный «Демьяном Богатым»; свою кличку он получил не только за то, что его колхоз один из самых богатых в районе, но и за свою внешность — крупный, грузный, мимо такого не пройдешь, не заметив его. Действие очерка начинается в кабинете второго секретаря Мартынова; Опенкина вызвал Мартынов, чтобы посоветоваться, как поднять в районе уборку урожая. У Опенкина хлеб уже давно убран, но и у него тоже есть дело к Мартынову: беспокоится он о том, как бы не заставили его, по примеру прошлых лет, «отдуться» за отстающие колхозы, требуя от него в порядке «займа» помощи незадачливым соседям. Опенкин не против помощи, но его глубоко задевают эти соседи: когда он спрашивает кого-нибудь из них, когда они думают начать отдавать долги, те смеются: «при коммунизме сочтемся». Опенкин же убежден — пока не будет ликвидировано «это иждивенчество проклятое», никакого коммунизма нельзя построить. В принципе Мартынов согласен с Опенковым и не скрывает от него своей симпатии к нему. Он обещает, что на этот раз он останется глух к просьбам отстающих о помощи. Но Опенкин не верит: ведь решает не он, а первый секретарь Борзов (он сейчас в отпуску). Опенкин оказался пророком. Вернувшись из отпуска и узнав о неблагополучии с хлебопоставками для государства, Борзов собирается опять взять «в займы» у Опенкина. На энергичные возражения Мартынова Борзов отвечает: «Нам нужен хлеб. Что ты болеешь за него? Старый зубр! Вывернется!» Борзов знает только одно: раз правительству и партии нужен хлеб, «его надо добыть любой ценой».

Отношения между обоими секретарями становятся всё напряженнее. Существо их расхождений легко понять: Мартынов болеет за колхозников, считая, что, восстанавливая против себя хозяйственно-опытных председателей колхозов, власть ослабляет интерес активных колхозников. Для Борзова же — высшим законом являются требования власти. И Борзов действительно проявляет неистощимую энергию для удовлетворения требований власти, но всё это делается им из интересов служебной карьеры. Очерк кончается победой Мартынова. — Крупные события, происшедшие в стране в 1953 году — смерть Сталина, сентябрьский Пленум ЦК компартии — облегчили Овечкину работу над дальнейшими очерками («На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками», «Трудная весна» — 1953-1956 гг.). Все они на аналогичном с первым очерком материале иллюстрируют настроения двух видов аграрной политики — антикрестьянские устремления «борзовых» и крестьянские симпатии Мартыновых.

Наиболее отчетливо обе точки зрения нашли свое выражение на Всесоюзном совещании литераторов, пишущих на

колхозные темы, состоявшемся в октябре 1955 г. Представление о подлинных целях совещания давала статья «Сила нового» Анатолия Злобина («Лит. Газета», 18 октября 1955 г.). У статьи был интересный подзаголовок — «Заметки о рабочем классе в деревне». В ней автор писал:

«В социалистической деревне совершается процесс формирования новых отрядов сельского рабочего класса. Этот процесс происходит в тысячах МТС — форпостах советской индустрии на селе. Этот процесс идет в сотнях вновь образуемых государственных советских хозяйств — в совхозах. Вчерашний колхозник становится сельскохозяйственным рабочим — трактористом, комбайнером, каменщиком...»

«Сельский рабочий класс», «деревенский рабочий» — звучит как-то непривычно для уха — рассуждал автор статьи. До сих пор мы были знакомы с сельской учительницей, с сельским врачом, с сельским агрономом. Но после сентябрьского Пленума ЦК сотни тысяч колхозников-трактористов и других «механизаторов» были переведены на положение рабочих МТС. Помимо этого город шлет в деревню большое количество молодежи, окончившей школы механизации. Однако, зачисление в штаты МТС еще не сделало колхозника рабочим: «Переход от психологии колхозника к психологии рабочего имеет свои противоречия, свои трудности». Когда молодой колхозник уходит в город и поступает на завод, он рвет со своей прежней средой и поэтому легче вживается в свое новое социальное положение. Иначе обстоит дело с колхозным механизатором. Он становится рабочим, не порывая связи со своей средой. Он по-прежнему в свободное время занимается индивидуальным хозяйством и, вероятно, даже возит на базар в город продукты своего труда...»

На совещании литераторов, пишущих на колхозные темы естественно обратил на себя внимание доклад В. Овечкина «Новое в колхозной деревне и задачи художественной литературы». Несмотря на то, что в деревне сосредоточен «узел труднейших и сложнейших вопросов нашего строительства», меньше стало охотников заниматься деревней. Представители старшего писательского поколения устали от деревенских сюжетов на том основании, что они не знают сельского хозяйства. Одно настраивает однако Овечкина оптимистически: усилился интерес к жизни деревни среди молодежи и едет она в деревню не в порядке «творческой командировки», а на постоянную работу и едут туда люди самых разнообразных профессий...

Большой заслугой Овечкина является то, что ему удалось собрать вокруг себя литературную молодежь, не только пишущую на деревенские темы, но и проникнутую симпатией к

колхозникам. К этой группе литературной молодежи надо отнести Сергея Воронина, Тихона Журавлева, Гавриила Троепольского, Сергея Залыгина, Григория Бакланова, Владимира Тендрякова, частично Анатолия Кузнецова (автора повести «У себя дома», «Новый Мир», январь 1964 г.). Для выяснения роли Овечкина в формировании художественно-политических взглядов этой группы интересна статья Сергея Залыгина «Мысли после совещания» (1956 г.): «В. Овечкин имеет целый ряд последователей. Я думаю, что среди очень активной и довольно многочисленной группы очеркистов, преимущественно молодых, пишущих о деревне, есть много людей, дорогу которым помог открыть В. Овечкин. Я лично обязан В. Овечкину очень многим. Мне думается, что я не написал бы многого из того, что у меня написано, не будь его очерков».

Очень близок по своим настроениям и отношению к колхозной деревне и другой писатель — Ефим Дорош (он с детства проникся симпатией к крестьянству по стихам Н. Некрасова!). В течение последних восьми лет Дорош опубликовал ряд очерков под общим заглавием «Деревенский дневник». Первый очерк появился во втором номере альманаха «Литературная Москва», 1956 г. Для всех очерков Дороша характерны его уважение и симпатия к хозяйственному опыту крестьян и недоверие к горе-руководителям сельского хозяйства и разным «посланцам» власти из центра. Дорош воюет за то, чтобы «руководство» больше доверяло крестьянам, чем своим «посланцам». Эта мысль красной нитью проходит от первого очерка 1956 г. до последнего «Дождь пополам с солнцем» («Новый Мир», июнь, 1964 г.). В последнем очерке Дорош как-то особенно настойчиво внушает эту свою любимую мысль: перестаньте вы, присланные в деревню городские «руководители», поучать крестьян, лучше бы вам постараться вникнуть в их опыт, чем игнорировать его. Современная деревня нуждается не в «кампанейском руководстве», а в сильном свете экономической мысли, которая сумела бы обогатить и осмыслить накопленный веками хозяйский опыт крестьян». Писатель удачно иллюстрирует как даже в случаях успехов «руководства», эти успехи позже часто оказываются мыльными пузырями.

Среди писателей, пишущих о жизни современной деревни, очерки Дороша выделяются еще тем, что он с симпатией относится даже к «посебешникам», т. е. к бывшим колхозникам, перебравшимся в город и здесь добывающим себе хлеб насущный собственной смекалкой. Это периферийное явление колхозной жизни, непосредственно захватывающее только относительно небольшой контингент колхозников, но оно характерно как своеобразная черта современной деревенской жизни, которая наблюдается довольно широко. В небольшой повести «Письма Саши Бунина» («Юность», октябрь 1962 г.) Владимир

Краковский рассказывает, как один дед-колхозник сравнивает свою деревню с собственным ртом: «раньше в нем были зубы, а теперь ямы». Оказывается, «многие переехали в город и перевезли за собой свою жилплощадь», т. е. перенесли свои дома и хозяйственные пристройки на окраину ближайших городков. О том же явлении рассказал и Евг. Герасимов в повести «Шелковый город» («Новый Мир», август 1962 г.). Об этом же явлении рассказано и в повести «В камышах» Гавриила Троепольского («Новый Мир», апрель-октябрь 1963 г.) и у Юрия Куранова («На увалах», «Октябрь», июнь-июль 1963 г.). Многие писатели, побывавшие в последние годы в маленьких городках, всюду видели много новых домов бывших колхозников. Хутора и маленькие деревни «кончают жить, расплазуются, тянутся в село...» (Троепольский). Троепольскому случилось побывать на одном хуторе; прежде здесь было дворов сорок, а теперь осталось тринадцать. «На местах бывших изб видны курганчики, заросшие бурьяном». А в «Шелковом городе» Евг. Герасимов рассказывает, что в маленьком старинном городке Красноборске горсовет гордится тем, что здесь увеличилась жилплощадь, появились новые улицы. Местные жители более трезво оценивают размер этого роста: «улицы новые, а дома старые». Например, на окраине городка появилась новая улица — «Первомайская», а обитатели городка называют ее «Авдотьиной», так как на ней поселились бывшие колхозники села Авдотьино; на Вокзальной улице разместились даже две деревни...

Сколько ни пишут всякие любители высокопарных статей, «крутого поворота» в экономике множества колхозов все еще нет. Неприкрашенную правду об этом резче других поведал Ф. Абрамов в очерке «Вокруг да около» («Нева», январь 1963 г.). Пока колхозник имеет корову, он остается в колхозе, «а нет коровы — и пошел брыкаться во все стороны». Иногда вместо коровы колхозники обзаводятся козами, они нередко называются «сталинскими коровами». Со времени окончания войны прошло уже больше семнадцати лет, а «в сельском хозяйстве — думает председатель колхоза «Новая жизнь» в очерке Абрамова — мы всё еще воюем. Каждый пуд хлеба с боем берем». Тош в «Новой жизни» колхозный бюджет: «В прошлом году на трудодень выдали по тридцать копеек, а в этом году уже пятый месяц не авансировали колхозников. Нет денег! Вот разве что через месяц появятся, когда скот в госзакуп сдадут. А сейчас ремень затянут до отказа. Каждый рубль идет на строительство двух скотных дворов. Их надо закончить до снега, иначе зимовка скота будет сорвана».

Но колхозники не могут жить святым духом: часты стали случаи краж колхозного добра, другие не выходят на работу. Трех колхозниц поймал сам председатель, когда они возвра-

щались из леса, где собирали грибы. Он стал их стыдить. Одна из них «плаксивым голосом» сказала: «кабы в колхозе копеек побогаче — кто бы пошел в лес?» Председатель стал уверять их, что скоро в колхозе будут деньги, но женщины ответили, что это они уже пятнадцатый год слышат. А тут еще нужно ребят к школе готовить, справиться им кое что из одежды. Да ведь и самой семье «жрать надо». Одна из колхозниц при этом рассказала, что она уже второй год без коровы мается. Думала в этом году заведет себе корову, так как нынче много сена, но опять ничего не выходит. Осмелев, бабы взялись за отнятые у них коробья с грибами и потопали домой. Председатель стоит в нерешительности: несколько лет назад он догнал бы баб и отнял у них их коробья. «Образцы для подражания были и в жизни, и в литературе. В одной из книг, например, рассказывалось, как председатель колхоза ловит строптивых колхозников за деревней, а другой председатель действует еще круче: врывается утром в избу и заливает печь водой». Все эти книги были взяты в районе «на вооружение»; и секретарь райкома в этом духе и наставлял председателей колхозов, «а вы, растяпы, с бабами справиться не можете». — Нынешний председатель колхоза «Новая жизнь» — тринадцатый председатель после окончания войны. Он, конечно, мог бы и без поучений секретаря райкома поймать провинившихся колхозниц, да что-то в сознании колхозников, да и в сознании председателя сдвинулось с места...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АНЖЕЛИКА БАЛАБАНОВА

Ленин и создание Коминтерна

В процессе подготовки к печати рассказа «тов. Томаса», для проверки его точности, рукопись была послана двум из деятелей раннего Коминтерна, которые дожили до наших дней, — Анж. Балабановой и Бор. Суварину: лучшие других знавшие людей и события той эпохи, имевшие возможность изнутри наблюдать за жизнью и деятельностью Коминтерновской верхушки (хотя они и не были посвящены во многие из ее секретов), они являются экспертами по этому вопросу. Они оба высказались за печатание этих рассказов, — хотя не только указали на ряд имевшихся в них частных неточностей, но и далеко не во всем были согласны с общим освещением, которое «тов. Томас» дает ряду сторон тогдашней деятельности Коминтерна: при всех этих недочетах, рассказы «тов. Томаса» все же являются крайне важным документом для истории «туманной юности» Коминтерна...

Частные замечания, сделанные Бор. Сувариным, использованы при составлении комментариев. Что касается Анж. Балабановой, перед которой рассказы «тов. Томаса» приподняли краешек завесы, скрывавшей и от нее некоторые стороны деятельности Коминтерна, секретарем которого она тогда была, — то она, вместо отдельных замечаний по поводу частных неточностей, написала статью, сосредоточив внимание на действительно центральном вопросе, — вопросе о личной роли Ленина, о целях, которые он перед Коминтерном ставил, и о средствах, применение которых он считал допустимым. Рассказ Анж. Балабановой в этих пунктах кое в чем исправляет рассказ «тов. Томаса», дополняет его и позволяет правильное понять движущие мотивы поведения Ленина. **Б. Н-ский.**

Если принять во внимание обстоятельства времени и места «основания» Коммунистического Интернационала и вспомнить те стадии перерождения и вырождения, через которые он прошел, то не приходится удивляться обилию всякого рода легенд, которые вокруг него сложились. Томас, с воспоминаниями которого, благодаря любезности редакции, я смогла ознакомиться в рукописи, не ушел от общей участи. Активный участник событий, связанных с созданием Комм. Инт. и с первыми шагами его деятельности, относительно его возникновения он пишет: «Внезапно встал вопрос о международной коммунистической конференции. Как точно было дело, — не помню. Кажется, приехала Балабанова из Стокгольма с рассказами о работе Циммервальдской Комиссии...»

Я думаю, что и сам Ленин не мог бы сказать точно, когда именно у него зародилось стремление создать новый Интернационал, расколов старый, т. е. Второй Интернационал. По всей вероятности, мысль эта развивалась параллельно с развитием его общего подхода и к русскому, и к международному рабочему движению, поскольку этот подход отличался от подхода к нему социал-демократов и, следовательно, 2-го Интернационала. На самом деле, насколько я вспоминаю, в последний период перед первой мировой войной, не проходило ни одного заседания бюро 2-го Интернационала, на котором Ленин или его заместитель не выступал бы с резкой критикой тактики Интернационала и не противопоставлял бы ей теорию и практику, вошедшую в историю под названием большевизма. В конкретной форме о расколе при тогдашней внутренней и внешней сплоченности международного профессионального и политического рабочего движения, конечно, речи быть не могло, но психологическую подготовку к расколу Ленин вел фактически уже с 1905-1907 гг.

Мировая война резко изменила положение вещей. Раскол, о котором Ленин раньше мог лишь мечтать, фактически произошел, но он прошел по совершенно другой линии, разделив соц.-дем. партии и Интернационал не на «левых» и «правых», как хотел Ленин, а на сторонников войны или вообще примирившихся с ней, — и на противников, остававшихся и во время войны сторонниками непримиримой классовой борьбы, горячими проповедниками действенного Интернационала, который должен ставить интересы мирового рабочего движения выше интересов отдельных наций. Опыт показал, что примыкание к одному или другому из этих течений не совпадало с принадлежностью до войны к «левому» или «правому» крылу рабочего движения. Решающими в годы войны являлись другие, психологические моменты, в анализ которых здесь входить не приходится. Ясно одно: пропасть, создавшаяся вследствие различного отношения к войне, была много глубже, и она расколола мировое социалистическое движение несомненно более резко и неизгладимо, чем этого могло бы достигнуть любое фракционное разногласие до-военного времени.

Таким образом война создала благоприятную обстановку для распространения идеи Ленина о расколе Интернационала, но конкретную форму эти взгляды Ленина начали принимать лишь с тех пор (это было до организации Циммервальдского движения), как, несмотря на огромные препятствия, в самый разгар войны начались более или менее формальные совещания и конференции социалистов разных стран, — главным образом в Швейцарии.

Первой из таковых была интернациональная женская социалистическая конференция в Берне (март 1915 г.). Ей предшествовало несколько других совещаний социалистов, отли-

чавшихся от нее тем, что в них участвовали только социалисты нейтральных стран или же принадлежавшие к одной из коалиций, созданных войной. Цель этой конференции была главным образом агитационно пропагандистская: совместная работа и единогласное принятие решений должны были явиться доказательством, что война **не расколола** мирового политического и идеологического союза авангарда трудящихся. И тут в первый раз на арене международного движения выяснилось, что большевики стремятся воспользоваться создавшимся трагическим положением рабочего класса, да и всего мира, чтобы осуществить свои планы: расколоть социалистическое движение всех стран. В резолюции, которую они на женской конференции противопоставили резолюции большинства делегатов, требовалось, между прочим, **создание нового Интернационала**. Большевистские делегатки, — русские, польские, латышские, — категорически отказались голосовать за резолюцию большинства, поскольку в ней **отсутствовало** требование создания нового Интернационала. Положение становилось трагически безвыходным: первая попытка дать почувствовать пролетариям на различных фронтах, населению в тылу, да и общественному мнению вообще, что дух и принципы Интернационала не были сломлены войной, оказывалась неосуществимой. **Отсутствие единогласия** на конференции было бы истолковано, как отсутствие солидарности между пролетариями воюющих стран, и вся конференция нанесла бы больше вреда, чем пользы...

Конференция зашла в тупик. Председательница ее, Клара Цеткина, еле сдерживая волнение и негодование, то и дело прерывала прения, чтобы дать большевистским делегаткам возможность сойти вниз для ознакомления Ленина (он сидел внизу, в кафе) с ходом дискуссии и записать его инструкции. После долгих и мучительных переговоров пошли на компромисс: большевики согласились голосовать за резолюцию большинства при условии, что и текст их проекта с требованием создания нового Интернационала будет занесен в протокол конференции.

Та же процедура, с тем же текстом резолюции о создании нового Интернационала, была повторена большевиками на съезде молодежи, состоявшемся в том же Берне (апрель 1915 г.) непосредственно после женской конференции. Это было началом формального, официального требования большевиков, повторно и подчеркнуто выдвигаемого ими за все время циммервальдского движения, и послужившего одним из поводов разделения его на «правых» и «левых».

Уже во время первого своего выступления непосредственно после февральской революции, — в маленьком зале Цюрихского Народного Дома, в присутствии немногочисленных слушателей, — Ленин, высказывая свое беспокойство по поводу

инертности рабочих масс Западной Европы, заявил, что «русская революция должна повести ко 2-ой Парижской Коммуне в России, иначе революция погибнет и восторжествует реакция». О том, чтобы Россия могла добиться этого результата без содействия рабочих других стран, тогда и речи не могло быть.

По мере того, как положение России осложнялось, а солидарность рабочих других стран **не** проявлялась, беспокойство Ленина возрастало, и он стал прибегать ко всякого рода средствам, чтобы вызвать или даже стимулировать ее. В связи с этим он начал проявлять все больше и больше интереса к моей деятельности. После всем известного эпизода с Гриммом (июнь 1917 г.) я стала не только секретарем Циммервальдского движения, но и единственным официальным звеном между левым интернациональным крылом международного социалистического движения и Советской Россией. В виду этого моя переписка с Лениным участвовала, но в то же время начало намечаться расхождение между им и мною, что и положило начало попыткам Ц.К. освободиться от моего присутствия, при одновременном использовании моего имени для сношения с западными социалистами. Будучи высланной в ноябре 1918 г. из Швейцарии при весьма драматических обстоятельствах, надолго лишивших меня возможности вернуться в Западную Европу, я немало удивилась, когда, поселившись в Москве, я, вместо работы, которой добивалась, получила «постановление» Ц.К. отправиться в **санаторий**. Это решение было настолько необосновано и неожиданно, что я просто не обратила на него никакого внимания. Когда я получила вторичное «предложение» такого же содержания, я ответила, что нуждаюсь не в санатории, а в работе, которая дала бы мне возможность быть полезной Советской России...

В феврале 1919 г., вскоре после убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта, на Красной площади должен был состояться митинг, на котором должны были выступить В. И. Ленин, Л. Каменев и я. Непосредственно перед митингом Х. Раковский обратился ко мне с предложением сотрудничать с ним на Украине, где он был председателем Совета Народных Комиссаров. Мне он предложил взять на себя работу комиссара иностранных дел. И потому, что предложение это поразило меня своей неожиданностью, и потому, что мне хотелось, наконец, после бесконечных передвижений, взяться за работу в Москве, я попросила Раковского подождать моего ответа, имея в виду посоветоваться с Лениным. По причине, о которой я тогда не догадывалась, Ленин очень советовал мне принять предложение Раковского:

«На Украине, — говорил он, — вам будет легче создать связь с европейским движением, между прочим, и благодаря вашим официальным функциям комиссара иностранных дел».

Я готова была согласиться с этими доводами, когда я вдруг вспомнила, что Чичерин, бывший тогда комиссаром иностранных дел Р.С.Ф.С.Р., обратился по беспроволочному телеграфу с приглашением ко всем иностранным партиям, разделявшим основные принципы и стремления Советской Республики, прислать делегатов в Москву для обмена мнений. Когда я об этом напомнила Ленину, он тоном человека, не верящего в осуществление этого проекта, мне ответил:

«Ну, кто уж к нам приедет!.. Во всяком случае, можете быть спокойны, если бы что-нибудь вышло из Чичеринского воззвания, я моментально пришлю экстренный поезд за вами и Раковским».

Позднее я поняла, в чем было дело: по мере того, как возможность приезда в Москву иностранных социалистов становилась технически более осуществимой, в ЦК РКП все определеннее приходили к выводу о нежелательности моего пребывания в Москве, так как понимали, что я не стала бы скрывать от иностранных товарищей правды о действительном положении, — а организаторы конгресса должны были скрывать многое. Именно поэтому они стремились мешать моему тесному контакту с приезжавшими, сохраняя меня в то же время для разного рода парадных выступлений... Но это всё мне стало ясным лишь позднее.

.

Дня через два после моего приезда на Украину за нами действительно прибыл экстренный поезд из Москвы, куда мы прибыли на второй день после начала заседаний Первого Конгресса Коминтерна...

Бросался в глаза численный перевес делегатов ЦК РКП, начиная с наиболее известных тогда его членов, Ленина, Троцкого, Бухарина и др., которых сопровождал целый ряд менее влиятельных его представителей. Среди так наз. представителей других стран, — их было 30-35, — был всего один (Эберлейн), которого можно было считать делегатом: он был избран организацией (германских спартакистов) с определенным наказом. Все остальные были назначены тем же ЦК РКП из числа выходцев отдельных стран: несколько военнопленных, перешедших в советский лагерь; несколько эмигрантов из стран, покинутых ими много лет тому назад и порвавших почти всякую связь с ними; несколько авантюристов, выдрессированных Радеком;¹ два или три социалиста, как француз Садуль, голландец Рутгерс, — давно находившихся за границей, без всякого контакта с рабочим движением их родины, совершенно неосведомленных с происходящим внутри рабочего движения вообще и в данной стране в особенности.

В том, что от такого состава совещания нельзя было ожидать каких бы то ни было решений, отдавали себе отчет и создавшие его члены ЦК РКП. О том, чтобы считать его «кон-

грессом» не могло быть и речи, да и предложение считать его «учредительным собранием» было отклонено большинством присутствовавших. Против придавания совещанию официального, решающего характера самым энергичным образом протестовал единственный «легальный» делегат Эберлейн (Альберт).

Совещание так ничем и не кончилось, когда вдруг на следующее утро все в нем участвовавшие, к великому их удивлению, были приглашены вновь собраться в том же помещении, что и накануне. И тут, по инициативе Зиновьева, при «ближайшем участии» Бухарина и, конечно, не без согласия Ленина и Троцкого, был совершен подлог, подобно которому вряд ли существует в истории отношений между людьми минимального этического уровня, и тем более в истории рабочего социалистического движения... По окончании совещания стало известно, что посланный Радеком «на работу» в Зап. Европу бывший военнопленный, австрийский печатник, перешедший к большевикам, Штейнгарт (Груббер), находится в пути, возвращаясь в Москву. За ним был послан экстренный поезд. Рассчитывая на наивность и восторженность этого советского курьера и уверенный в том, что он будет строго придеживаться данных ему тем же Радеком инструкций, Зиновьев предложил «делегатам» выслушать доклад якобы случайно очутившегося в Москве западно-европейского рабочего. На это все охотно согласились. По словам этого докладчика, настроение масс в Западной Европе было революционное, отношение к Советской России восторженное, готовность международного пролетариата вступить в немедленный бой на помощь и в подражание русской революции не подлежала сомнению, «вот-вот разгорится пламя». Это заявление вызвало бурные аплодисменты, в разгар которых Зиновьев предложил объявить **недействительным принятое накануне решение и признать совещание полноправным первым конгрессом 3-го Коммунистического Интернационала...**

Опять самым резким оппонентом выступил немецкий делегат. Была предложена перебаллотировка. Когда очередь дошла до меня, я заявила, что не считаю себя вправе голосовать от имени итальянской социалистической партии, которая не обсуждала вопроса о создании нового Интернационала, да и не знала, что о нем будет речь на каком бы то ни было решающем

¹ Как-то по приезде в Москву я узнала, что Радек, основавший секцию «иностранцев эмигрантов при НКВД», посылает двух итальянцев, снабженных личными рекомендациями Ленина и большой суммой денег, на «работу» в Италию. Достаточно было обменяться с ними несколькими словами, чтобы убедиться, что они — низкопробные авантюристы. Когда я об этом предупредила Ленина, советуя отобрать у них рекомендации и деньги, он ответил: «На то, чтобы расколоть партию Турати, и они годятся!»

заседании. Ленин тут же написал мне записку, в которой он настаивал на том, чтоб я голосовала:

«У вас имеются полномочия от итальянской партии на всякого рода решения, у вас несколько мандатов, вы секретарь Циммервальдской Комиссии, — вы имеете полнейшее право голосовать. Вы читаете ‘Аванти’, следите за положением в Италии, пользуетесь неограниченным доверием, — вы можете и должны подать ваш голос».

Когда я подтвердила свое решение воздержаться от голосования, и мы обменялись еще несколькими записками, В. И. серьезно рассердился на меня.

Должна тут же признаться, что я лишь впоследствии, ознакомившись с некоторыми фактами, поняла закулисную сторону и сознательный подлог, лежавший в основе создания 3-го Интернационала. Долгое время я верила в случайность совпадения выступления Штейнгарта с совещанием в Кремле. Помогло мне разобраться, — с течением времени, — в сети маневров и мелкой лжи, предшествовавшей и сопровождавшей объявление основания нового Интернационала, также и то обстоятельство, что точно таким же образом и одновременно с экстренным возвращением Штейнгарта был привезен в Москву и Гильбо, поверхностный и самовлюбленный французский «литератор». Война застигла его в Швейцарии. Его интернационализм исчерпывался несколькими фразами и мальчишескими «демонстрациями» против французского консульства в Женеве (плевал в его сторону, когда проходил мимо и т. п.). На его попытку сблизиться с Циммервальдом я в свое время отвечала ему советом учиться, подготовиться интеллектуально и морально. Точно так же отнесся к нему и Ю. О. Мартов. Большевики же решили воспользоваться его тщеславием и политической безграмотностью с целью сделать его орудием их фракционных маневров. Благодаря стараниям Зиновьева и Радека, он даже участвовал в Кинтальской конференции. Через некоторое время, в бытность мою в Стокгольме, до меня дошло известие, что Гильбо получил некоторую сумму денег от какого-то немецкого «пацифиста» (это было во время войны) для издаваемого им в Женеве журнала. Для того, чтобы проверить, насколько обоснован этот слух, который я считала неправдоподобным, я спросила об этом самого Гильбо (это было в Женеве). Во время этого разговора он вел себя высокомерно и цинично, заявив, что в интересах «дела» позволительно сотрудничать «и с чертом». Для меня этот ответ был равносильен исключению Гильбо из циммервальдского движения... Ленин не был согласен с моим подходом, — он считал его слишком строгим.

В Москве Гильбо вел себя, как вульгарный выскочка, требовал привилегий, жаловался на лишения и т. п. Вернувшись

в Западную Европу, он проявил себя фашистом, антисемитом и таковым вскоре и умер.

Замечание Томаса, что Ленин переоценивал Гильбо, неправильно. Ленин относился с презрением к его тщеславию и поверхностности с первой же встречи с ним, но так как большевикам полезен был такой субъект, то и Ленин вел себя по отношению к нему так, как если бы ценил его. Когда я выразила Ленину свое удивление по поводу того, что он снабдил ничтожную брошюру Гильбо своим предисловием, он подтвердил, что сделал это из соображений целесообразности. Между тем Гильбо, принимавший отношение к нему власть имущих за чистую монету, начал всё больше и больше злоупотреблять своим положением, обращаясь за каждой мелочью к Ленину (нуждаясь в калошах, он звонил Ленину по этому поводу). Помню: Ленин обратился ко мне с просьбой избавить его от этого «назойливого дурака».

Незнакомым с психологией Ленина, а, следовательно, и с психологией большевистского движения, может показаться странным, противоречивым, что Ленин, — в своих отношениях к окружавшим его людям, — мог ценить и даже любить человека и одновременно преследовать и бороться с ним всеми средствами, не исключая лжи и клеветы, — когда дело касалось политических, фракционных разногласий. Присмотревшись к этой тактике и поразмыслив над ней, я пришла к заключению, что тут дело было не в отсутствии правдивости, не в лицемерии, двойственности или оппортунизме: дело было в подчинении всех проявлений его личности одному принципу — «цель оправдывает средства». У меня никогда не было сомнений в том, что если бы Ленин счел целесообразным применить к очень близкому ему, — да и к самому себе, — приговоры, которые с его согласия и даже по его инициативе применялись к другим советским гражданам, он без колебаний дал бы на это свое согласие...

Сфера личных отношений и оценка данной личности не совпадали с оценкой ее в области политической, которая требовала своих, конкретных методов борьбы. Чувства, например, Ленина к П. Б. Аксельроду и, в особенности, к Ю. О. Мартову, были временами братские, теплые, даже нежные. Слушая речи Мартова или читая его полемические статьи, Ленин словно любовался его талантом, не мог противостоять обаянию его личности, мог даже на мгновение забыть, что имеет дело с противником, опасным противником... Эти интеллектуально эстетические переживания, создававшие и специфическую этическую атмосферу, не мешали Ленину тут же в полемике с Мартовым прибегать к аргументации и тону, совершенно не соответствующим уровню и методам политической и тем более социалистической дискуссии.

Мой собственный опыт привел меня к такому заключению. До февральской революции отношения между Лениным и мною были лишь официальные и даже временами неприязненные. Хотя в ту пору я не знала большевизма в применении к практике, меня от него отталкивали и прямолинейность теоретического подхода, и недопустимые, на мой взгляд, приемы: ложь, демагогия и т. п., применявшиеся тогда еще в сравнительно небольшом масштабе. Ответственность, вытекавшая из моего участия в руководстве циммервальдским движением, обострила взаимную неприязнь, и тут уже проявилась разница между Лениным — «частным» человеком и Лениным — фракционером. Он неоднократно выражал более, чем одобрительное отношение ко мне, как к работнику. Помню даже, что на одной из конференций в Швейцарии он написал мне записку следующего содержания:

«Почему вы, товарищ Балабанова, не переходите к нам, большевикам? Вы такой хороший революционер, такой неопенимый работник»...

В ответ на это я только улыбнулась...

Неприязнь ко мне большевиков-циммервальдцев вызывалась невозможностью добиться от меня пристрастия к их фракции или поддержки какого бы то ни было их маневра. Если же, несмотря на это, они голосовали за меня, то только потому, что они боялись худшего, т. е. назначения секретарем Циммервальда меньшевика или человека, способного на интриги и не в пользу большевиков. Они мирились со мной, как с меньшим злом и доказали это тем, что, несмотря на мою непринадлежность к РКП(б), назначили меня секретарем т. наз. 3-го Интернационала. На мой отказ они, нисколько не стесняясь, ответили, что ни к кому другому западноевропейские социалисты не отнеслись бы с таким доверием.

Окончательный разрыв, — то, что Зиновьев, оказывается, называл «невозможностью работать со мной», — произошел на почве денежной. Так как мне в Стокгольм посылались очень крупные суммы денег, и Ленин в одном из последних ко мне писем писал: «Умоляю вас, не жалейте денег. Тратьте миллионы» (и тут же исправил, написав «десятки миллионов»), я решила, после того, как тщетно добивалась указаний, на что именно должны эти деньги быть употреблены, отправиться в Москву к Ленину. Тут недоразумение разрешилось само собой. Большевики, начиная с Ленина и Троцкого, считая меня достойным всякого доверия революционером, не могли себе представить, чтобы я не оправдывала их методов, т. е. траты денег на создание путем подкупа выгодного для большевизма общественного мнения, способствуя переходу на их сторону всякого рода недоброкачественных, продажных элементов для раскола рабочего и профессионального движения. В конце кон-

цов, они вероятно были не меньше удивлены и «разочарованы» моим неприятием таких методов, чем была поражена я тем, что революционеры, стремящиеся к обновлению и перерождению общества, — могли к ним прибегать.

Тем не менее, за всё время моего пребывания в Советской России, даже после моего официального разрыва с Коминтерном, Ленин не переставал относиться ко мне с большой заботливостью и личным вниманием. Несмотря на то, что он крайне экономно расходовал время, посвященное приему товарищей, обращавшихся к нему лично по разным поводам, он всегда уделял несколько минут на расспросы о моем здоровье и, главным образом, питании, настаивая на том, чтобы я не изнуряла себя непосильной работой и не голодала. Помню, как он серьезно рассердился на меня, когда я впервые пришла к нему в очках: «Вот до чего вы довели себя, я ведь старше вас, а в очках не нуждаюсь»...

В то самое время, когда он так заботился о моем здоровье, против меня велась отчаянная кампания Зиновьевым и его сообщниками, о которой Ленин не мог не знать, что не мешало ему не противиться принимавшимся против меня мерам. С другой стороны, он не противился раздаче всяких почестей и благ людям, которых он глубоко презирал, но которые подчинялись его воле и беспрекословно исполняли его задания.

Я более подробно остановилась на этой характерной черте Ленина, ибо непонимание его психологии лишает возможности понять сущность того, что теперь распространяется во всем мире под названием коммунистического движения, пер-вым шагом которого посвящены эти воспоминания.

Хочу еще прибавить, что вопреки толкованию Томаса, не могло быть и речи о том, чтобы мне поручали «обращывание» Эберлейна. Не только потому, что никому не пришло бы на ум поручать мне такую роль, но и потому, что, — как следует из предыдущего изложения, — я сама не голосовала за основание нового Интернационала. Также ошибочно его утверждение, что я и Раковский внесли заявление о ликвидации циммервальдского движения. Не говоря уж о том, что Раковский никаких функций или полномочий в циммервальдском движении не имел, я, — возражая Троцкому, который предложил объявить циммервальдскую комиссию больше не существующей и просить меня передать новому Интернационалу ее архив и сложить свои полномочия, — категорически от этого отказалась. Свой отказ я мотивировала тем, что хотя я и думаю, что большинство членов циммервальдского движения согласны с лозунгами русской революции и Советской Республики, но я, не будучи в настоящую минуту в контакте с членами циммервальдской комиссии, не считаю себя вправе принять такое решение, не спросив их. Поэтому предложение Троцкого так и закончилось ничем.

На заре Коминтерна

РАССКАЗ «ТОВАРИЩА ТОМАСА»

(Окончание)

С весны 1920 г. Москва начала готовить 2 конгресс Коминтерна. Этому конгрессу придавалось даже большее значение, чем первому: он должен был подвести итог проделанной работе и показать, какой отклик встречает советская революция на Западе. Поэтому из Москвы шли указания приложить все усилия к тому, чтобы представительство на конгрессе было возможно более широким. В этом направлении действительно делалось много усилий. Так как нормальный проезд в Москву был крайне труден, многие делегаты ехали через Берлин. Я нанял специальный пароход, — на Ревель. Вышла совсем фантастическая поездка: самые разнообразные делегаты вместе. Только из одной Германии и бывшие «спартаковцы», и разные группы независимых, и из Коммунистической Рабочей Партии... Доехали благополучно.

Пауль Леви уже тогда был против руководства Коминтерна и против «русских» вообще. «Mit den Russen kann man nicht arbeiten». «С русскими нельзя работать», — говорил он. В это время, как мне теперь кажется, он еще не отдавал себе полностью отчет в своей намечающейся позиции, и против «русских методов» выступал больше по настроению. Он говорил, что «русские» все время «идут субъективными путями». В этом он повторял Розу Люксембург и Иогихеса, которые, как я слышал от людей, их хорошо знавших, были с самого начала остро настроены против «Москвы», — против «московских приемов» «делания революций», против «эмиссаров», присланных из Москвы, против денег, которые откуда уже тогда начали приходить, против расколов и конфликтов, которые Москва искусственно вызывала и т. д. Мне казалось, что его особенно раздражал тот факт, что на 2 конгресс были приглашены и представители полу-синдикалистской Коммун. Раб. Партии Германии, которые воевали против основной КППГ. Бюро Коминтерна их, действительно, пригласило не без умысла: Леви был против расколов, которые Коминтерн тогда проводил повсюду, — особенно решительно он возражал против раскола в Италии, защищая тамошнюю политику Сератти. В Москве этой позицией Леви были очень недовольны, — и приглашение КРПГ должно было играть роль предостережения: Москва показывала Леви, если он не откажется от своей оппозиции, можно будет обойтись и без него... Леви не знал, что я был против заигрывания с КРПГ, — как против этого заигрывания был и Радек.³⁴

В Москве, во время 2 конгресса, произошел ряд событий, имевших большие последствия для работы Коминтерна в Германии.

Я сам в Москве тогда пробыл недолго, — всего несколько дней. Пришлось спешно уехать в Германию, куда вызвали по разным делам. До отъезда я сделал большой официальный доклад в малом бюро президиума Коминтерна. Ничего особенно-го об этом докладе я припомнить не могу, — доклад был единогласно одобрен. Больше в памяти осталось от доклада, который я делал лично Ленину. Он расспрашивал очень подробно и обо всем, — конечно, в особенности подробно о положении и работе в Германии: как построена партия, каков личный состав руководящих штабов, состав руководителей в провинции, состав редакций и вообще партийные литераторы. Его все интересовало, он во все вникал. Был убежден, что мы быстрыми шагами идем к социальной революции в Германии. Хотел знать, как идет жизнь, насколько разложена полиция. Придавал этому очень большое значение. Подробно расспрашивал, как я себя поставил в конспиративном отношении. Настаивал, чтобы я купил дом и стал домовладельцем, уверяя, что это создаст мне прочное положение, которое необходимо. А дом можно будет сделать постоянным штабом.

Позже я был у Троцкого. Он тоже пожелал меня видеть, — обязательно. Поразило различие в вопросах, которые ставили Ленин и Троцкий. Последний прежде всего был писателем, журналистом. Расспрашивал, что вышло нового. Больше всего его интересовало, чтобы его книги и брошюры выходили по-немецки и на других языках...

Позднее, уже в Германии, я узнал, что произошло в Москве с Леви. Он был в особняке Коминтерна, в кабинете Радека, который тогда был секретарем Коминтерна. О чем они говорили, я так никогда и не узнал, — знаю лишь, что Радек, открыл ящик стола и сказал, что в этом ящике находятся мои секретные доклады о немецкой партии. Кажется, даже прочел ему выдержку из одного из них. Затем, не заперев ящика вышел из комнаты. Леви, оставшись один, достал доклады и прочел. Среди них были упомянутые выше мои доклады с характеристикой ЦК КПГ и специально Леви, которые так заинтересовали Ленина и продолжения которых Ленин от меня требовал.

Зачем это сделал Радек, я и теперь не понимаю. Отношения с Радеком у меня до того были самые лучшие, лично приятельские. Политически я скорее был согласен с Радеком, — во всяком случае был к нему ближе, чем к кому-либо другому. У меня есть только одно объяснение: если это не было просто мальчишеским озорством (сталкивать людей лбами, чтобы посмотреть, что выйдет, входило в привычки молодого Радека), то, повидимому, Радек хотел моими письмами ударить по Зиновьеву. Во всяком случае, Радек не мог не понимать, что Леви не станет мои отзывы держать в секрете от немецкого ЦК, который я называл в лучшем случае собранием провинциальных учителей и секретарей.

Повторяю, об этой выходке Радека я узнал только позднее, а в 1920 г., на первом же собрании ЦК КПГ, Пауль Леви сделал подробный общий доклад о поездке в Москву, а затем прибавил, что должен сделать личное добавление, и рассказывал о прочитанных им моих докладах, демагогически вырывая из них отдельные фразы с резкими личными отзывами и изображая дело так, будто все это было личной интригой. Кончил предложением выразить мне недоверие и просить Коминтерн и ЦК РКП(б) отозвать меня из Берлина. Общий вывод Леви был: я всегда считал, что нам не надо чужих, — мы сами будем посылать доклады.

Конечно, это личное добавление Леви вызвало бурю возмущения. Брандлер кричал о «чекистских методах», которые Москва переносит в Берлин. Другие говорили, не менее резко.

Я ответил, что на собраниях ЦК германской партии сижу не в качестве члена этого ЦК, а в качестве представителя Москвы. Это все превосходно знают и знают, что этот представитель пишет доклады, — для этого он и ходит на заседания. Немецкий ЦК не имеет права ни выражать мне недоверие, ни лишать меня права ходить на заседания и писать доклады. Конечно, они имеют право писать в Москву что им угодно, но «я буду ходить на Ваши заседания и вы должны будете продолжать ходить ко мне по всем делам, пока Москва меня не отзовет».

Легко себе представить, в какой атмосфере окончилось заседание. Конечно, и я, и ЦК написали подробные отчеты в Москву. Я знал, что Ленин был возмущен и устроил скандал: кто показал мои письма Леви? Выяснили роль Радека, но какие мотивы им руководили, осталось неясным. Потом все объясняли его интригой против Зиновьева. Радек изворачивался, — в частности, он написал большое письмо Кларе Цеткин, защищая меня. После этого К. Цеткин встала на мою сторону, хотя была тесно связана с Паулем Леви.

И малое бюро президиума Коминтерна, и ЦК русской партии высказались за меня, — и не могли не высказаться, так как сами все время требовали, чтобы я писал как можно подробнее и откровеннее. Дело шло о праве контроля Москвы над немецкой партией, а именно в этом контроле и состояла основная особенность организации Коминтерна. Москва оказывала огромную помощь национальным компартиям и условием этой помощи ставила право контроля изнутри над их деятельностью.

Завершение — временное, конечно, — эта история получила во время приезда Зиновьева в Германию, в связи с конгрессом независимых в Галле. У меня тогда был большой разговор с Зиновьевым, личные отношения с которым у меня никогда не отличались большой теплотой. Начат был этот раз-

говор коротким диалогом приблизительно следующего содержания:

Зиновьев: Вы знаете, все против вас, — как быть?

Я: А как ЦК русский?

Зиновьев: Он весь за вас...

Я об этом уже знал, — знал, что по существу все настояния немцев отклонены и что мои полномочия фактически расширены, что мое поведение полностью одобрено. Весь вопрос был в том, чтобы найти какую либо форму, которая успокоила бы немцев и особенно лично Леви. Об этом и шла речь с Зиновьевым, — конечно, я был тоже за такое улаживание конфликта. Был ряд личных разговоров Зиновьева с немцами, которые понимали, что ничего сделать не могут. Затем было заседание их ЦК, — с участием Зиновьева и в моем присутствии. Решили, что ЦК будет самостоятельно посылать протоколы заседаний и свои отчеты, какие он найдет нужным, — а я по-прежнему буду присутствовать на заседаниях в качестве наблюдателя, — «ока Москвы», — и писать, что я считаю нужным...

*

ЦК немцев по существу бунтовать не мог: материально он целиком зависел от Москвы. Дело было именно в этой зависимости.

После 2 конгресса Коминтерна и особенно после окончания советско-польской войны произошла некоторая стабилизация отношений на Западе и сношения с Москвой стали почти нормальными. В связи с этим шло и оформление отношений между Москвой и иностранными коммунистами. Раньше была настоящая «чехарда». Многое шло через Наркоминдел. Были и опыты посылки специальных эмиссаров с большими деньгами. Я не уверен, что меня держали в курсе всех таких попыток, но многое я, конечно, знал, — и знал, что было не мало неприятных срывов. Не скажу, чтобы у меня все шло, как хотелось бы. Не следует забывать, что то был период катастрофических скачков с курсами валют, но в основном я сумел поставить дело прочно, — и несмотря на все частичные неудачи, дело у меня, повидимому, было поставлено лучше, чем где-бы то ни было в другом месте. Именно поэтому и шло сосредоточение в моих руках все большего и большего количества секретных операций, как Коминтерна, так и русского ЦК.

Надо прибавить, что делу этого сосредоточения содействовало также и развитие отношений в Наркоминделе. В последнем все большую роль играл Литвинов, который раньше других и последовательнее других настаивал на проведении границы между Наркоминделом и Коминтерном, требуя снятия с Наркомата обязанности помогать секретным операциям Коминтерна. Эту политику Литвинов защищал и раньше, но пос-

ле мира с Польшей и Рижского договора на этом он стал особенно настаивать, — и в конце концов получил поддержку Ленина и ЦК. Литвинов был вообще за отказ от нелегальной работы за границей. Еще в 1921 г. в Риге он мне говорил, что такая работа вредна, что он не верит в возможности Коминтерна и уговаривал меня идти в Наркоминдел. Эту линию Литвинов проводил систематически и позднее, и, насколько я знаю, Литвинов вообще никогда никакого отношения к работе Коминтерна не имел.

Иначе было с Красиным, у которого было больше охоты для нелегальной работы. Каждый раз, когда он бывал в Германии, он обязательно встречался со мною, — на специальной квартире, которую я имел для подобного рода встреч с приезжими советскими вельможами (она была на Моабите), и подробно меня обо всем расспрашивал.

Ленин, конечно, не шел так далеко, как Литвинов. От Коминтерна он никогда отказываться не собирался, но с необходимостью отделения работы Коминтерновской от работы советской дипломатии он согласился, и именно по его указанию было проведено в ЦК решение о создании за границей особого секретного фонда специального назначения в 50 миллионов нем. золотых марок. Мне тогда же передали, что было такое специальное постановление ЦК, — только в протокол оно не было внесено. Принято оно было вскоре после Рижского мира с Польшей, — под свежим впечатлением истории с Каменевым, в Лондоне. Заведывать фондом должно было Политбюро, которое выделило комиссию из Ленина, Зиновьева, Троцкого. Специальным секретарем их была сестра Крумина — бывшая жена Ломова. Заведывание фондом за границей было возложено на меня. Я предвидел трудности, и настаивал на назначении специального человека, — выдвинул тогда же кандидатуру Стасовой. Москва это предложение отклонила, — заведывание лежало на мне.

Свои отчеты я слал Зиновьеву, — знал, что он их докладывал указанной «тройке» из него, Ленина и Троцкого. В моих руках после этого сосредоточилось субсидирование всей работы Коминтерна за границей. Порядок был установлен такой: каждая компартия должна была представить смету с подробными объяснениями, доказывающими для чего точно нужны деньги и сколько. Я эти сметы проверял через специалистов-экспертов и со своими заключениями препровождал в Москву, в Коминтерн. Последний на основе этих материалов составлял свою общую смету, определял размеры нужных дотаций, — и передавал смету в русский ЦК. Фактически решал последний.

Практически размеры дотаций отдельным странам были, конечно, весьма различны. Больше всего получали немцы. Самая большая дотация им на моей памяти была в 7 миллионов

золотых марок в год, — это было в период подготовки восстаний 1923 г. Остальным странам перепадало, конечно, много меньше, — но и им шли многие десятки и сотни тысяч. Правда, значительную часть давали литературой, которую Коминтерн печатал сам и выдавал натурой. Печатали ее частью в России (под крылышком Зиновьева, в Ленинграде), частью под наблюдением нашего Зап.-Европ. Бюро (или в Гамбурге, или в Вене, где осела влиятельная венгерская группа). На этой почве было много трений. Секциям не нравилась литература, которую производили в центрах, — отказывались брать, так как эту литературу засчитывали в счет дотаций, требовали выдачи деньгами и права печатания литературы по своему выбору... Только редко им удавалось добиться своего. Сила была не у них...

Решать все эти споры приходилось обычно мне, — конечно, в рамках инструкций, которые я имел из Москвы. Часто бывало, что Москва давала указание, выдать таким то и таким то, а я, проверив, сокращал или совсем не давал. И Москва потом соглашалась. Но бывало и иначе: Москва порою надает обещаний, а потом мне пишет, чтобы я под тем или иным предлогом не давал: обещали-де, чтобы отвязаться...

От неприятностей в связи с секретным фондом мне уйти все же не удалось, — какие меры предосторожности я ни принимал. Самые большие были в связи с финансовой катастрофой Германии в 1923 г. Положение осложнялось и потому, что в этот момент примешались споры партийно-политические, а с другой стороны в Москве на эти дела посадили Пятницкого (в 1922 г.).³⁵ Он провалился на работе в качестве секретаря Моск. Ком. Крестинский мне говорил, что Пятницкий вообще невозможный человек и что с ним никто не может сработать. Очевидно, именно поэтому его и направили в Коминтерн, на самый щекотливый пост: ведать финансами. Здесь приходилось иметь дело с массой самых разнообразных людей и потому было особенно необходимо уметь уживаться. Других причин для такого назначения не было.

У меня трения с ним начались очень скоро. Существо их сводилось к следующему: я привык все делать на свой риск, считаясь с обстановкой, — и уже потом отчитывался перед Москвою. Пятницкий начал требовать, чтобы я обо всем запрашивал Москву предварительно. Я отказался, — и победил в этом вопросе. Тогда Пятницкий поднял вопрос денежный: опротестовал выдачу, которую я произвел на дела польских коммунистов. Пятницкий и в этом вопросе потерпел неудачу. Тогда он поднял вопрос о неправомерности моего управления фондом со стороны финансовой: я получил фонд в немецкой валюте, она скоро начала падать. Часть я поспешил перевести в другие валюты, — но только часть. Остальное оставил в марках, рассчитывая, что падение не будет так велико и что марка

позднее выровняется. Пятницкий подсчитал, сколько было бы спасено, если б я все сразу перевел в доллары. Получилась, конечно, огромная цифра. Я доказывал, что никто не мог предвидеть того, что произошло. Был вызван эксперт из Госуд. Банка, — какой-то Левин. Он засвидетельствовал, что и Банк не считал возможным такое падение и потерял колоссальные суммы на марке. Была создана особая комиссия, — сначала в Москве: Бухарин, Радек, Клара Цеткин, Ремеле, Литвинов, Кошова (полька). Потом перенесли дело в Берлин, где во главе комиссии был поставлен Крестинский. Было заседание. Пили чай, — потом разговоры. Я рассказал, как за два с половиной месяца обмена 25 миллионов марок, — и почему не мог обменять все сразу. Чувствовал, что Крестинский чем то неудовлетворен, но я не понимал, в чем дело. В конце, когда остались одни, Крестинский сказал: «Дело можно кончить скоро. Ясно, что Вы правы. Госуд. Банк тоже не предвидел. Но — это между нами. Для официального решения необходимо, чтобы Вы заявили, что имели секретные указания Зиновьева».

Я понял, что вокруг дела идет нездоровая интрига. Никаких симпатий к Зиновьеву у меня не было, но свалить ответственность на него я не считал возможным: не хотел войти в интригу. Тогда дело было снова перенесено в Москву. ЦК решил против Пятницкого, но недостаточно определенно, и я подал в отставку. Ее не приняли, но на этот раз удовлетворили мое требование о назначении особого уполномоченного для заведывания фондом. Им выбрали Стасову, которую я предлагал еще в 1921 г. Пятницкий остался в Коминтерне, но я отказался сноситься с ним. Опять обсуждали вопрос в ЦК и признали мое поведение недопустимым. Тем не менее я сноситься с ним не стал, настоял на своем, — сносился только со Стасовой.

С историей о фонде я сильно забежал вперед. Ликвидация ее происходила уже в 1924-25 гг., — после той полосы попыток восстаний, которыми была заполнена история коммунистического движения Германии в 1921-23 гг. Откуда пришла теория, что в Германии массы уже готовы к революции и только вожди ей мешают, я до сих пор не знаю. У меня сложился вывод, что Ленин дал устно и без свидетелей Бела Куну *carte blanche* на попытку восстания.³⁸ Могу ручаться, что Радек к этому делу не был причастен, так как я все время получал инструктивные письма от Радека в совсем ином духе. Даже во время советско-польской войны эти инструкции были осторожными, оценка положения — скорее скептической. Конечно, тогда и Радек настойчиво требовал сосредоточения всей агитации на пункте о помощи Советской России и о необходимости не пропускать французские военные грузы в Польшу. На это были направлены все наши усилия и в первые месяцы после

окончания войны, т. к. мы были уверены, что война вот-вот возобновится. Наши люди установили связь с моряками в Штетине и Гамбурге. В Данциге мы взорвали моторы для аэропланов, в Штутгарте был уничтожен большой транспорт французской амуниции. Много таких планов было в стадии подготовки.

Такова была обстановка, когда приехал Бела Кун в качестве специального представителя Коминтерна. Член президиума последнего, он имел больше формальных прав, чем я, который был только представителем этого президиума. Он сразу же начал весьма активную работу, выступая под псевдонимом «Спаниор» и завязав непосредственные сношения с немцами. Из тона его разговоров мне скоро стало ясным, что он идет на большую авантюру. Пахло прямой провокацией. Меня в свои конкретные планы он не посвятил, но общий смысл их был ясен. Я предложил ему встретиться со мною и еще двумя коммунистами, которых я ему назвал, старыми опытными в делах польскими товарищами, и вместе разобрать обстановку. Этими старыми товарищами были Варский и Лапинский.³⁷ Бела Кун согласился, встреча состоялась в Шарлоттенбурге. Обсуждали несколько часов, причем обсуждение перешло в горячий спор. Конкретных подробностей и на этот раз Бела Кун не рассказал, но существо его планов было вполне ясно. И Варский, и Лапинский резко возражали против восстания и вообще авантюры. Кун в конце отвечал очень резко: «у вас сердце в штанах», — заявил он. Вы не по большевистски оцениваете ситуацию. Он понимает лучше. Рабочие готовы к восстанию, вожди мешают.

Свидание закончилось крахом. Я потерял все симпатии Бела Куна, который считал (и стал говорить открыто), что я поступил в отношении его нелояльно, затащив его на совещание с Варским и Лапинским. «Какие они большевики?»

Кун начал работать «на русский лад», — «по старым рецептам», обрабатывая отдельных членов ЦК, — Тальгеймера, Эберлейна и др. «ЦК решил». «На провокацию буржуазии отвечаем с оружием в руках».

Положение в новом ЦК КП Германии, как он был сконструирован после объединения с независимыми, было благоприятным для Бела Куна: склонности к авантюрам у недавних «независимых» было больше, чем у старых спартаковцев. У последних было больше старой марксистской школы. Такие недавние независимцы, как Деймиг, стали горячими сторонниками восстания. Когда кто-нибудь в ЦК говорил об оружии, это был бывший независимец.

Леви в ЦК боролся всеми силами, а когда решение было проведено против него, он уехал в Вену и ждал, что будет. Когда восстание провалилось, издал свою первую брошюру. Несомненно, что писать ее он начал раньше. Клара Цеткин шла

с Леви. Кун их изнасиловал партийной дисциплиной: решение принято, — надо проводить. Гуго Эберлейн получил задание: провокациями вызвать нужное настроение в Средней Германии. Бомбы там были, — предложение он нашел...

Организация восстания была несерьезной с точки зрения боевой. Средняя Германия была выбрана, так как там имелись крепкие рабочие очаги. Одно время я носился с мыслью арестовать Эберлейна на его квартире на неделю-другую. Конечно, писал в Москву, резко протестовал и требовал отзыва Бела Куна. Доказывал, что в Германии нет никаких предпосылок для восстания. Москва отмалчивалась. Создалось впечатление: там — выжидают. Удастся восстание — хорошо. Нет — отрезутся...

Так и вышло. Восстание быстро лопнуло. Бела Кун уехал под Берлин, взяв с собою Тальгеймера и Пауля Фрейлиха и они вместе работали над «Теорией наступления».³⁸ Вышла толстая брошюра, которая была издана ЦК. В это время пришел вызов от Ленина. Бела Кун улетел в Москву. Там было много шума. Кун имел свидание с Лениным. Подробностей я не знаю, но знаю, что Ленин рвал и метал. У Куна был сердечный припадок: после свидания с Лениным упал на улице. На руках притащили домой, — слег. Москва начала расчеты. Всех частных вызвали в Москву. Был приказ: брошюру о «наступлении» уничтожить. Я с особым удовольствием приводил его в исполнение: уцелело наверное не больше 2-3 десятков экземпляров.

Но, конечно, как полагается в таких случаях резко ударили и по Леви. Радек написал брошюру, — разбор брошюры Леви.³⁹ О печатании узнала Клара Цеткин. Думала, что я буду саботировать отправку ее протеста, а потому сама пошла в посольство и потребовала отправки ее протеста шифрованной телеграммой. Отправили. Смысл: «Только что узнала Томас публикует брошюру Радека против Леви, одна глава называется 'Ренегат Леви!' Настаиваю на распоряжении не печатать брошюру».

Ленин ответил через меня для Клары Цеткин:

«Брошюра Радека по содержанию правильна. Главы 'Ренегат Леви' нет».

Ленин играл на том, что глава о Леви в последний момент была названа не «Ренегат Леви», а «Случай Леви». Около этого времени пришло и письмо Ленина к Леви. Я со своей стороны написал Кларе Цеткин. В это время вышла вторая брошюра Леви и он заявил о своем уходе из ЦК. Клара Цеткин колебалась...

Для меня остро стоял вопрос, что делать с письмом Ленина к Паулю Леви? Передать по назначению? Вызвал члена ЦК Вильг. Кеннена. Показываю, — что делать? Тот отвечает: не

знаю. Я требую ответа: решаете задержать? Ответ опять: не знаю...

Я послал телеграмму в Москву и на свой риск вскрыл письмо Ленина к Леви. Содержание было очень характерно, — передаю, как запомнилось:

«ЦК сделал глупость, но вы сделали глупость еще большую, так как вы произвели разрыв вместо того, чтобы повести борьбу. Настоятельно прошу немедленно приехать в Москву, где мы все эти вопросы продискутируем».

Ленин мне ответил телеграммой: письмо передать по назначению. Конечно, я передал, — не прямо, а через Клару Цеткин. Та сняла копию и передала... Письмо это через несколько дней было напечатано в Форвертсе: Леви его «потерял» в кулуарах рейхстага, — явно умышленно и так, чтобы оно попало в руки депутатов социал-демократов...

Должен добавить, что по существу дела я был согласен с Леви, но, конечно, не одобрял его ухода. Обстановка была крайне благоприятная для борьбы. Леви мог создать свою фракцию и стать настоящим лидером ЦК. Больше того, он имел возможность подобрать целую делегацию и поехать во главе ее в Москву, чтобы положить там конец не только хозяйничанию Бела Куна, но и Зиновьева.

Я должен прибавить, что не считаю ответственным за все это дело одного Зиновьева. Зиновьев никогда сам не решал мало-мальски важных дел, а спрашивал всегда Ленина. Звонил ему даже по мелочам. Мне случайно пришлось присутствовать (в конце декабря 1920 г.), когда Зиновьев получил корректуру тезисов о профсоюзах: он о каждой мелочи звонил в Москву Ленину. Зиновьев вообще был трусом патологическим. И физически, и в области мысли. Мне пришлось слышать целый ряд совершенно точных рассказов. Так, напр., в дни наступления Юденича, Шатов, тогдашний «полицмейстер Петрограда», должен был силой удерживать его, чтобы он не удрал из Питера.

ПРИМЕЧАНИЯ Б. НИКОЛАЕВСКОГО

³⁴ Для правильного понимания споров о КРПГ необходимо знать, что закулисную, но весьма значительную роль в этих спорах играло резко отрицательное отношение лидеров КРПГ к вопросу о сближении советского правительства с националистами из консервативно-военных немецких кругов для совместной борьбы против Антанты.

³⁵ В Коминтерн Пятницкий был назначен не в 1922, а с 1 августа 1921 г. — Никогда не грешивший симпатиями к Троцкому, Пятницкий, занимавший в 1920-21 гг. пост секретаря Московского Ком. РКП(б), выделился прямолинейным проведением тогдашних партийных решений по огосударствлению профсоюзов, ответственность за что была возложена на Троцкого. С поста секретаря МК Пятницкий был снят и послан в Коминтерн, подтянуть финансовую бесхозяйст-

венность которого считали необходимым все деятели ЦК РКП(б). На этом посту Пятницкий продержался до 1939 г., когда попал под «ежовщину» и был расстрелян.

³⁶ Этот вывод «тов. Томаса» о роли Ленина в деле восстания марта 1921 г. оспаривается рядом лиц, которые в свое время были в той или иной мере посвящены в секреты Коминтерна. По их мнению, свои авантюристические планы Бела Кун разработал при поддержке Зиновьева, — возможно даже, что последний был их настоящим инициатором. Кто прав в этих оценках, здесь решать, конечно, нет возможности, — это дело будущих исследователей. Я считаю нужным только подчеркнуть, что во время бесед с «тов. Томасом» я обратил его внимание на эту сторону вопроса. «Тов. Томас» мне ответил, что и он в свое время, конечно, слышал эту «анти-зиновьевскую» версию, старательно проверял относившиеся сюда указания и пришел к выводу, что без согласия Ленина Зиновьев никогда на такую большую авантюру пойти не посмел бы.

³⁷ Адольф Варский (настоящая фамилия Варшавский), — польский с.-д. с начала 1890-х гг., личный друг и соратник Розы Люксембург и Л. Иогихеса (Тышко), один из пионеров польской с.-д. Погиб в годы «ежовщины» в советской тюрьме, — теперь посмертно реабилитирован. — Лапинский (наст. фамилия Левинсон), Павел Людвигович — старый польский социалист, лидер марксистского крыла П.П.С. (т. наз. «левицы»); в 1914-17 гг. примыкал к меньшевикам-интернационалистам, личный друг Мартова. После объединения «левицы» с польскими с.-д. стал одним из лидеров польских коммунистов, работал в Нар. Ком. Ин. Дел. Погиб в годы «ежовщины», — теперь посмертно реабилитирован.

³⁸ Вопрос нуждается в выяснении. Брошюра под названием «Оффенсив-Теори» в литературе неизвестна. Имеется брошюра под схожим названием, являющаяся сборником статей о мартовском восстании 1921 г., но она никак не является попыткой теоретического обоснования «теории революционного наступления». По содержанию, элементы такого обоснования были в речах П. Фрейлиха и А. Тальгеймера на III конгрессе Коминтерна, — и нет сомнения, что в этих своих речах они пользовались результатами своих работ, проведенных ими вместе с Бела Куном весной 1921 г. — Накануне второй мировой войны, автору этих строк приходилось встречать в Париже П. Фрейлиха, который там жил на положении эмигранта и примыкал к одной из многочисленных тогда групп немецких бывших коммунистов-оппозиционеров. В беседах с ним я пытался расспрашивать его о событиях 1921 г., но от подробного рассказа он уклонился, заявив, что брошюру «Оффенсив-теори» он действительно написал, но с тогдашней тактикой не согласен, брошюры этой теперь не имеет и собирается о тех временах написать подробно. Насколько мне известно, плана этого он не выполнил.

³⁹ Это была брошюра К. Радека «Die Lehren eines Putsch Versuches».

С. ШВАРЦ

К истории формирования меньшевизма и большевизма

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛДЕМОКРАТИИ В 1904—1905 ГОДАХ

(Статья вторая)

Организационный консерватизм или «реформирование» партии?

Растущее противоречие между господствующим в партии авторитарным режимом и настоятельной потребностью сближения конспиративной партийной организации с бурно развивающимся рабочим движением очень отчетливо сказалось весной 1905 года на большевистском так называемом 3-ем съезде партии. Вопрос об отношениях между рабочими и интеллигентами в партийных организациях принял к этому времени очень актуальный характер — особенно в связи с огромным подъемом рабочего движения и естественной тягой его к социалдемократии. В организациях, находившихся под руководством большевиков, это сказалось особенно болезненно и на 3-ем съезде вопрос этот был выдвинут в качестве отдельного пункта порядка дня.

Докладчик по этому вопросу Максимов (А. А. Богданов) начал чтением проекта резолюции (позже об этом проекте было сказано, что это проект Ленина и Максимова).¹ Проект с первых же слов подчеркивает, что внесение этого вопроса на обсуждение съезда вызывается тем, что «со стороны правого крыла нашей партии систематически продолжают попытки сеять вражду и недоверие между членами партии — рабочими и интеллигентами, попытки изображать наши партийные организации, как чисто интеллигентские..., попытки обвинять социалдемократические организации в стремлении сковать партийной дисциплиной самостоятельность рабочего класса, попытки щеголять лозунгом выборного начала, большей частью без серьезных шагов к проведению его в жизнь» (стр. 253-254).

Обсуждение этого вопроса на съезде носило временами

¹ «Третий съезд РСДРП. Апрель-май 1905 года. Протоколы». Изд. Института марксизма-ленинизма, Москва, 1959 г., стр. 326.

бурный и хаотический характер. Уже первый выступивший после докладчика оратор — Градов (Каменев) — решительно протестовал против обсуждения этого вопроса на съезде, как вызванного исключительно соображениями борьбы с меньшевиками. Каменева энергично поддержал Жарков (Лещинский): «Вопрос об интеллигенции и рабочих существует лишь постольку, поскольку он выдвинут меньшевиками» (стр. 256). Им возражал Лядов: «Я не согласен с т. Градовым, что вопроса об интеллигентах и рабочих не существует... Я думаю, что возникновение рассматриваемого вопроса не может быть объяснено только демагогической деятельностью меньшевиков, и обуславливается оно существованием именно двух слоев в нашей партии — пролетарского и мелкобуржуазного» (стр. 257). Еще категоричнее выступал Лесков (Романов):

«Мы должны вводить рабочих (в комитеты), потому что растет движение, а не потому, что меньшевики 'сеют смуту'» (стр. 332-333);

и Михайлов (Постоловский):

«Рабочие интересуются вопросом об отношении между рабочими и интеллигентами (Крики: устав есть) и ждут с нетерпением ответа съезда по этому вопросу» (стр. 333).

Вопрос об отношениях между рабочими и интеллигентами в партийных организациях встал с особенной остротой, как вопрос об участии рабочих в местных комитетах. Филиппов (Румянцев) сообщил, что «в Петербургском комитете — только один рабочий, несмотря на то, что работа в Петербурге ведется лет 15 (**Ленин: Безобразие!**)» (стр. 261). Положение еще хуже, по сообщению Лескова (Романова), в Северном комитете:

«У нас, в Северном комитете, раньше было на 7 членов — 3 рабочих, а теперь на 8 членов комитета нет ни одного рабочего. В ближайшем будущем этот вопрос еще более осложнится. Помимо влияния партии рабочее движение растет неудержимо, и нужно организовать вновь выдвигающуюся массу. Благодаря этому идейное влияние социал-демократии становится слабее» (стр. 265).

Осипов (Землячка), один из наиболее активных разъездных работников большевистского центра в предсъездовский период, сообщил:

«Не так давно я объезжал кавказские комитеты... В Бакинском комитете в то время был один рабочий, в Батумском один, в Кутаисском ни одного. И только в Тифлисском комитете — несколько рабочих. Неужели товарищи кавказцы предпочитают интеллигентов-комитетчиков рабочим-комитетчикам?» (стр. 334) — Правда,

данные Осипова тут же были оспорены Голубиным (Джапаридзе) в отношении Баку и Барсовым (Цхакая) в отношении Батума. (См. стр. 334-335).

Орловский (Воровский) добавил к этому, что «рабочая партия, в которой все руководство — в наследственном владении интеллигентов, обречена на худосочие» (стр. 275). А Бельский (Красиков) прямо заявил: «У нас в комитетах, которых я в своей работе видел множество, существует какая-то рабочебоязнь» (стр. 336). В спор вмешался Ленин, и страсти даже еще более разгорелись:

«Задача будущего центра переорганизовать значительное число наших комитетов. Необходимо преодолеть инертность комитетчиков (**Аплодисменты и шиканье**).

Я слышу, что т. Сергеев свистит, а не-комитетчики хлопают. Я думаю, что нужно взглянуть на дело шире. Вводить рабочих в комитеты есть не только педагогическая, но и политическая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными социалдемократами. Я очень сочувствовал бы тому, чтобы в составе наших комитетов на каждых 2-х интеллигентов было бы 8 рабочих» (стр. 262).

Говоривший непосредственно после Ленина Михайлов (Постоловский) подлил еще масла в огонь:

«Мы должны позаботиться о немедленном расширении наших комитетов до 15-20 человек с выборным комитетским правлением. Главный контингент комитета должен состоять из рабочих. Говорят, что у нас нет таких рабочих, которые могли бы войти в комитет. Это неверно. Критерий для приема в комитет рабочих должен быть не тот, какой прилагается к интеллигентам. Говорят о выдержанных с.-д., а на практике интеллигенты — студенты 1-2 курса, знакомые с с.-д. идеями по 'Эрфуртской программе' и несколькими номерам 'Искры', признаются уже выдержанными с.-д. Таким образом на практике к интеллигентам предъявляются очень низкие требования, а к рабочим непомерно высокие (**Ленин: 'Совершенно верно!'**). **Большинство голосов: 'Неверно!'**). Единственным правильным критерием для приема рабочих в комитет должна быть степень их влияния в массах (**Свист, крики**). Все рабочие, которые являются вождями и были в наших кружках, должны быть членами наших комитетов ('Верно!'). Я думаю, что только таким путем мы урегулируем острый вопрос между рабочими и интеллигентами и уничтожим всякую почву для демагогии» (стр. 263).

Позже Ленин еще раз вернулся к этому вопросу:

«Я не мог сидеть спокойно, когда говорили, что рабочих, годных в члены комитета, нет. Вопрос оттягивается; очевидно, в партии есть болезнь. Рабочих надо вводить в комитеты. Удивительно:

литераторов на съезде всего трое, остальные — комитетчики, а между тем литераторы за введение рабочих, а комитетчики почему-то горячатся» (стр. 333).

Принятие съездом постановления по вопросу об отношениях рабочих и интеллигентов в партийных организациях было отложено до принятия устава партии (стр. 269). Но возобновившиеся после принятия устава прения еще более запутали вопрос и закончились принятием съездом резолюции — о нежелательности вынесения резолюции по существу вопроса.

Выяснившаяся невозможность принятия съездом решения по существу этого «острого вопроса» обуславливалась очевидно неподготовленностью съезда к пересмотру основ большевистской авторитарной концепции партии. Это с полной ясностью сказалось при обсуждении вопроса о пересмотре устава партии. Докладчик по вопросу о новом партийном уставе — и тут Максимов (Богданов) — отметил вставшую перед партией «необходимость политического руководства громадными массами пролетариата, с невиданной энергией выступающими на политическую арену». Это ставит перед партией два требования: «во-первых, возможный максимум стройности и сплоченности», из чего «вытекает **большая строгость в проведении централизма**»; и, «во-вторых, возможный максимум близости к массам борющегося пролетариата», из чего «вытекает» **«тен-**

² Принятая съездом «резолюция» так прямо и гласила: «Съезд считает излишним выносить особую резолюцию об отношении рабочих и интеллигенции в партийных организациях и переходит к следующему вопросу порядка дня» ((стр. 333 и 465). За эту резолюцию голосовали 12 делегатов съезда (с 24 голосами) против 10 с (19 голосами) при одном (с одним голосом) воздержавшемся, единственным на съезде рабочем Рыбкине (стр. 336).

В меньшинстве (!) голосовали Ленин, Богданов, Румянцев, Красин, Орловский, Цхакая, Постоловский, из делегатов с совещательным голосом Луначарский, Лядов, Красиков, Авилов (Там же, стр. 725, прим. 146); словом, это было подавляющее большинство наиболее влиятельных элементов большевизма, в частности в него входили **все** докладчики (и содокладчики) по **всем** пунктам очень дифференцированного порядка дня съезда за единственным исключением докладчика мандатной комиссии.

Против них сплотилось пестрое большинство съезда, члены которого руководились частью противоположными мотивами. Среди более известных имен можно назвать Рыкова, Каменева, Литвинова, Землячку. В основном, как отметил Ленин (см. в тексте выше), это был бунт «комитетчиков» против идеологов и публицистов («литераторов»).

Кстати, это был единственный в истории большевизма случай, когда Ленин на большевистском съезде остался после упорной борьбы в меньшинстве и где речь Ленина вызвала свист (!).

денция к организационному демократизму». Но в силу «громких препятствий», с которыми сталкиваются обе эти «организационные задачи», они «могут быть разрешены лишь в ограниченных пределах; и так как в этом отношении условия со времени II съезда изменились не особенно значительно, то и реформы партийной организации в обоих указанных направлениях не могут быть особенно радикальными» (стр. 269). При всей расплывчатости — чтобы не сказать вымученности — этих формулировок основная их мысль ясна: никаких принципиальных перемен!

Но частичные перемены были введены и действительно одновременно и в направлении большего централизма и в направлении внесения каких-то элементов демократизма. Первые очень отчетливо и твердо, последние расплывчато и нерешительно.

Устав, принятый на 2-ом съезде партии, предусматривал существование двух центральных учреждений в партии — Ц.К. и Центрального Органа; и Ц.К. и редакция Ц.О. избирались съездом и для согласования их деятельности было создано еще третье учреждение — Совет Партии, в состав которого Ц.К. и Ц.О. избирали каждый двух членов и пятый член — и в то же время председатель — был избран съездом. Эта сложная конструкция имела целью несколько смягчить возможное отрицательное влияние крайнего централизма на жизнь партии. Но эта система органов на практике себя не оправдала и третий съезд от нее отказался. Вместо того, однако, чтобы искать выхода из трудностей на путях введения каких-то элементов демократизма в организацию центрального руководства работой партии — то ли путем усиления в практике партийного руководства начала коллегиальности, то ли путем обеспечения какого-то влияния местных организаций на деятельность центра и т. п., — съезд еще резче подчеркнул начало централизма и авторитаризма в руководстве партии.

По принятому съездом новому уставу партии, во главе партии стоит один полновластный орган — Центральный Комитет, который в свою очередь «назначает» из своей среды «ответственного редактора» центрального органа партии, — не коллегиальную редакцию, как это было до сих пор, а единоличного «ответственного редактора», для которого к тому же уставом создается какое-то исключительное положение: согласно параг. 3 нового устава, на съезде (т. е. на будущем съезде) «ЦК представляется двумя делегатами; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор». Что этим «ответственным редактором» будет Ленин, ни у кого на съезде не вызывало сомнений.

Но гарантии «твердого» руководства шли и дальше. Согласно уставу, кооптация новых членов в ЦК в период до следующего съезда могла иметь место только по единогласному

решению Ц.К. Так оно было уже и по старому уставу партии. Но тогда при отсутствии единогласия в Ц.К. возможно было «обжалование» в Совет Партии, который мог «кассировать» постановление Ц.К., после чего вопрос окончательно решался в Ц.К. простым большинством голосов. По новому уставу — при отсутствии Совета Партии — требование единогласия при кооптации в Ц.К. новых членов приобретало абсолютный характер, что и вызвало на съезде протесты ряда делегатов. Но внесенное Петровым-Квиткиным предложение об исключении из устава фразы об обязательном единогласии при кооптации в Ц.К. («единогласная кооптация закрепляет влияние заграницы») было отклонено голосами 13 участников съезда против 6 (стр. 302). На следующий день, однако, вопрос был вновь поднят на съезде: за подписями 11 делегатов съезда, из которых некоторые голосовали накануне за требование единогласия при кооптации в Ц.К., поступило формальное предложение о пересмотре вчерашнего решения. И только под прямым давлением на съезд его руководства (упрек в «мальчишеском отношении» к прениям и пр.) предложение о пересмотре вчерашнего решения было отклонено — при равенстве поданных за и против него голосов (стр. 323-325).

Но в новом уставе нашла свое отражение и тенденция к обеспечению каких-то «прав» за местными организациями, которые до того формально им предоставлены не были. Прежде всего была устранена возможность роспуска («раскассирования») местного комитета Центральным Комитетом. Формально такого права не предоставлял Ц. К-ту и старый устав. Но устав этот просто не касался этого вопроса и практика «раскассирования» и введения в состав местных комитетов новых членов, вопреки воле самих местных комитетов, вошла в быт. Новый устав прямо ее не исключил, но окольным путем устранил, оговорив в ст. 12 устава, что кооптация в местный комитет лиц, предложенных Ц.К-том, производится простым большинством голосов (а не двумя третями голосов, как при обычной кооптации). В порядке толкования этого постановления в выпущенном Ц.К. по окончании съезда «Извещении о III съезде РСДРП» было подчеркнуто, что «личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т. е. у Ц.К. отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета» (стр. 2).

Далее, за местными комитетами формально были признаны некоторые «права», которые до сих пор не были обеспечены. Прежде всего (параг. 7 устава) право на издание — на свои средства и от своего имени — партийной литературы (т. е. право ставить на листках и брошюрах, издаваемых организацией, отметку РСДРП). При окончательной редакции этого устава в него было внесено дополнение: «Ц.К. обязан транспортировать издания всякой организации», — но с ограниче-

нием: «если этого потребуют пять полноправных комитетов» (стр. 270 и 461).

Как трудно было добиться даже таких скромных «прав» местных организаций, еще резче сказалось на следующем параграфе проекта устава, посвященном «праву осведомленности» местных организаций: «Все периферийные организации (такими считались все партийные организации, кроме общих и местных центров— С. Ш.) имеют право широкой и своевременной осведомленности в общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные условия». Неловкость включения такого постановления в устав партии понимали и многие делегаты съезда, и после почти фантастических прений³ съезд постановил исключить параграф 8 из устава и формулировать выраженную в нем мысль в особой резолюции съезда (стр. 295), которая и установила, что «в обязанности как ЦК, так и местных центров входит возможно полное осведомление партийных организаций о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения».⁴

³ «Тут, что ни слово, то каламбур. Сказано: ‘все, кроме общих и местных центров имеют право осведомленности’. Выходит, что общие и местные центры этого права не имеют», сказал Орловский. «Кроме того, суть вопроса не в правах, а в обязанностях. Руководящие центры обязаны сами осведомлять организации, а не ждать, пока периферии путем запросов будут пытаться реализовать свое право». — Его поддержал Сосновский (Десницкий): «Все то, что занесено в парагр. 8, подразумевается само собой в каждой с.-д. партии и не нужно этого заносить в устав. Съезд только должен, раз это элементарное правило нарушалось, напомнить об этом в особой резолюции». — Еще резче говорил Камский (Обухов): «Такие истины в устав не заносятся. Необходимо этот параграф вычеркнуть из устава, дабы не вызвать смеха. Но так как не всегда руководящие центры помнили аксиому, какая заключается в парагр. 8, то следует в особой резолюции напомнить о ней». — Им возражал Постолювский: «Я думаю, что внести в устав этот параграф необходимо. Здесь говорят, что это азбука, но в ненормальное время и азбука забывается. В последнее время всякая высшая организация конспирировала от низшей. В моей практике я прошел все инстанции от члена периферии до агента ЦК и везде наталкивался на одно и то же явление. Так, в Одессе комитет отказался сообщить мне, члену одесской периферии, план организации и работы. ЦК скрыл от меня, агента ЦК, один из пунктов договора с БКБ. Раз действительно аксиома осведомленности забывается, то ее нужно ввести в устав» (стр. 293-295).

⁴ Но и тут не обошлось без странной путаницы. Проект резолюции, предложенный Орловским (стр. 325-326), был принят съездом «за основу» и сдан вместе с другими проектами в комиссию (Там же, стр. 328). Но съезд к этому вопросу уже не возвращался

Кроме «права осведомленности», параг. 8 проекта устава предоставлял периферийным организациям и еще два «права» — это «право совещательного голоса» при обсуждении местным комитетом общепартийных и местных дел (конечно, «поскольку этому не препятствуют конспиративные условия») и «право предлагать официальных кандидатов» для кооптации их в местный комитет, причем кандидаты эти — согласно параг. 12 проекта устава, — как и кандидаты, предлагаемые Центральным Комитетом, «кооптируются простым большинством голосов». И «право совещательного голоса», как и «право осведомленности», заменено было — в результате принятия соответственной резолюции — обязанностью местных комитетов «привлекать с совещательным голосом» представителей периферийных организаций при обсуждении «всех общепартийных местных дел».⁵

Практическое значение этих постановлений оказалось однако ничтожно. Ни в периодической печати того времени, ни в мемуарной литературе мне не встретилось ни одного случая привлечения с совещательным голосом представителей периферийных организаций к обсуждению в комитете тех или иных вопросов (или привлечения представителей местных комитетов к работе Ц.К.) или случая формального выдвижения периферийными организациями кандидатов для кооптации их в местный комитет. Что верно, это что практика «раскассирования» и навязывания Центральным Комитетом местным комитетам неугодных им членов прекратилась или во всяком случае резко сократилась. Но в целом структура большевистской части партии в результате третьего съезда — и теперь уже и формального раскола — осталась неизменной или даже в какой-то мере «затвердела». И этим, может быть, и объясняется, что отмеченные выше робкие попытки пойти во внутренние организации партии в какой-то мере навстречу требованиям жизни не дали результатов. Консервативное начало победило.

Этот организационный консерватизм очень отчетливо сказался настроенным отношением большевиков к остро вставшим, начиная с зимы 1904/5 года, вопросам о «неоформленных организациях» и о «явочном порядке». Третий съезд не коснул-

и в протоколах съезда проект, предложенный Орловским, был напечатан в числе «резолюций съезда» (стр. 458-459).

⁵ Упоминание о праве периферийных организаций предлагать кандидатов для кооптации в местный комитет при переработке параг. 8 устава в резолюцию, правда, исчезло. Но в параг. 12 устава осталось упоминание, что кандидаты, предложенные первичными организациями, кооптируются в местный комитет простым большинством голосов, т. е. *implicite* за периферийными организациями право выдвигать таких кандидатов было признано.

ся этих вопросов ни в одной из своих многочисленных резолюций и бесследно вытравил из первоначального проекта резолюции «Об открытом политическом выступлении РСДРП» имевшееся в нем указание на желательность использования «полулегальных путей» для создания каких-либо рабочих соединений.

Выше уже отмечалось, как организационная концепция меньшевиков обгоняла реальные организационные возможности социалдемократии в обстановке зашатавшегося самодержавия, еще удерживающего в своих руках власть, но уже явно колеблющегося и то отступающего перед натиском событий, властно требующих глубоких перемен, то вновь показывающего зубы. Это противоречие между сознаваемым, как необходимое, и возможным сказывалось известной неопределенностью конкретных попыток меньшевиков внести элементы нового в организацию партии и отстаиванием мысли, что самая возможность принципиальной организационной перестройки возникает в процессе развития событий и в особенности в процессе развития рабочего движения. Это и была мысль об «организационном процессе», по задуманной, как полемическая, но по существу верной формуле Ленина. (См. в № 1 сборника, стр. 113, прим., ссылки на ряд высказываний Ленина в 1905 году).

В мемуарной литературе сохранился рассказ о поисках петербургскими меньшевиками в конце 1904 года новых путей к решению организационного вопроса. Автор рассказа об обсуждении в Петербургской Группе новаторского «организационного плана» Сомов сообщает о нем (он скромно умалчивает при этом, что он и был автором этого плана):

«Основной ячейкой организации должна быть, согласно этому плану, заводская группа, состоящая из наиболее сознательных и влиятельных рабочих данного завода. Главной задачей этой группы должно было быть реагирование листками на всякие более крупные события заводской жизни, столкновения с администрацией, злоупотребления последней, как в области вопросов, касающихся материальных условий жизни рабочих, так и затрагивающих рабочего как гражданина... Представители всех заводских групп данного района должны были образовать районное собрание, ведающее вопросами всего района, между прочим и занятиями в пропагандистских кружках. Автор этого проекта предполагал, что эти заводские группы могут послужить зародышем профессиональных союзов в свободной России подобно тому, как районные собрания станут инициаторами политических клубов и политических союзов. Это было однако крайнее мнение, которому в группе же противостояло другое крайнее мнение, отрицавшее вообще возможность какой бы то ни было организации при полицейских условиях самодержавной России и сводившее всю

роль социалдемократических комитетов к политической агитации листками, брошюрами и их распространению среди рабочих... Между этими двумя крайними мнениями колебалось большинство центральной группы, которая не успела однако прийти к определенному решению по этому вопросу, так как наступили события, когда было не до организационных экспериментов...» («Былое», 1907 г., апрель, стр. 28-29).

Это был только зародыш организационного плана. Он еще не касался более трудного вопроса о создании общеродского центра и о его отношениях с районными центрами и почти игнорировал большие политические задачи, встававшие перед социалдемократией. Может быть, здесь сказалось, что автором этого плана был бывший рабочеделец. И рабочеделческим же прошлым Сомова, вероятно, в какой-то мере объяснялись и положительные черты этого плана, его смелость в апелляции к организационной самостоятельности рабочих. В этом вопросе бывшие рабочедельцы оказывались часто в среде меньшевиков наиболее прогрессивным элементом.

Январские события и последовавший за ними подъем массового рабочего движения резко стимулировали в меньшевистской части социалдемократии поиски путей реформирования партийной организации на демократической основе. Но и шире — поиски организационного реформирования всего рабочего движения путем широкого использования практики «явочного порядка» для создания массовых «неоформленных организаций». Обе группы вопросов тесно переплетались друг с другом.

На состоявшейся в апреле-мае 1905 года в Женеве — одновременно с большевистским «третьим съездом» в Лондоне — меньшевистской «общерусской конференции партийных работников» все эти вопросы были подвергнуты широкому обсуждению и новая организационная концепция меньшевиков, как она складывалась в бурной обстановке начинающейся революции, нашла свое выражение в ряде резолюций конференции. К сожалению, подробного отчета о конференции никогда опубликовано не было и вместо такого отчета появилась лишь небольшая брошюра, содержащая главным образом принятые конференцией резолюции и вышедшая в виде приложения к № 100 «Искры» (от 15/28 мая 1905 г.). Я лишен поэтому возможности анализировать доклады и прения на конференции, как это было сделано выше в отношении «третьего съезда». Но уже и резолюции конференции позволяют составить себе отчетливое представление о развитии в 1905 году организационных взглядов меньшевиков.

В этом отношении наибольший интерес представляет «организационный устав» партии, выработанный конференцией, но — по не совсем понятным причинам — почти совершенно

не привлечший к себе внимания ни в литературе того времени, ни в позднейшей исторической литературе. Тем больше оснований остановиться здесь на нем подробнее.

Введение к резолюции конференции об организационном уставе подчеркивает эластичный характер предлагаемой уставом организации:

«Стремясь гарантировать более широкому кругу партийных работников участие в выработке и направлении партийной политики, конференция предлагает ряд организационных норм в целях реформирования в этом направлении местной работы. При этом конференция считает нужным указать, что предлагаемыми для местных организаций нормами она стремится внести в партийно-организационную жизнь ту степень демократизма, которая настолько назрела, что уже в настоящее время может быть проведена во всех развитых организациях. В то же время конференция рекомендует местным организациям везде, где условия этому благоприятствуют, идти и дальше по пути демократизации, повышая, с одной стороны, степень влияния низших организационных ячеек на практическую деятельность партии и, с другой стороны, вводя постепенно выборное начало в систему местной организации».

На намеченном в резолюции об организационном уставе плане построения организации партии лежит явственная печать переходного времени, когда самые основы полицейского государства, каким была царская Россия, уже поколебались, но нового прочного демократического порядка еще не создано. Поэтому и весь намеченный здесь организационный план носит несколько расплывчатый характер; это скорее схема, которой нужно по возможности следовать, а не устав в строгом смысле этого слова, точно определяющий взаимоотношения между различными организациями в партии и права и обязанности ее членов. Но и как организационная схема «организационный устав» представляет большой интерес.

Согласно этому «уставу», на местах сохраняются местные городские комитеты, но по существу это лишь органы технических объединяющие местную работу. **«Руководящим политическим коллективом»** в каждом городе является не местный комитет, а «комитет вместе с районными комитетами». В свою очередь районные комитеты состояются из «лиц, принимающих деятельное участие в работе организаций данного района». Но в районный комитет входит и представитель местного комитета, который, однако, «по требованию большинства членов районного комитета» должен быть местным комитетом отозван и заменен другим лицом. Только «в экстренных, не допускающих отлагательства случаях, требующих от комитета немедленного действия до опроса районных комитетов, комитет имеет право действовать самостоятельно, но затем он от-

дает отчет о своей деятельности районным комитетам». И если при этом «со стороны большинства членов районных комитетов» комитету будет выражено недоверие, «комитет реорганизуется по взаимному соглашению областного комитета и районных комитетов». — «При образовании комитета в месте, где такового не было, он образуется по взаимному соглашению областного комитета и собрания ответственных работников».

«Руководящим политическим коллективом», т. е. местным комитетом совместно с районными комитетами, устанавливается и порядок выборов на областной съезд, который избирает областной комитет в составе 3-5 лиц, являющийся «постоянным органом, объединяющим работу местных организаций и связывающим их между собой»; но и члены областного комитета «по возможности все участвуют в местной работе». Наконец, органом, объединяющим всю работу партии, является «регулярная конференция» из представителей всех областных комитетов и избираемой ею Исполнительной Комиссии.

Но что особенно характерно для этого периода, — массовое рабочее движение, по существу близкое к социалдемократии, одушевленное смутно сознаваемыми идеями борьбы за демократию и социализм, **не укладывалось ни в какие партийно-организационные рамки**. Руководство меньшевистской частью партии отдавало себе в этом отчет и искало путей, которые позволили бы превратить социалдемократию в широкую рабочую партию. В специальной резолюции «Общерусской конференции партийных работников», посвященной «мотивировке организационных резолюций», конференция отметила:

«События последнего времени свидетельствуют о том, что РСДРП является громадной политической силой, оказывающей крупное влияние на всё более широкие слои рабочего класса. Но эти же события показали, что растущее политическое влияние социалдемократии не находит своего отчетливого выражения в соответственном развитии самой партии, как самоуправляющейся социалдемократической организации пролетарского авангарда...

Слишком медленно растет в партии количество элементов, способных самостоятельно руководить движением пролетарских масс. И в то же время в пролетарской среде, подчиняющейся идейному влиянию социалдемократии, растет количество политически зрелых элементов, могущих участвовать в работе партии и порою выступающих самостоятельно в роли руководителей массы, но остающихся вне наших партийных организаций».

В этой обстановке пробуждающейся массовой активности, ищущей каких-то элементарных организационных форм, почти стихийно возникло множество зачаточных организаций, в политическом обиходе и в литературе получивших обобщающее название **неоформленных организаций**. В соответствии

с общей меньшевистской ориентировкой, Общерусская конференция партийных работников отнеслась к ним безусловно положительно и вынесла специальную резолюцию «О неоформленных организациях», в которой отметила, что «в атмосфере существующего революционного брожения в широких массах возникают разного рода неоформленные соединения рабочих», которые «в силу исторической обстановки становятся исходными пунктами политического сплочения пролетариата», чем создается «опора для быстрого расширения и укрепления самостоятельной партии рабочего класса под знаменем социал-демократии». Конференция рекомендовала партийным работникам «1) содействовать возникновению и распространению таких соединений и 2) стремиться обратить их в руководимые социалдемократией постоянные революционные организации пролетариата (революционные рабочие клубы), ставящие себе целью непрерывное вмешательство в ход государственной и общественной жизни в интересах рабочего класса». — Эта последняя мысль — о создании «революционных рабочих клубов» — несомненно была навеяна историческими воспоминаниями о роли революционных клубов во Франции в годы Великой французской революции.

Неоформленные организации возникали, как правило, при полном игнорировании их инициаторами существующего законодательства и официальной административной практики, в так называемом **явочном порядке**. Положительное отношение к широкому использованию явочного порядка являлось для меньшевиков настолько само собой разумеющимся, что никому из авторов резолюции о неоформленных организациях, по-видимому, даже и в голову не пришло особо упомянуть о явочном порядке в этой резолюции. Но в резолюции конференции о профсоюзах конференция прямо призвала к организации профессиональных союзов «вопреки существующим еще запретительным законам».

Это была подымающаяся «стихия» рабочего движения, в которой меньшевики видели огромный шанс для социалдемократии, но перед которой большевики, «вооруженные» теорией о «сознательности» и «стихийности», часто чувствовали себя совершенно растерянными. В большой статье, «К работам 'твердого' съезда» в № 101 «Искры» (от 1/14 июня 1905 г.), подводившей итоги 3-го съезда в организационном вопросе, большевистской организационной концепции противопоставлялась концепция меньшевиков:

«Твердые» товарищи до сих пор не усвоили себе той истины, что руководящая **массами** социалдемократическая партия не может быть ничем иным, как **союзом социалдемократических рабочих организаций**. Совокупность комитетов не есть еще партия: в лучшем случае это только совокупность ее исполнительных и руководящих органов. Совокупность профессиональных агитато-

ров, пропагандистов и организаторов не есть еще рабочая партия — это только ее 'становой хребет'. Партия должна быть совокупностью всех передовых, сознательных элементов пролетариата, согласных вести координированную борьбу за интересы своего класса, согласных подчиняться дисциплине организованного целого... И если мы до сих пор переживаем процесс перехода от 'организации профессиональных революционеров' к социалдемократической рабочей партии, если, по историческим условиям, этот переход не может совершиться 'с сегодня на завтра', то обязанностью всех смотрящих вперед социалдемократов является при перестройке и перестройке партийной организации сознательно двигаться по направлению к этой цели».

«Переход от 'организации профессиональных революционеров' к социалдемократической рабочей партии» — эти слова точно характеризовали ту задачу, которая объективно встала перед российской социалдемократией летом 1905 года. В этом и состояла задача реформирования партии, над разрешением которой билась мысль меньшевистского руководства. Но в течение месяцев, протекших от Общерусской конференции партийных работников до октябрьских дней, и меньшевики успели лишь приступить к перестройке своих организаций в демократическом духе, как это намечала резолюция конференции об организационном уставе. Об этом имеется много сообщений в «Искре» из ряда провинциальных центров, но не из Петербурга, где этому развитию помешал разгром в мае юне меньшевистского партийного руководства по доносу Доброскокова («Николая — Золотые очки»), самого крупного в годы первой революции провокатора в кругах меньшевиков. Стоит отметить, что меньшевистская пропаганда в пользу демократической перестройки партийной организации оказывала нередко влияние и на рабочих-большевиков и как-то сказалась и на начавшихся вскоре после Третьего съезда и Общерусской конференции осторожных переговорах между двумя партийными центрами («ЦК», избранным «Третьим съездом», и «Организационной Комиссией», избранной «Общерусской конференцией») об объединении партии, завершившихся в октябре федеративным объединением обеих частей партии.

Во второй половине лета, уже почти на пороге октябрьских событий, в меньшевистской среде была выдвинута новая мысль, которая вскоре оказала значительное влияние на дальнейшее развитие организационных взглядов меньшевиков. Это была мысль о созыве всероссийского рабочего съезда.

Проблема рабочего съезда

Инициатором и горячим пропагандистом идеи всероссийского рабочего съезда в ее развернутом виде был П. Б. Аксельрод. Мысль о рабочем съезде носилась в воздухе. Противоречие между огромными задачами, вставшими перед рабочим классом в начавшейся революции, и отсутствием организаций, сколько-нибудь широко охватывающих рабочие массы и действительно их представляющих, болезненно ощущалось многими деятелями рабочего движения. Мысль о преодолении этого противоречия путем съезда рабочих представителей со всей России возникла прежде всего среди работников только что зародившегося профессионального движения. Уже летом 1905 года они заговорили о необходимости готовить созыв всероссийского съезда профессиональных союзов, не столько даже для объединения существующих еще очень слабых союзов, сколько для обеспечения широкой и быстрой повсеместной организации профессионального движения. Позже — после возникновения в октябре советов рабочих депутатов — мысль об организации, через такого рода советы, охватывающей рабочие массы по всей России, возникла, как мысль о созыве всероссийского съезда представителей советов рабочих депутатов. Энергичным защитником этой идеи был Троцкий, позже, в июле 1906 года, уже в тюрьме, давший этому организационному плану стройную схематическую формулировку в брошюре «Наша тактика в борьбе за Учредительное Собрание»:

- «1. Советы рабочих депутатов — на местах.
2. Всероссийский рабочий съезд.
3. Всероссийский Рабочий Совет, как постоянный орган, созданный рабочим съездом» (Троцкий, «Сочинения», Москва-Ленинград, т. II, ч. 1, 1925 г., стр. 435).

Вся аргументация Троцкого говорила, однако, что он смотрит на Всероссийский Рабочий Совет, как на «постоянный орган» лишь в обстановке и на период революции.

Идея рабочего съезда, как ее выдвинул Аксельрод, была и сложнее и шире и была связана — вернее, в своем развитии тесно переплелась — с мыслью о создании широкой рабочей партии или о превращении социалдемократии в широкую рабочую партию.

Идея рабочего съезда была выдвинута Аксельродом в первоначально не предназначавшихся для печати письмах его к членам избранной на апрельско-майской меньшевистской конференции Организационной Комиссии. Но аргументация Аксельрода сразу нашла такой горячий отклик в руководящих меньшевистских кругах, что редакция «Искры» решила выпустить письма Аксельрода брошюрой, которая и вышла в Жене-

ве почти накануне октябрьских событий под названием «Народная Дума и Рабочий Съезд».

В письмах Аксельрода обсуждение идеи рабочего съезда связывается с обсуждением выдвинутого «Искрой» плана проведения параллельно подготовлявшимся выборам в так наз. Булыгинскую Думу всенародных выборов — конечно, «явочным порядком» — в Народную Думу. И в широких партийных кругах создалось представление, что в самом своем существе идея рабочего съезда связана с идеей Народной Думы. Распространению этого мнения содействовал и тот факт, что брошюра, выпущенная «Искрой», вышла под названием «Народная Дума и Рабочий Съезд». В действительности вопрос в письмах Аксельрода ставился общее. В первом из трех писем¹ автор вообще не касается вопроса о Народной Думе и ставит общий вопрос о путях укрепления «позиции» рабочего класса, которая целиком отождествляется здесь с «позицией» социал-демократии:

«Мне кажется, нужно было бы сосредоточить все внимание передовых и инициативных единиц партии на одном практическом деле: организации и созыве общего рабочего съезда для обсуждения и принятия определенных решений по вопросу о программе ближайших требований и образе действий рабочего класса. В связи, рядом и одновременно с этим общим съездом должен быть созван и заседать съезд социалдемократов, большинство делегатов которого опять-таки должно состоять из рабочих.

Порядок и ход агитации мне представляется в таком виде: 'Организационная Комиссия' созывает конференцию, примерно, из десятка или около того известных ей партийных работников и, обсудив на ней план агитации среди рабочих в пользу съезда и проект программы его очередных вопросов, обращается затем от имени партии к рабочим с воззванием, в котором должны быть, во-первых, кратко указаны факты выступления официальных органов либеральной и демократической буржуазии, охарактеризованы социальный состав и программы действий этих органов ('Союз Союзов', 'Бюро земского съезда' и т. д.); во-вторых, указано, что ждет рабочих, если они немедленно не организуются в особый союз с самостоятельной программой и тактикой, вместо того, чтобы тащиться в хвосте за буржуазными союзами и входить

¹ Первое письмо было написано около середины июля (по старому стилю). Во 2-ое издание брошюры (П. Б. Аксельрод «Народная Дума и Рабочий Съезд», изд. 2-ое, книгоиздательство «Новый Мир», Петербург, 1907 г.), кроме трех упомянутых выше писем вошло обширное предисловие, написанное весною 1907 года (стр. 3-17), глава из начатой было после разгона 1-ой Думы брошюры (стр. 37-48) и статья Аксельрода «По поводу агитации против 'идей' рабочего съезда», появившаяся в № 1 «Социалдемократа» 1907 года (стр. 48-55).

в их состав, как отдельные индивидуумы, или даже целыми группами.

Нужно, в-третьих, указать на рабочий конгресс, как на первый шаг к образованию такого союза.

Главной задачей съезда должно быть обсуждение очередных вопросов общественной жизни: созыв Учредительного Собрания, отношение к правительственной каррикатуре народного представительства и к тактике организаций и собраний буржуазной оппозиции... Экономические и политические реформы, которые должно будет осуществить Учредительное Собрание и за которые нужно будет агитировать уже до и во время выборов в это Собрание» (стр. 19-20).

Заслуживает внимания, что вся работа по организации съезда сосредоточивается здесь еще в руках Организационной Комиссии, т. е. меньшевистского центра, и что не только о привлечении к этой работе большевиков (что представлялось безнадежным; об этом еще будет речь ниже), но и о попытке придать самой организации съезда общерабочий, непартийный характер здесь нет еще и речи. И в заключительной части письма Аксельрод еще раз подчеркивает, что идеальной ему представляется возможность «создать общерабочий съезд исключительно по инициативе и от имени партии», т. е. меньшевистской части партии.

Но уже очень скоро — менее, чем через месяц — Аксельрод, отвечая на вопросы, поставленные ему в связи с его первым письмом одним из членов Организационной Комиссии, ставит вопрос о рабочем съезде гораздо шире. Конечно, Организационная Комиссия должна взять на себя инициативу по созыву съезда — больше некому, — но она отнюдь не должна стремиться превратить это в партийное дело. Задача заключается в создании действительного политического представительства рабочего класса:

«Передовые слои рабочего класса должны создать свою собственную политическую организацию, имеющую свой центр и сплачивающую рабочие массы — под **всевозможными** формами — вокруг своего знамени, неустанно поддерживающую в них горячий интерес к животрепещущим событиям дня и мобилизующую их на арену решительных революционных действий всякий раз, когда на очереди стоят вопросы, затрагивающие жизненные интересы рабочего класса и народных масс вообще... Но само собой разумеется, что предполагаемая мною политическая организация рабочих может быть вызвана к жизни только под энергичным воздействием и при прямом участии социалдемократов (рабочих и интеллигентов), как тесно **сплоченного** ядра, действующего по определенному плану и вносящего в среду охваченных общественным движением пролетариев воодушевление мыслью о самостоятельном выступлении своего класса на общественно-политической арене...» (стр. 27).

Выполняя инициативную и очень активную роль в этом развитии, социалдемократия сама при этом должна пережить глубокий процесс самопреобразования. Являясь «исторически сложившейся ячейкой политической партии пролетариата», социалдемократия «в процессе объединения передовых слоев пролетариата должна сама реформироваться и развиваться в настоящую партию рабочих масс, пропитывающую их повседневную борьбу за частичные улучшения принципиальными, основными стремлениями и выступающую в ней их сознательным революционным авангардом» (стр. 30).

Годом позже Аксельрод довел эту мысль до ее логического конца:

«На свою интеллигентскую социалдемократическую партию мы смотрели, как на переходную организацию и орудие в историческом процессе образования классовой политической организации рабочих масс. И с точки зрения этой... исторической миссии нашей партии она в настоящий период... обязательно должна предпринять первые предварительные шаги для коренной перестройки и своего собственного организационного здания (не только в формальном и техническом смысле) на 'устоях' вполне пролетарских. Такими предварительными шагами я и считаю созыв рабочего съезда и агитационную и организационную работу партии по его подготовке. Это подготовка и самый съезд могут и должны послужить первыми этапами на пути превращения российской социалдемократии из партии революционной интеллигенции, идейно и политически влияющей на передовые элементы пролетариата, в непосредственно классовую партию самого пролетариата» (стр. 45-46).

И еще отчетливее, правда, с оговоркой, что это его личное мнение:

«Я лично считаю даже вполне вероятным, что съезд признает нашу программу своей (хотя бы с несущественными изменениями) и выработает тактическую линию для ближайшего периода, вполне соответствующую этой программе. В этом случае нашей партийной организации придется слиться с новой, рабочей, социалдемократической организацией в одну партию — социалдемократическую. Этим она исполнит свой последний долг по отношению к пролетариату, ибо сама поможет его передовым элементам совершить революцию, с целью устранения режима организованной опеки интеллигенции над пробудившимися к сознательной политической жизни рабочими массами и замены его режимом их организованного самоуправления. В этом ideally благоприятном случае рабочий съезд сыграет роль пролетарского учредительного собрания, которое ликвидирует наш старый партийный строй и положит начало новому партийному режиму в рядах социалдемократии и передовых слоев пролетариата. Такой съезд

знаменовал бы собою величайшее торжество нашей партии» (стр. 47-48).

Октябрьские события отодвинули проблему рабочего съезда, как ее формулировал Аксельрод, на задний план и в сколько-нибудь широких партийных кругах проблема эта в то время даже не обсуждалась. Правда, М. Панин, один из наиболее деятельных членов Организационной Комиссии в этот период, писал позже, что «Организационная Комиссия и редакция 'Начала' на своих совместных заседаниях, посвященных вопросу о рабочем съезде, искали оснований, на которых можно было бы комбинировать и движение профессиональных союзов и движение С.Р.Д. в пользу рабочего съезда, — комбинировать для создания прочной и политической, и массовой организации пролетариата».² Но даже на страницах «Начала» эти «поиски» не нашли или почти не нашли своего отголоска,³ а основная масса активных партийных работников в провинции просто еще ничего об этой проблематике не знала.⁴

Только с середины 1906 года вопрос о рабочем съезде выдвинулся вновь и подвергся оживленному обсуждению, главным образом в меньшевистской печати. Но анализ этого развития уже выходит из рамок этой работы. Здесь необходимо отметить только еще, что с самого начала — т. е. еще в 1905 году — идея рабочего съезда натолкнулась на решительно отрицательное к ней отношение в руководящих большевистских кругах. Но внешне это отрицательное отношение находило свое отражение главным образом в замалчивании всей проблемы. В 1926 году в т. 5 «Ленинского сборника» был опубликован составленный Лениным в октябре 1905 года «план бро-

² М. Панин «Рабочий съезд на партийном съезде», «Отклики», сборник, апрель 1907 г., Петербург, стр. 8.

³ В «Начале» за все недолгое время его существования (от 13-го ноября до 3-го декабря) не появилось ни одной статьи, в которой хотя бы мимоходом обсуждались проблемы рабочего съезда. И в обширной хронике «Начала» я натолкнулся на упоминание о рабочем съезде только два раза: в Невском районе (в Петербурге) 23-го ноября в порядке дня районного собрания меньшевиков стоял вопрос о рабочем съезде, но до обсуждения его не дошло и вопрос был отложен до следующего собрания («Начало» № 10 от 25-го ноября); Киевская конференция партийных работников (меньшевиков) высказалась за «важность немедленного созыва рабочего съезда с представительством от всех организаций пролетариата» («Начало» № 14 от 30-го ноября).

⁴ Этому противоречит показание П. А. Гарви, писавшего в «Воспоминаниях социалдемократа» (Нью-Йорк, изд. Фонда по изданию литературного наследия П. А. Гарви, 1946 г.) о состоявшейся в Ки-

шюры» «О брошюре П. Б. Аксельрода 'Народная Дума и Рабочий Съезд'» (Ленин, т. 9, стр. 385-388). Здесь дана чрезвычайно резкая оценка брошюры и всего Аксельродовского плана: «прообраз всех искровских глупостей», «куча курьезов», «ахиня», «хаотичность идей» и т. д. Но брошюра Ленина так и не была опубликована. Может быть, потому, что октябрьские события поставили перед социалдемократией все организационные проблемы по новому и проблема рабочего съезда, казалось, утратила свою актуальность или, во всяком случае, требовала нового и иного анализа.

еве в конце лета 1905 года южнорусской конференции организаций «меньшинства». Только что выпущенный из тюрьмы в Ростове н/Д., Гарви приехал в Киев на следующий день после окончания конференции и успел еще принять участие в работах редакционной комиссии, которой поручена была «окончательная отделка принятых конференцией резолюций». Резолюции эти, вспоминает Гарви, предусматривали в частности осуществление «плана», который «был развит в известной брошюре П. Б. Аксельрода 'Народная Дума и Рабочий съезд'»; конференция «в пространной резолюции конкретизировала этот план» (стр. 509).

Но у Гарви, вообще говоря, мемуариста очень добросовестного, но писавшего свои воспоминания — большею частью более, чем через четверть века после описываемых событий — главным образом по памяти, мало проверяя свои воспоминания по сохранившимся документам, это была несомненная аберрация памяти. В отчете о южнорусской конференции, напечатанном в № 111 «Искры» (от 24-го сентября/7-го октября) приводятся важнейшие резолюции конференции. В действительности в резолюции конференции «по поводу Государственной Думы» даже и слов этих еще нет «Народная Дума» и «Рабочий Съезд». В резолюции конференции «о предстоящем съезде представителей профессиональных союзов», правда, есть слабый зачаток идеи широкого рабочего съезда:

конференция постановляет «предложить Бюро, организующему профессиональный съезд, дать право представительства на съезде правильно организованным собраниям рабочих, которые, в присутствии представителей соответствующих профессиональных союзов, заложат основу новых профессиональных союзов».

Но все это в лучшем случае оставалось еще в рамках постановки вопроса о рабочем съезде до «писем» Аксельрода.

(Статья третья следует)

Цена 1 долл. 25 цент.

Адрес редакции и конторы:

THE SOCIALIST COURIER

7 East 15th Street, Room 407
New York 3, N. Y.